

Вещь

3/2011

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Поэзия

Андрей Пермяков

Проза

Александр Д. Медведев

Анатолий Королев

Драматургия

Гульнара Ахметзянова

In Memoriam

Арсений Бессонов (1981-2005)

Вещь

3/2011

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

ПЕРМЬ 2011

Содержание

- 3 ..... **Андрей Пермяков**
Облако, темное изнутри (стихи)
- 9 ..... **Семен Ваксман**
Слушайте, если хотите... (глава из романа)
- 18 ..... **Анна Бердичевская**
За тьмой, за бездной страшной (стихи из новой книги)
- 23 ..... **Александр Д. Медведев**
Город и Река (повесть)
- 43 ..... **Гульнара Ахметзянова**
Любовь как доза кокаина (пьеса)
- 69 ..... **Анатолий Королев**
Вторая смерть Лазаря (рассказ)
- 76 ..... **Арсений Бессонов (1981-2005)**
Чем проще, тем больней
- 85 ..... **Круглый стол**
Кому и зачем сегодня нужна пермская литература
- 90 ..... **Первоочитатель**
Юбилей Надежды Николаевной Гашевой
- 97 ..... **Анна Суворова**
Художники и «Нехудожники» (искусство Перми: 1986-1993 гг.)
- 110 ..... **Ольга Роленгоф**
Массовая поэтическая культура (литература на фестивале «Живая Пермь»)
- 113 ..... **Дарья Тамирова**
Сядь на пенек, прочти «пирожок»
- 118 ..... **Константин Комаров, Светлана Ворошилова, Татьяна Наумова, Арина Маслакова, Екатерина Симонова**
Рецензии («Библиотека имени меня», «Тургенев, сын Ахматовой», «Счастливые», «Бомжик мой миленький», «Сад со льдом», «Голоса на воде», «Цивилизация Хранителей»)
- 129 ..... **Авторы номера**

Стихи

Андрей Пермяков

Облако, темное изнутри

Домашнее

Тополя, акации, кошки,
голуби, галки, сороки,
небо цвета крошки,
рыхлая кромка дороги.

Полупрозрачный прочерк —
красная телевышка.
Некто прохожий бормочет:
«Ничего слишком».

Анька сказала насонов

сожрал лягушку и сразу
спросила а ты **целовался**
в губы

***

Застенчивая музыка играет
на лаковом от вечности мосту.
Тень корабля продольно уплывает
из пустоты в другую пустоту.

Тень корабля тихонько возвращает
почти невероятный год,
где девочка негромко обещает.
Соврет.

****

Вот и прожили мы дольше, чем Высоцкий,
а ничего особенного не случилось.
Помнишь, ты думал, будто сорок — это манная каша и клецки,
Но оказалось — волшебное время; Господня краткая милость.

Вот только что в восемнадцать, что после ну, да, сорока —
мягкая рука на щеке и полусладкое слово: «пока».

Сядишься на подоконник, наливаешь сто грамм,
ломаешь найденный в шкафу шоколад.
Думаешь, будто думаешь о природе смешного зла.
А на самом деле ты думаешь, почему полжизни назад
было легко и весело приходить к пацанам
и легко и весело врать: «не дала».

Двадцать лет спустя

Лица на фотокарточке мелкие, постные,
едва различимые в глухом коридорном свете.
Школьная форма цвета фингалов, многое цвета крови.
Вот этих детей били взрослые,
вот этих детей били дети,
а этим прилетало от представителей обоих сословий.

Дорога из школы лежала мимо столовой «Уют».
Далее все получалось согласно нечитанному еще поэту:
сегодня тебя побили, завтра меня побьют,
и так примерно от октября до самого лета.

Прячу в карман фотографию, выхожу из этой столовки
в город, похожий на морг — оттого, что деревья голые,
такие голые, что прямо неловко.
И вдруг самая толстая ветка,
на которой невесть отчего сохранилась листва,
лупит по стенке весьма постаревшей школы
лупит чаще и много сильнее, чем этого требует ветер,
а также другие законы, так сказать, естества.

Перед сном

Память о городе Ка — это маленький красный дом:
два этажа и один ненастоящий этаж.
Только пускай у дверей встанет садовый гном —
было такое волшебное слово: фотомонтаж.

Было волшебное слово и странные времена
плыли над городом Ка, но не касались нас.
В классе на стенке краснела большая страна,
поезд из города Ка уходил на курортный Кавказ.

А потом вспоминаешь другое. Немного другое,
но тоже хорошее: рыжий закат медленно уплывает
в рыжее озеро цвета советских обоев,
в рыжую девочку цвета, каких не бывает.

А вокруг — трехэтажки цвета, который в тюрьме.
Цвета перемешиваются, перемешиваются, перемешиваются, переме...

***

Нет, дочери — совсем-совсем другое:
такое невозможное, такое...
Ну, просто посмотри на слово «дочка».

Нет, все же три —
Сестренки, жены, матери и точка:
их выдают не возраст, но движенья.

Но есть еще четвертые. Когда
На круглый омут падает звезда
(и свет звезды, и собственно звезда),
мы узнаем их по неотраженю.

***

Говорили смешные анекдоты про Брежнева,
про армянское радио,
непонятные анекдоты про Никсона.
Портвейн разливали бережно,
тайно, как будто краденый.
Пели «пургу над Диксоном».

Пели «курганы темные»,
плыли семидесятые.
Майки казались огромными,
дядьки казались пузатыми.

Пели противно, вместе
про грудь и перо стальное.
Первыми кончились песни.
Потом — остальное.

***

Это — вроде огненного змия,
эти — вроде лапок паука,
желтая собака и другие,
тоже золотые, облака
утекают в каменную реку
за дырявый, розоватый снег,
до того чужие человеку,
точно невозможен человек.
Точно над перегоревшей свалкой
теплоходов и другого зла
расцвела аптечная фиалка,
тонкая такая расцвела.

Речка Истра

Цветное отражение звезды
бывает только самым ранним летом.
Собака убегает от воды,
пугаясь остановленного света.

Свет распадается на маленькие звенья,
на белый свет и золотистый свет.

Империи последние мгновенья —
давным-давно сказал один поэт.

***

Это ведь не от лени и тем более не от злости —
не от лени ведь и не от злости к зиме появляются льдинки:
самые лучшие и самые долгожданные гости
всегда собираются на неожиданные поминки.

Вот он лежит такой в пиджаке и лысый,
а ветер забрасывает на лицо довольно широкие ленты.
По ошибке вместо «стереть» нажимаешь «вызов».
Данный вид связи недоступен для абонента.

Дюны

Прочитаешь «великая тишина»:
два случайных слова в случайной книге.
На полминуты делается весна
в желтом Вецаки, недалеко от Риги.

Моря почти не видно: ветер и пена, пена,
и облака летают все прямо.
Назовешь это время: «еще не болело колено»,
чтобы не называть: «еще была мама».

Май

Стройка была похожа на слоновий скелет.
От железяк и от крыши невероятно жарко.
Через окошки падал ровный церковный свет,
Пахло карбидом, пахло электросваркой.

Мы уже видели в книжках два непонятных слова: «запах распада».
Возвращались живые или цинковые афганцы,
Наши в тот год не поехали на Олимпиаду,
Потому что в Москву перед этим не поехали американцы.

Кто-то из пацанов — не помню — крикнул: «Андрюшка»!
Мы отошли в самый угол, за ржавые трубы.
Анька сказала: «Насонов сожрал лягушку!».
И сразу спросила: «А ты целовался в губы?»

***

Галки, вороны, вороны, галки.
Город Иваново, берег Талки.

Город Иваново, красные кирпичи.
Ходят вороны, черные, точно грачи.

Черные галки, белые фонари.
Плавает облако, темное изнутри.

Черное облако в облаке белого света.
В этом году фантастически не получилось лето.

Проза / Главы из романа

Семен Ваксман

Слушайте, если хотите... *

1

Я уже говорил — город наш не так уж и велик. Иван Степаныч Ощепков оказался родным братом Тамары Шишениной и, стало быть, шурином Вадима Шишенина! Я это просек, увидев на ее юбилее Степаныча с Пахомовной, супругой.

Степаныч с супругой пели на два голоса:

– Ямщикок сидит на козлах,
призадумчивый такой...

Степаныч не поспевал за ней:

– Стой, Пахомовна! Торописься!

Тамара наклонилась к нему:

– Ваня, наш папа эту песню так пел.

И к гостям:

– Папа наш был рыжий, такой рыжий-рыжий-рыжий и кудрявый-кудрявый-кудрявый, курчавый, красивый, стройный, всех девок перецелует, все девки рассыплются перед ним. И еще он любил петь — «Вы-ы не вейте-ся, русые кудри! Над моею буйной головой!» Вот как у моего рыжего папы кудри вились!

Но за столом пели уже другое:

– В темном лесе, в темном ле-есе
лен-конопель...

Степаныч взревел:

– Ой, зеленой!

– Повадился, повадился

Вор-воробей, вор-воробей!

Доктор Зув **закодировал**

Сережу **месяц** он только

продержался хотя

обещал нам **работать**

над собой у **Леночки Выпил**

весь **детский** лосьон

* Окончание. Начало в №1,2

Тамара сказала:

– Самовар сейчас поспеет. Самоварчик наш, уральский, из Суксуна, с медалями. Чашки очень красивые, со снегирями такими важными. Чай очень хороший, индийский, со слонами. Как мой папа любил говорить — «Если мясо-рыба йок, знаешь нашу пишу, — утром чай, в обед чаек, вечером чаище». Варенье свое, конечно, не покупное. Черноплодка с вишневым листом. Верочка обещала испечь пирог с капустой. Он у нее всегда очень вкусный получается. Ваня, лимончика подрежь!

*Чайник новый,
Чай бордовый,
Кипяченая вода,
Лимон свежий,
Ваня резал.*

Кушай, милая моя!

Степаныч поддержал хриповатым своим голоском:

*– Лимон свежий,
Сахар белый,
Сам колот я для тебя.
Пей внакладку,
Будет сладко.
Кушай, милая моя!*

2

– А хотите, гости дорогие, я расскажу вам про свою жизнь? Любим мы с Ваней поговорить, что он, что я. Какой он рассказчик — заслушаешься! А поет как: «В лунном сиянье ранней весной помнятся встречи, друг мой, с тобою». Правда, Ваня, хорошо! Он у нас все умеет — сено косить, дрова заготавливать. «Слушайте, если хотите». Романс такой поет Борис Штоколов, он наш, между прочим, жил на Урале, в свердловской опере пел. Ну, что ж. Родители наши, Степан Андреевич и Федосья Сергеевна Ощепковы, происходят из села Кипрей Кунгурского района. В той деревне почти все жители Ощепковы. В гражданскую войну дедушка наш Андрей Васильевич поехал с другом на заработки, но домой так и не вернулся. На обратном пути он

заболел сыпным тифом, был снят с поезда на станции Котлас и в больнице умер. Друг его привез нам дедушкины полмешка муки. Вернувшись с фронта домой, наш папа Степан Андреевич поехал на станцию Котлас, чтобы разузнать, где могила дедушки. Хоронить тогда не успевали, покойников возами возили. Папа поставил небольшой крест на общей могиле. Посидел, поплакал. В больнице ему отдали шарф и кожаную сумку дедушки. С этой потертой сумкой папа всю жизнь ходил на работу. Всего нас у папы с мамочкой четверо: Верочка, Дина, я — Зина и младший Ванечка. Летом сорокового года в наш дом в Кипрее провели радио. Это такая большая тарелка из твердой черной бумаги с металлической коробочкой в середине. К нам приходило много народу послушать радио, эту диковину. Утром того самого дня репродуктор начал потрескивать. Помню, передавали музыку из кинофильмов. И вдруг Левитан как захрипит: «Через несколько минут слушайте важное сообщение». Война! Как заголосили женщины на нашей улице! Мужчины же стали хмурые, а многие начали собирать котомки. Эшелоны с бойцами и техникой пошли с востока на запад, а санитарные поезда, составы со станками и эвакуированными — с запада на восток. У нашего папы-железнодорожника была броня, а Ивана — жениха моей сестры Веры — мы проводили на фронт. Мы готовили подарки бойцам — рисунки, кисеты для табака, носовые платки. В госпитале я выступала в физкультурных номерах и пела куплеты:

*Гитлер-пес из кожи лезет,
Хочет хлеба и мяса.
Не пшеницей, а железом
Мы накормим стервеца.*

Школьных тетрадей у нас не было, мы писали на полях газет. Чернила делали из сажи. И с одеждой было плохо. Самым необеспеченным выдавали ботинки из серого брезента на деревянной подошве и какой-нибудь материал, из которого можно пошить рубашки, платья и так далее. Весной в войну мы всегда голодали — не хватало картошки, овощей. Помнишь, Ваня?

– Как не помню? Копал я огород, и вдруг заревел. Мама: «Что с тобой?» — «Мама, есть хочется». Мама обняла меня: «Ваня, Ванечка, пойдем домой, у меня в печке стоит запеканочка вкусная из лебеды».

– Теперь о хлебе. Папа получал на рабочую карточку шестьсот граммов в день. На иждивенцев, а нас было шесть человек, хлеба не полагалось. Школьникам, правда, на большой перемене выдавали по пятьдесят граммов. Но папу нашего командировали на Каспийское море заготавливать рыбу для армии. Он взял потертую дедушкину сумку и уехал. Чтобы выжить, мы свой большой дом сменяли на маленький, а впридачу нам дали муки и картошки. Мы с мамочкой должны были вскопать десять соток огорода, все под лопату посадить. И дрова наша мама заготавливала, и сено, и все это вывозила на коровушке нашей Зорьке. Правда, иногда соседки собирались вместе и помогали друг другу. В сорок третьем году, когда я училась в пятом классе, мамочка наджабилась и заболела — паралич ее разбил. Мне пришлось бросить школу. Я все по дому делала: готовила, кормила ребят, убирала, Зорьку доила. Соседки научили меня делать из молока варенец, стряпать пирожки с картошкой на продажу. Я покупала хлеб, масло, овощи, и мы дожили до весны. А там уже подросла крапива, лебеда, дикий лук, потом и морковь. Мы выжили! Мамочка наша поднялась. Каждый день мы сдавали молоко — корова и даже каждая курица были обложены налогом. Самим молока оставалось очень немного, если учесть, что и продать надо, чтобы купить хлеба и одежонку. Всю одежду получше, которая у нас оставалась, мамочка поменяла на зерно, муку, картофель. Как стаивал снег, на колхозные поля шли сотни народу. Дети любили весной есть лепешки из мороженой картошки. Я вернулась в пятый класс, два года не ходила в школу, и сразу же взяла верх над всеми. С Гошкой Белозеровым мы были всегда вместе. Гошка брал меня с собой зорить гнезда, в лес по ягоды и грибы, научил играть в ножичек, в чикку. И папа наш перед концом войны вернулся с Каспия. Он так говаривал:

*Деньги есть — Уфа гуляем,
Денег нет — Чишма сидим,
Деньги есть — с чужой гуляем,
Денег нет — к своей бежим.*

Девятого мая мы пошли по поселку, заходили в каждый дом. Женщины плакали, целовали нас. Без объявления все собрались на площади. Не пили, не пели, а говорили и плакали. В детстве я не видела каких-либо застолий и выпивок. Мамочка так поздравляла меня с днем рождения: поцелует, сахара кусочек даст, иногда денег на кино. Потом началась новая война — с Японией. Составы пошли уже не с востока на запад, а с запада на восток. На нашей станции поезда долго стояли для обследования. Солдаты ехали из Германии веселые, все в орденах и медалях. Они везли всякие тряпки и украшения, которые меняли на вареную картошку, молоко, морковь. Однажды в дворях товарного вагона я увидела солдата с пилоткой под погоном, который поставил у ног картонную коробку и стал доставать длинные ленты разных цветов. Он разрезал их ножницами на ленточки и раздавал девочкам: «Налетай, разбирай!» Все бросились расхватывать ленточки, а я так и стояла в сторонке. Мне не хотелось толкаться...

Тамара достала платок, прижала к глазам. Степаныч тронул ее за плечо:

– Ты чего, Том?

Она махнула платком:

– Не обращай внимания. Ваня.

– Ты ведь знаешь, я не могу терпеть, когда бабы плачут.

– ... не хотелось толкаться. Вдруг боец обратил внимание на меня и закричал: «А тебе, девочка, разве не нужны ленточки?» Я сказала: «Нужны! Даже очень нужны! Но я никогда не буду вырывать их из рук». Тогда он спрыгнул на землю, нарезал ленточек пяти цветов и сказал всем: «Отойдите немного. Иди сюда, девочка. Держи». — «Спасибо. Я никогда не видела таких красивых ленточек». — «Иногда вспоминай меня, девочка». Когда я отошла, он сказал: «Все, у кого есть ленточки — отойдите». И раздал остальные. Ленточки эти мне оченьгодились, когда я играла в драмкружке в спектаклях

«Снежок» и «У них есть Родина». Мы ездили с этими пьесами по деревням и играли при полных клубах. Верочкин жених Иван дошел до Берлина, вернулся живой-здоровый, весь в орденах. Сыграли свадьбу, они устроились в леспромхоз. Детей у них не было. И вдруг вот что случилось! Однажды вызывают Ивана Яковлевича в милицию и сообщают, что он находится во всесоюзном розыске. Его разыскивает шестилетний сын Эдик! Оказывается, на фронте Иван Яковлевич женился на медсестре, и документ о браке с полковой печатью имеется. Медсестра отправила Эдика к своей матери в деревню Кормовище Солигаличского района Костромской области, а сама уехала во Владивосток, где и вышла замуж за капитана дальнего плавания. А мать медсестры нашла случайно в глубине комода этот документ о браке с полковой печатью и немедленно подала на розыск в надежде получить на мальчика алименты. Иван Яковлевич с Верочкой вдвоем отправились в Кормовище. Шли и ехали, ехали и шли, и, наконец, появились в этой маленькой, в несколько дворов, деревушке. Видят — к ним бежит с распахнутыми ручонками босоногий мальчонка, одетый в большие, не по возрасту, штаны и в такую же большую рубашку. «Папа! Папочка!» — кричал он. Прямо как в «Судьбе человека». Бабушке Эдика очень понравился и Иван Яковлевич, и Верочка, и она отдала им внучонка. Иван и Вера усыновили мальчика и привезли его к себе домой, в Успенку. Эдик — скромный, добрый мальчик, очень похожий на Ивана Яковлевича. Вера с Иваном набрали ему детскую одежду, книги, карандаши, портфель. Этого у Эдика никогда не было. Веру он стал звать мамочкой. Осенью Эдика определили в первый класс. Партия направила Иван Яковлевича в Тугульму, где он работал директором леспромхоза, а Вера — редактором районной газеты. Любимый сын Эдик прилежно учился, непрерывно получая похвальные грамоты. Я поступила в Свердловский пединститут. Жила на стипендию в триста рублей. Но тем не менее, годы учебы считаю самыми интересными в жизни. Это была пора мужания, самостоятельности и любви. Мы все хотели знать, много читали,

даже, бывало, изучали философские работы. Впервые я узнала, что такое опера и знаменитая свердловская музкомедия — эти театры стали для меня любимыми. В ту пору сам Борис Штоколов пел в нашей опере. Чем я только не занималась, всем, вплоть до легкой атлетики — не раз участвовала в традиционной эстафете на приз газеты «Уральский рабочий». Косы мы, деревенские девчонки, поотрезали, сделали завитон, холодные и горячие завивки. Влюбляться начали на первых же лекциях. У нас на курсе был Василь — настоящий Евгений Онегин. Многие даже выучили наизусть письмо Татьяны:

Зачем вы посетили нас?

В глуши забытого селенья

Я никогда б не знала вас,

Не знала б горького мученья.

Я же к Василию была равнодушна. Я никогда не могла понять ни письма Татьяны, ни такие популярные песни, как «Зачем он в наш колхоз приехал, зачем нарушил мой покой», «Сухой бы корочкой питалась, холодную воду бы пила, тобой бы, милый, любовалась и век счастливая была». Или еще: «Зачем, зачем со мной ты повстречался?». Или: «Вдоль по улице метелица метет, за метелицей мой миленький идет» — девица поет, так? А потом все меняется — «Ты постой, постой, красавица моя...». Да ведь это она, милая, воображает себе: «Дай мне взглядеться, радость, на тебя, на твою ли, на приятну красоту...» Вот ведь что получается! На последних курсах девчонки стали активно выходить замуж. И мне признался в любви Гошка Белозеров. Но я засмеялась и сказала ему: «Гошенька, милый, ты мне любимая подружка, и не более того». А Женька Печерский! Стройный, красивый! Он выступал в Москве, на всесоюзном параде физкультурников, привозил цветные шелковые майки, обувь — все это бесплатно раздавали участникам. Однажды мы ходили на лыжах, и он всю дорогу изображал нам оперу Джузеппе Верди «Травиата», пел любимые вещи, в том числе и арию Виолетты. Женька серьезно занимался ритмическими танцами, был одним из лучших линдачей города Свердловска. Был такой популярный, тех-

нически сложный танец — линда. Так вот, Женька мне признавался в любви, даже когда у нас обоих были большие дети. Но получилось так, что я вышла за Вадика Шишенина. Мы познакомилась с ним на новогоднем балу в горном институте. Он увлекался боксом и танцами, преимущественно линдой, как и Женька. Однажды девчонки сказали мне: «В общежитие приходил Вадька, спросил тебя и, уходя, с силой хлопнул дверью». Я, конечно, сказала ему: «Ты чего это дверьми расхлопался? Я тебе никакой надежды не подавала». Потом он уехал на практику и стал мне писать письма. В Крещение девчонки решили погадать на жениха.

Вадим засмеялся:

– А еще комсомолки, активистки, спортсменки!

– И просто красивые девушки... Выбрали самое примитивное гадание: взять у парней брюки, положить их под свои подушки и выспаться на них. Кому какой парень приснится — тот и жених. Взяли брюки у историков. Нас в комнате — семеро, а брюк оказалось всего пять штук. Бросили жребий, штаны достались мне. И всю-то ноченьку мне Вадька Шишенин снился. Сам веселый, держит меня за руку, а я, тоже веселая, иду за ним, немного упираясь. Утром проснулись — никто ничего не может вспомнить. Заспали сны или же вовсе ничего не видели. Я рассказала свой сон, а Валя Стрельцова и говорит: «Томка, это твоя судьба». Приехал Вадька с практики. Я стала к нему приглядываться. Женя Печерский говорит: «Я бы тебя отбил от Вадьки, да уж очень он хороший парень». Подходили госэкзамены. «Скоро разведемся, — сказал Вадик. — Дан приказ: ему на запад, ей — в другую сторону». — «Ладно, так и быть. Выхожу за тебя. Но учти: я тебя не люблю пока. Скажу так: ты мне нравишься». — «Это ничего, Тома, ничего. Я добьюсь, что ты меня полюбишь». Валя Стрельцова где-то вычитала: если вы хотите, чтобы сердце другого человека принадлежало вам, вы должны взамен отдать свое.

После госов во Дворце пионеров, бывшем доме Демидова, сыграли свадьбу, общую с Валей, которая вышла замуж за Женю

Печерского. Под вальс Мендельсона вчетвером мы прошли по ковровой дорожке. Так породнились мы с ними навеки.

Тут и Пахомовна вышла, и притопнула:

– Ваня, надо нашу свадебную, уральскую... «Распрягайте хлопцы, коней...»

– Какая же это уральская, супруга? Веселую надо!

– Тогда эту:

Я с комариком,

Я с комариком,

С комариком плясала...

Пахомовна приплясывала, и ножку приволакивала, а Степаныч ходил кругами:

– Чаше надо! Чаше!

– Нога, Ваня, болит, вот и подгибаю...

Всю ноженьку раздробил,

Всю ноженьку раздробил...

3

– Слушайте, если хотите, наши милосердные друзья! Не устали? На чем я остановилась? После института мы с Вадиком попали в коммунистическую партию в Васюганье. И вдруг однажды получаем от сестры Веры письмо, где она извещает, что муж ее Иван Яковлевич скорострительно скончался. Она писала, что накануне седьмого ноября, находясь в гостях, он весь вечер был хмурый и невеселым. В этот год их любимый сын Эдик как раз окончил восьмилетку. Потом его взяли в армию, откуда он писал Вере очень хорошие письма. А через четыре месяца приходит похоронка: «Ваш сын Эдуард, исполняя воинский долг, погиб смертью храбрых во время проведения боевых учений». Всю свою любовь Вера перенесла на людей. Она организовала клуб «Сударушка», в котором по ее сценариям и при ее активном участии проходили все культмассовые мероприятия, в том числе и бракосочетания. Еще два раза она пыталась устроить свое семейное счастье, но оно так и не пришло в ее дом. В восьмидесятых годах Вера тяжело заболела, и родители переехали к ней. Потом мы, Шишенины, перевезли всех к себе в Пермь, где к тому времени обосновались,

помотавшись по нефтеразведкам. Могилки мамочки и папы на Белой гриве, Северном кладбище. Дедушкина потертая кожаная сумка перешла к Ване. Верочка помогает нам как может. Все наши радости и горести пропускает через свое сердце. Посещает воскресную школу здоровья. Она по-настоящему верит в Бога. Ходит еженедельно в церковь — исповедуется, причащается, много читает церковной литературы.

О сестре Дине. Ее называли в честь знаменитой американской артистки Дины Дурбин, которая, если помните, пела по-русски в кинофильме «Сестра его дворецкого» — «Две гитары за стеной жалобно заныли, с детства памятный мотив — милый мой, не ты ли?...» Наша Дина была исключительно миловидной, фигуристой девушкой, и на нее, конечно, многие мужчины обращали внимание. Она сильно стеснялась нашей бедности и устроилась на курсы железнодорожных телеграфистов. Одновременно Дина заочно познакомилась с одним солдатом — Леонидом Неустроевым — и вступила с ним в переписку. Они встретились, когда он ехал с Западного фронта на Восточный, и сильно понравились друг другу. Потом Леонид вернулся с восточного фронта и увез Дину в Казахстан, где он получил профессию шофера. С ним не так-то просто было жить. Конечно, Леня веселый, он любит общество, любит выпить, погулять, любит обратить на себя внимание. Он сочинял стихи, много читал, умел пофилософствовать. Однако же, был сам себе на уме. Иногда Леня приходил пьяный, гонял семью, особенно жену. Дважды они уезжали из Казахстана: на Каспий и на Валдай, но и там ей не было житья. Сейчас она снова живет в Казахстане, на станции Экибастуз, и находится на заслуженном отдыхе. Но ей не позавидуешь. Осталась без квартиры, вместе со старшей дочерью, у которой тоже нет квартиры — проживает у бой-френда, сожителя то есть. Младшая дочь живет, где придется и с кем придется. Такая выпала жизнь на старости лет у нашей красавицы. Я хотела забрать Диночку к нам, но она гордая, сама решила нести свой крест. Я работала учителем русского языка и лите-

ратуры там, где нам приходилось жить из-за кочевой жизни нефтяников — и в обычной школе, и в вечерней. Была даже комиссаром — так называли замдиректора по учебно-воспитательной работе в ПТУ, где готовили трактористов. Мою работу ценили в горкоме партии, бросив на укрепление такого важного участка работы, как райком профсоюза работников сельского хозяйства. На пленуме меня избрали председателем. Курируя сельхозтехнику, все колхозы и совхозы, я на служебном уазике ездила по всему району — готовила пленумы, президиумы, юбилеи и торжества, вникала в жалобы трудящихся, занималась проверкой культуры земледелия, подготовкой техники к посевной. Я знала в лицо сотни людей — трактористов, доярок, животноводов, специалистов среднего звена. Многим из моих дорогих селян я подала руку помощи! Все-таки я была членом президиума облсовпрофа, членом горкома партии. Я никогда не забывала бойца с пилоткой под погоном, который подарил мне пять разноцветных ленточек. Он ведь знал, что сказать: «Иногда вспоминай меня, девочка». Обо мне говорили только хорошее и простые люди, и верхи, в частности, московские проверяющие из ЦК профсоюза. Такая жизнь была по мне! Потом меня пригласили на должность директора художественного училища. Там директора не держались — трудно стало работать с художниками, которые не признавали никаких властей, особенно власти горкома КПСС. Коллектив училища был против меня. Они не верили власти, не верили партии, они хотели иметь своего директора. Я твердо сказала: «После того, что я услышала, мне надо бы уйти. Но я не уйду, потому что мне надо доказать, что в нашей партии есть порядочные люди. Если будет хоть одна жалоба на меня, — я уйду». Жалоб не было, хотя я сразу же уволила троих. В училище протекали плоскостные батареи, в мастерских, кабинетах, столовой, фойе рушилась штукатурка. Про общежитие и говорить нечего — там хозяйничала шпана. Но все вопросы были решены, училище преобразилось.

Теперь о моей семье. У нас с Вадиком появились на свет трое шишат.

— Я помню, написал тебе: «С днем рождения, пузешка!», когда ты ходила с Сережей, первенцем нашим.

— Вот такое слово придумал — *пузешка*. У Сережи головка пуповиной была перепеленута. Сам он никак не мог родиться — двинулся, и горлышко перехлестнуло бы. Это называется обвивание пуповины. И вот мне время родить пришло. Потом я в литературе вычитала, что дите по какому-то сигналу начинает двигаться к свету, стремится на свет Божий. Моему-то сигналы идут и идут, а он, матушка, лежит смиренхонько, ждет, ждет, не двигается, кровиночка! И дождался-таки кесарева. Бывало, в коляске везу его — он улыбается солнцу, людям, всему белому свету. Люди идут, глянут на него, и он каждому улыбнется, глазенки так и сияют! Такая радость от него по всему миру разливается. Недавно услышала по радиостанции «Орфей» — надо было поставить на проигрыватель Моцарта, когда ребеночек шевельнулся. Ему ведь там хорошо всегда с мамой, музыка. Он ведь не хотел выходить на белый свет. А когда появился — все так непривычно, так страшно, и он плачет. Тут-то и надо снова поставить Моцарта. И малыш мой понял бы, что здесь не так уж плохо, здесь та же музыка, та же мама! А Леночка появилась на свет нежданно-негаданно. И очень легко я ее родила, такую пухленькую, красивую, с длинными черными волосиками. Она как бы говорила: «Мамочка, ты никогда не пожалеешь, что я родилась». Как будто она догадывалась, что я хотела сделать аборт, но в последний момент убежала с операционного стола. Верочке, сестре, жалею на здоровье, на такую тяжелую жизнь, на искусственное питание, зла не хватает, хотя зла как раз хватает, не хватает именно добра. А она меня вдруг и спрашивает: «Скажи, Тома, только честно... ты счастливая?» Я и бухнула, не думая: «Конечно, счастливая». И мы обе засмеялись, а потом заплакали. Последней родилась Ирочка — такая славная девочка. Шишата мои ночью вставали и подходили к ней. Посмотрят, погладят, тихонечко спуют:

*Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю,
А не то волчок придет,
Поцалует и уйдет.*

— Ой, как баско! Дай и я тебя поцалую, Тамара!

— Это Сережа так сочинил: не «нашу Иру украдет», а «поцалует и уйдет». Тоже придумал слово: «Поцалует». Иринку я родила в тридцать три года. Сережа водил ее в детсад, а Леночка забирала. Я рассказывала о солдате с ленточками своим шишатам, а они своим. Верочка уже достает пирог. Тесто домашнее. Верочкин секрет — в верхнем корже, в крышке. Она очень тонко ее раскатывает, чтобы тесто напиталось капустным духом. Сейчас пирог отдохнет немножечко под полотенцем после духовки. Самоварчик опять вскипел. В этом чайничке самый душистый чай, травяной сбор со зверобоем, смородиновым листом. Пейте, гости дорогие...

4

Гости уже разошлись. Мы со Степанычем таскали посуду на кухню. Тамара — хоть попробоваться Верочкиного пирога! — пила чай из чашки с важными снегириями, клюющими рябину, разглаживала пальцем складки скатерти.

— Сережу я не видел, — сказал Степаныч. — Как он?

И вдруг Тамара разрыдалась: «Сереженька!». Закрыла лицо руками.

— Том!

— Прости-ии, прости меня, Ваня.

— Я знаю, что он... крепко попивает.

— Попивает! Сережа погибает! И мы ничего не можем сделать! Жизнь наша теряет смысл. Выдержим ли мы с Вадиком этот ужас? Мы слабеем. На что Вадик сильный, боксер, танцор, но и он слабеет на глазах. Мы сердечники. Не упасть бы где на улице, не напугать людей. Доктор Зуев закодировал Сережу. Месяц он только продержался, хотя обещал нам работать над собой. У Леночки выпил весь детский лосьон, хотя Лю-

дочка лежала с температурой. Потом искали его по всем вокзалам и чипкам. Сережа ведь рос добрым мальчиком, много читал, учился по классу баяна, освоил гитару. В День учителя пел «За того парня» — такой весь красивый, в белой рубашечке, черный жилет и черные брюки. Он кончил Пермское военное училище. Мы были против, но он сказал «Ведь надо же кому-то защищать Родину». Служил в Грузии, женился, разошелся, уволился, приехал домой, женился на Людочке, подруге нашей Леночки.

— Я хочу, чтобы нам с Вадиком не было бы... — Тамара задумалась — ... очень плохо там, ... где нам положено быть после земной жизни. Вадик слабеет. Я держусь — надо растить внуков. В Рождество мы с ним каждый день ходили в церковь, стояли службы, молились, ставили свечи к иконам Божьей матери, «Неупиваемой чаше» и Сергию Радонежскому. Однажды он сам остановился перед распятием Христа. Потом он поступил на телефонный завод энергетиком. На Пасху все наши собрались. Приготовили праздничный стол: пироги, кексы, салаты. Купили три большие бутылки разной воды. Сережа очень худой, костюм на нем как на вешалке висел. Весь в ссадинах, разбил двое очков. Купил себе куртку и головной убор, но хватило его только на три месяца. Лечился в стационаре, лежал под капельницей в вену. Сколько было пролито слез, потрачено денег, чтобы Сережа прошел курс компьютерной диагностики! Вадим ночевал у него, куда не отпускал, отпаивал регидроном, чабрецом и ноотропилом. В выходные Люда с ним — Сережа не опасен, когда трезв. Мы лечили его по точкам аппаратом «Удобный доктор», прибором «Шубоши». Выписали из Орла «Антиалкогольный чай» на восемьсот рублей. Сейчас он все тащит из дома, пропил весь запас картофеля на зиму. Внешний вид ужасный: одежда грязная, весь измятый, худой, глаза ненормальные — у меня сердце разрывается, жить не хочется. Жизнь прожита зря. Мы не смогли воспитать сына! Но почему наши молитвы не доходят до Бога? Я начала всем теплые

носки вязать, пока жива — у меня есть запасы пряжи. Еще я купила на ярмарке две яблоньки — «Серебряное копытце» — в честь детства наших милых любимых детей и внуков, и поздний сорт — «Свердловчанку» — как воспоминание о нашей с Вадиком молодости. Яблочки, говорят, по восемьдесят грамм, хорошо хранятся зимой. Посадили сразу за кустом крупного крыжовника. Потом яблоньку новую «Серебряное копытце» затоптали. Я пыталась ее спасти. Каждый день приду к яблоньке и плачу, плачу! Она отросла, зацвела. Я держусь — надо растить внуков. Что же случилось, Сереженька, с тобой? Что? Где надсадилась твоя душа? В чем наша вина? Почему наши молитвы не доходят до Бога? Людочка, наша сношенька, тянет семью, терпит. Дети участвуют в смотрах-конкурсах, в художественной самодеятельности. Мы дали денег на жизнь — шесть тысяч, на лечение пять, газ провели — семь тысяч. Одна у нас радость — Иринка и Леночка вышли замуж удачно, я считаю. Мы удачно разменяли нашу квартиру, влезли в долги, но расплатились — купили старую дешевую дачу, обустроили ее, окультурили и продали подороже. Как ты нам помог тогда, Ваня, с ее ремонтом! Иринка с мужем Андреем, охранником, материально живут трудно — оба учатся в институтах на коммерческой основе. Ведь без диплома нельзя хорошо устроиться. Мы оказали им помощь на семь тысяч, Вадик со сватом сделали ремонт в их квартире: побелили, покрасили, наклеили обои, настелили паркет. Но Иринка внезапно заболела — рак груди, четыре операции. С Анечкой водились мы. Ей уже четыре месяца было, когда Иринке стало получше, и она смогла взять дочку Анечку на руки. Чудесный ребенок! Любит музыку, знает всех звезд эстрады. Ирочка восстановилась в университете, досдала три предмета. Еще один остался на сентябрь. Живут ниже уровня бедности: восемь тысяч родители Андрея дали ему на одежду, а мы восемь тысяч на долги за квартиру. К тому же Андрей взял кредит — купил Ирочке, хорошавочке своей,

шубу за тридцать восемь тысяч. Господи! Прости меня, но сегодня я открытым текстом по телефону сказала примерно... припоминаю: «Сережа, Сережа! Или жить, или не жить. Третьего не дано. Не можешь? Освободи нас. У нас река большая, и не одна. Кому ты даешь счастье? Опомнись! Господи, Господи! Прости меня! Каким ты был маленьким, как улыбался всем людям, кровиночка моя! Я не хочу жить, не хочу!»

Тамара закрыла лицо руками.

— Господи, прости меня...

Степаныч сказал:

— Живи на земле. Туда всегда поспеешь. Не реви, Том. Прошу тебя, не реви. Давай чайку попьем. Как тятенька наш Степан Андреевич говаривал, бывало, «Утар кунак чай шарга», что значит «Садись, друг, чай пить будем».

— Ваня, миленький, но что делать, что делать?

Иван Степаныч задумался, охватил лоб пальцами. Медленно оторвал руку ото лба, пошевелил пальцами.

— Нет ответа. Нет ответа...пока нет ответа.

Тамара махнула рукой, промокнула глаза.
— Не реви. Вот что я тебе скажу: клюква вроде бы влагу любит, на болотах растет. Но листочки у нее мелкие, как у брусники, пожестче. А брусника на сухих местах растет.

— Ваня, да что ты такое говоришь?

— Том, слушай меня внимательно. Тарзан, то есть, Коля, дружбан мой, сказывал: воронка в камне-трескуне образовалась. Он воду не держит, вот клюква ее и сберегает листочками. Еще: в вороночке, в тенечке ей много лучше.

Степаныч встал, прошелся по маленькой кухне:

— Так что, Тома, запало мне в мозговые клетки, — надо идти в курашимский лес, когда луна будет большая. От луны что-то с вами, бабами, делается, да и с некоторыми мужиками. Знаешь, как в народе говорят, помогло куме, поможет и мне. Тарзан в лунную клюкву верил. Чай пил, с товарищем Бухаловым завязал. Другой пример: водится в наших лесах особенная перемская травка-хероставка. Старушки ее очень хорошо знают...

Анна Бердичевская

За тьмой, за бездной страшной

Анна Бердичевская родилась в Соликамске, в одном из лагерей УСОЛЛАГа. Закончила механико-математический факультет Пермского университета. В 1984 году переехала в Тбилиси, где вышли первые книги ее стихов («Странствие» и «Отзвук»). Первая повесть была написана тоже в Грузии. С начала девяностых живет в Москве, где выпустила книгу стихов «Тихий ангел» (1998) и книгу прозы «Чемодан Якубовой» (2004). «Вещь» публикует стихи из новой книги Анны Бердичевской «Масхара (частные грузинские хроники)», которая готовится к выходу в московском издательстве ArsisBooks.

Под утро мертвых поднимает

ГОЛОД к столу подняться

есть ли что поесть

Воспоминание о дворнике

Гале Юзефович

Я просыпаюсь...

Во дворике

Удары слышны глухие.
Это опять дворник
борется со стихией.
Врубаются самоуверенно
в сугроб предрассветный, синий.
Работа его не меряна,
поскольку зима в России.

Я дочку тяну из бязевых,
из теплых снегов простынных,
и душ принимать обещаю,
чтоб, глупая, не простыла.
Потом мы идем по дворику
пробитой в сугробе тропкой,
и думаем мы про дворника,
что он человек не робкий.

Он в пышный сугроб сморкается,
работой своей нешуточной
не больно-то убивается,
поскольку он дядька тутошний.
Его снегопад не трогает.
Ему б от Камчатки до Польши
слегка раскидать дорогу —
проехать, пройти, не больше.

Устанет, воткнет лопату.
Спокойно глядит, по-царски
на в сумерках лиловатый
на снегопад январский...
Дворник не то чтоб гордый,
Не очень широкоплечий...
А снегопад над городом,
кажется, бесконечен...

Я просыпаюсь... Во дворике
мусорка катит дзынькая.
Нечего делать дворникам —
это зима грузинская.
Это зима бесснежная.
Небо такое синее,
солнце такое нежное,
ветры такие сильные!..

Девочка моя глупая
цитрусы уминает,
в школу по лужам хлюпает,
думает, вспоминает.
Девочка моя маленькая!
В час, когда ты зеваешь,
там, за горами, валенки
дворник наш обувает.

Гия, Баграт и Торнике
Дружат теперь с тобою...
Но снегопад и дворника
мы привезли с собою.

Питер Брейгель Старший,
Вахо Руруа и мы

Гале, Еве и собаке Томе

1

Пускай войдет Вахо!
Пускай!.. Хотя бы в среду!
И скажет:
«Я плохой,
Я знаю, я вас предал».
Пусть, наконец, войдет
В лазоревой рубаше,
Дорогу к нам найдет!
А мы, конечно, ахнем,
И мы его простим,
В глаза ему заглянем,
И чаем угостим,
И Брейгеля помянем.

*(Идут, идут, идут
Охотники по снегу,
Усталые, ведут
Усталых псов по следу.
Их предзакатный свет
Навеки освещает,
А им и дела нет,
Их вечность не смущает.
Да, им и дела нет.
Им все равно, уставшим,*

*Что смотрят им вослед
Все мы и Брейгель Старший).*

Нам Питер Брейгель мил,
Всевидающий и легкий,
За то, что он любил
И близких, и далеких.
Пусть близкие видней
И ближе —
это случай!
Он знал на склоне дней:
Охотники не лучше
Мальчишек на катке,
Деревьев меж холмами,
Домишек вдалеке
И птиц под облаками...

Мы даже дальше птиц.
И прелесть наших лиц
За тьмой, за бездной страшной
Не видит Брейгель Старший.
Живем мы далеко,
В глухом углу тбилисском...

Художник же Вахо
Предпочитает близких.

А помнится, мы с ним
О красках говорили —
Лазурь, краплак, кармин! —
И мы его любили.
Он был однажды здесь,
На кухне тесноватой.
Он был. Да вышел весь,
Ни в чем не виноватый.

А разве виноват,
Что предпочел, не охнув,
Свой старый дом, и сад,
И золотую охру?..

Пускай живет Вахо,
О ватман уголь крошит,
Далекий наш, плохой,
Талантливый, хороший.
Забудем, ничего,
Чтоб жил,
и не икалось...

2

Но Брейгель! Но его
«Падение Икара»!

*(О, рай на полотне,
О, море и долина,
О, мирная вполне
И полная картина:
На море корабли,
На поле конь и пахарь,
Восходом даль горит,
И хлебом пашня пахнет.
Не знает море бурь,
Земля не помнит распрей...
Берлинская лазурь
Дружна с английской красной!)*

Вахо, как раз о нем,
О мальчике и крыльях,
Осенним ясным днем
Мы не договорили.

О том, как он летел,
Как падал бесконечно...
Но не отвлек от дел
Сограждан —
не беспечных...

О том, как всем воздал
На море и на бреге —
К полету опоздал
Художник Питер Брейгель.

Да как же опоздал!
Забылся?
Зазевался?..

Он только плеск застал,
Так внятно плеск раздался.

Пустынно в облаках,
Безмолвно мирозданье...

Зачем живет в веках
Картина-опозданье?..

Покой, покой царит...

Сюжетец-то не сложный.
Нам автор говорит:
– Летать — неосторожно,
Постыдно и грешно.
И неизбежна кара:
Из моря так смешно
Торчит нога Икара...

Вот так он и сказал?..
Поверить было б можно,
Но Питер сам летал,
Да так неосторожно!
Не он ли улетал
Туда, где люди слепы?..

Неистовый Дедал
Над мальчиком нелепым —
Художник слез не лил.
Он нес к ноге Икара
На кисточке белил,
Чтоб пятка засверкала.

Он жил в углу глухом,
Там спорили о вере...

3

Художник же Вахо
Живет на речке Вере.
И топит он камин,
Светония читает.
А за окном кармин
И охра золотая.

Как в небесах светло
И пусто — до испуга...

Не так уж далеко
Живем мы друг от друга.
Лишь несколько веков
До той картины старой.
Но как же высоко
До мальчика Икара...
До мальчика, чей путь
И нами будет прожит.
И мы уж как-нибудь
Взлетим

и рухнем тоже.
Что значит высоко?..

Подите-ка, проверьте.
Не так уж далеко
От смерти и бессмертья.

Еще мы полетим
Прекрасно, бесполезно...
Еще мы поторчим
Вверх пятками из бездны...

Прощай, Вахо, прощай.
Из воска наши крылья.

Мы не допили чай
И не договорили
С художником Вахо,
Приятелем тбилисским,
Живет он далеко,
Предпочитает близких —
Друзей, кино, футбол,
Историю и краски...
Живет ли в сердце боль
По нам, таким прекрасным?

Художник и модель,
Настало ль расставанье?..

4

Он крылышки надел
И —
к черту расстоянье!

Еще войдет Вахо,
Порывист, худ и мил.
И скажет: «Я плохой,
Но я принес белил,
И умбру, и сиену,
И чистое наитье.
Ну, милые сирены,
Продолжим чаепитье!»

5

Пожалуй, ничего
На этом свете старом
Прочнее нет, чем воск
На крылышках Икара.

Свидание
(зимняя сказка)

Зима. Зима. Земля нам стала пухом.
Под Рождество, у бездны на краю
К спине твоей прижаться сонным ухом.
Мы умерли?..
И, кажется, в раю...

Под утро мертвых поднимает голод.
К столу подняться. Есть ли что поесть?..
Не топлено.
Твой каждый выдох голубь, — ты говоришь.
А я:
Благая весть.

И снова — спать. Так спать, как спит природа,
Как спят деревья, и вода в реке.
Надолго, навсегда. И на полгода.
Как спят медведи, и рука в руке.

Проза / Повесть

Александр Д. Медведев

Город и Река

Люди в полосатых

робах грузят шпалы

облитые как черным

пузырчатым стеклом рядом

стоят солдаты с автоматами

ЗЭКИ зырят на поезд

От автора

Когда я писал эту повесть, держал в уме Березники, где жил, и где ныне образовался Провал. А еще Гремячинск, что стал теперь город-зияние. И мое село, что стоит на Каме выше Усолья, откуда во времена Строгановых «пошла земля Пермская как земля Русская». Но в повествовании — только Город и Река. Ибо в каком из русских городов и городков нету таких, как мой герой, чертами и черточками автобиографичными — людей: кто работает где работается, а лепится к литературной ли студии, городскому ли театру или сообществу художников... Тогда в Березниках жили-были Алексей Решетов, Виктор Болотов, Вера Нестерова, Слава Божков, я и Юрий Марков, что и ныне там; и много еще разного весело-грустного народу. Вот о том времени я и вспоминал, и мне было хорошо на душе.

Май, 2011

Людмиле

1.

Хребет железный, угольный, медный, а вкраплениями даже золотой, хрустальный и алмазный, вальжно протянулся поперек государства. Как Рыба-Кит, упирается это славное чудище носом своим в Ледовитый океан, хвост же лениво колыхает жаркие равнины, где кучкуются «киргиз-кайсацкия орды».

И вот там, где холод, снег и лед, где секретные заводы и номерные города лежат в сугробищах столь огромных, что объятия на столбах в две полосы: летом одна высоко вверху, другая ж, как и полагается, на уровне глаз. И расстояние между ними метров пять-шесть, а в низинах и поболее.

Этот верхний ряд тутошние насельники прихлопывают, стало быть, зимой, с высоты насыпавших великих снегов...

И вот там, в верховьях, на севере от нашего города, который тоже никак не юг, струнулось, пошло. Весны еще нет, но она уже чувствуется. Ветер стал влажный и мечтательный, а если стена либо другая какая плоскость дает солнцу перпендикулу, то быстро греется, так что даже сивер надоедливый не до конца гасит мазки тепла.

Ночи еще игольчато-морозны, первую смену при ожидании автобусов колотит и продувает так, что самый похмельный из нас пить пиво не стал бы, зато и трезвенник не отказался б от стопаря. Тем более толпа сама собой тебя внесла в автобус, и пятнадцать минут тебе делать нечего. Шпанята из пэтэухи развлекаются так: поджимают ноги и подремывают на весу, обтиснутые со всех сторон людьми, но этого кайфа получается немного — шофер перед каждой остановкой подтормаживает, дабы утрамбовать трудящуюся массу, и тогда в нерезиновый все-таки можно втиснуться еще пятку-десятку работяг.

Тут я авторской своей волей раздираю «ткань повествования» и просовываю мой нынешний сивобородый фейс в картину ра-

бочих будней затем только, чтобы выказать среди пэтэушников-стажеров и себя, не-любимого — тощего, конопатого, бледного до синевы. Я учусь и почти умею спать стоя и еще не знаю, что на службе советской это здорово скрасит унынье солдатчины.

Про завод наш, куда прет рабочий народ, мы еще потолкуем, а пока что я зову вас туда, где пролетарий вселенной — солнце — начинает свою урочную работу. Вот оно уже стало над градирней и окрасило великолепные плюмажи пара розовым и алым.

У нас тут довольно и других заводов и заводиков, но только один мыслится с большой буквы, как и одна только Река, хотя «артерий» навалом, а одна даже Стиксом зовется с чьей-то дури. Но народ никакой почтительности и страха к Стиксу не испытывает, и так же, как в любой другой, вы в этой речке можете узреть чей-то сапог, ничейный уже холодильник или казенное колесо от трактора «Беларусь».

А вверх по Реке, где больших заводов уже нет, но зато есть большие лагерные зоны, великие снега набухают тяжелой рыхлой влагой.

Наст под жарким холодом ясных полдней — весь как мириады серебряных муравьев, которые лучезарно превращаются в капли влаги и текут, зовут существ, зимовавших в глубинах снегов, пробудиться и петь, прочих — пищать или вовсе молчать, просто радоваться новому сроку жизни.

На отшибе матроной стоит-красуется большая старая береза. Опаханная полем, она рада летом одарить всякого, кто не поленился пройти повспаханному, земляникой сладчайшей, белыми грибами, тенью своей широкой. Но и сейчас, ежели не торопиться, а просто видеть и слышать, будешь рад.

Вчера сыпало дождевой крупкой, потом снежком. Такая непогода, как известно, рвет провода, нагибает и ломает ветки. Вон и у этой красотки ветви нагнуло, да не сломало. А сегодня солнце в безоблачном зените аж кувьркается, и припек приятен. И вот весь стеклярус, которым были убраны березины ветви, подтаял, истончился и пал, сверкая! И береза, как богиня многорукая, подняла

ветви свои и задрожала. И этот жест был как тот, каким женщина поднимает руки свои к волосам.

Вообще-то безлюдье весьма украшает природу и явно идет ей на пользу. Тут автору, как честному человеку, следует огорчиться. Народу мало в селах-деревнях, да и самих наспунктов осталось чуть. Но есть зоны-лагеря, и вот там народу — как мошкары на болоте.

Тишина тут вселенская, темнота непроглядная. Но выйдешь, например, по нужде на огород ночью, глянешь на горизонты — а там линзы света подсвечивают облака. Городов тут нету. То, что на карте не показаны, — еще не факт, что и впрямь пусто, но и секретных непонятно от кого городов вон там и там нету.

А свет есть.

Это лагеря свои периметры освещают. Прожекторы иногда делают шмон облакам тоже, как будто там могут таиться подельники тех, кто, как усталый раб, замыслил побег.

Если бы было кому тут, среди ослепительных снегов, слушать, услышал бы серебряный звон. Летом воздух будет плавиться от золотого звона кузнечиков, а это — звон хрустальный, серебряный. Снег, частица за частицей, за слоем слой, тает, мельчайшими своими существами копит силу и власть и скоро поднимет бунт. Лед на озерах, речках и реках уже как бы потеет, словно в страхе и предчувствии великих потрясений, а на большой Реке еще косо лежит как лежал, будто на веки вечные пластаться ему поверх воды, сонных рыб и медлительных помаваний ярко-зеленой донной осоки.

К весне ближе долбить этот лед пешней или даже буром буравить — беритесь сами, а я рядом покурю, посмотрю, как вы быстро взмокнете — уж больно лед толст, в метр и толще, особо если зима выдалась крепкая.

А пройдешь все-таки эту твердь ледяную — тебе награда. Думаешь, в лунке сразу вода? Как бы не так. Ложись и гляди: мать честная! До воды еще порядочный слой воздуха. Если в удачном месте побросать

камешков или ледышек, а лучше и хлебца, высунутся морды сомов усатых или жереха — рыбы хищной, редкой, страсть как вкусной. Повезет — так и стерлядку увидишь, рыбу ямную. Смотрит это речное дурачье на тебя, дурачка заводского, раба господина неведомого — и дивитесь вы друг дружке.

2.

Пока матушка природа еще держит свою оборону, и крепости льдов и сугробов вовсе не думают сдаваться, город во власти весеннего переустройства. Павлиньи хвосты грязи летят из-под колес. Девичьи хвосты «в город» в длинных плащах и коротких юбках. Коты творят на крышах молитвы солнцу и любви.

Я сижу у окна и вижу, как парень из барака напротив, юный вор, крадется к дамскому велосипеду, но не украсть он хочет, а нюхает седло, остро пахнущее волнующе женским. И конопатая рожа его полна мечтаний.

Стены, крашенные в цвет сумасшествия, вспыхивают радостью, словно и они знают о юге. Герани на подоконниках горят багрянцем и тоже мечтают о чем-то своем. Лицо толпы народной разглаживается от зимних морщин, блуждают смущенные улыбки. Небо тоже разглаживается и очищается от зимней хмари, и вахтовый биплан, везущий смену нефтеразведки, на довороте сверкает косыми стеклами кабины, словно подмигивает нам.

До зелени еще далеко. Почки выстрелят все почти разом, деревьям и кустам у нас надо ловить короткое лето, не теряя ни дня. Но весна уже во всех и во всем. Река еще спит. Но скоро вся ледяная толстеть обрушится.

Если первое весеннее тепло пойдет ярое, как в позапрошлом годе, то будет гром знатный, коли половодье с верховьев накатит дружно, и вода с притоков пополам со своим льдом и лесом навалится на панцирь главной Реки — и он треснет вдруг, и издали пронесется «Аа-хх!». То ли клич свободы,

то ли страшной муки зык — и то, и другое. Обычно этот надлом случается ночью по-человечески. Люди погуливают поближе к Реке, надеются не пропустить. У нас, признаться, скучновато живется, вот и ждем развлечений от матушки природы — ледохода помощней, молнии покустистей, из лесу гриба белого и не червивого, с реки рыбину на два пирога.

К нам вот командировочные часто ездят. Бывают важные ферты, из самой Москвы даже. Но только все больше зимой. Мы говорим им:

- А вы к нам летом приезжайте. Летом у нас тут распрекрасно. И удовольствия.
- И какие такие удовольствия?
- Грибы, ягоды...
- Рыбалка, — добавляю я, случайно шедший мимо.

Короток список, ничего не скажешь. Не тишиной же дремучей хвастаться? Не лесами ж, полями-лугами по-над нашей Рекой... Не ею же самой, наконец.

А еще у нас комары. Огромные и злые, как цепные псы. Словно их специально разводили на страх врагам. И про одного такого мой приватный рассказ. Проезжала тут дева-корреспондентка из Москвы, заводившим нашим манкировала, все строгановскими старинностями интересовалась. Это у нас тоже имеется. Сговорились одну церковь показать и дом купеческий в старом-престаром, ныне полумертвом селе. Взяли чего полагается, гитару и повели на гору, где эта старина раздолбанная красуется. И вот сидит дева красная, «румочку» с нами выпивши, виды лорнирует, наши восхищенные в ее сторону взоры коллекционирует. Комарики, хоть и на ветряном обдуве, покусывают, но не очень. И вдруг откуда ни возьмись появился царь-комар, видать, столичный заграничный парфюм его зазвал. Огромный такой комарище, чисто шприц с крылышками. И прицеливается это друг московской кровушки отпробовать, зависает прямо напротив девьей переносицы, как снайпер. Столичная наша гостья нахала вовремя узрела — и комар принял смерть от маленькой ручки ее.

И дева даже вспоминала этого ухаля, пока возвращались по Реке в город. Произвел впечатление.

Вот такие у нас примечательности. Так что вы уж лучше к нам зимой. Только одевайтесь потеплее.

Поселки в ожидании катастроф. Городу-то нашему ничего, он не наводнений, а пустоты подземной боится, пласты под ним уже третий век пробуравлены штреками, — как пихта, гнилое дерево, жуками. Так что крэкнуть под нами может в любой момент. Правда, есть дамба, отгораживающее «сооружение». То есть просто море отходов — отгораживает от Реки, делающей тут миленький изгибчик-заливчик, где ни хрена, правда, но поймает, разве что шину или сапог. Но дамбу насыпают, то есть свозят строительный мусор всякий, так что дело надежное.

А вот села-поселки, старинный городок напротив нашего молоденького города каждый раз, когда по зимам хорошо снегу наваливает да весна дружная, гадают, не снесет ли к черту их баньки, сарайки с заборами, голбецы (подполья) и прочее. Вид все добро имеет нищенский, унылый, по мне так и хорошо бы убрать с глаз долой весь этот мусор, кривую дрянь и гниль.

Мне, конечно, легко говорить — курей в сарайке не развожу, картошку-моркошку на сажаю, мне в любой столовке накрыто.

А грядет ледоход, столпотворение льда и бревен. Мальчишки, да и взрослые, кто легок на думку, ждут, что опять будут бомбить затор льда. Это повеселее фейерверка будет.

Да, я про Старый город забыл сказать. Действительно старая его часть изначально и поставлена так, чтобы ее затопляло, и тогда вода сама подхватывала баржи от солеварен, и они шли куда следует. Но затопляло и весь город. Тогда садились в лодки, украшенные лентами, полотенцами, с постеленными по лодочным лавкам сенцом, катались по затопленным улицам своей соленой Венеции, играли на гармошках и песни пели. Во как. Молодые — те плезиры заводили, подчаливая друг к дружке. Девки ромашки из пучков сена выбирали и номинанту дари-

ли, загодя смухлевав, если один лепесточек был лишний.

Времена были прямые, суровые, и такие-то дела полагалось завершать в соборе законным браком. Храмина превысоченная, в основании своем такую толщину имеет, что ее, поди, и атомная бомба не возьмет... Тут разные слухи ходят. Не слух, а «хвакт», что государыня императрица пригрозила здешнему главному купчине, который замыслил сам золотые червонцы лить, снести напрочь башку. Тот и удумал пожаловать малому городу на храм, какой и в столицах бы виден был отовсюду. А это затем только, чтобы основание божьего дома было логично толстеньким, и чтоб там камеру с златолитней возможно было упрятать. Ну как пирамиды египетские по сути своей боксы для хранения драгоценностей, так и наш купец-основатель надумал запрятать не только злато свое, но и беззаконный тигль с рабом при нем. Вот и представьте себе скелет на груди золотых червонцев. По-моему, красиво.

И еще один собор громадный стоит чуть подальше. Вокруг домишки с кучами угля подле кривых заборов, сараюшки и прочее. Но каждый час и полчаса плывет от недостроенного собора звон курантов, внутри которых спрятаны колокола. Глубокой октавой, двойной волной часовых басов время гласит о своем торжестве и власти.

Был, говорят, тут купец среди прочих купцов, богомольный среди богомольных. И каялся о грехах своих, и оценил оные оптом в сто старинных тыщ, сумму великую, и пожаловал деньги на храм. И еще миллионяц для кладки, чтобы раствор был крепкий, как железо.

И выписал он из земли германской куранты дивные, да народу не понравились. Баяли, что куры стали плохо нестись и будили по ночам добрых поселян. И сильно будто бы не полюбил народ купца-молодца. Говорили, что собор строит не из благочестия, а токмо из зависти к славе того главного, почитай, на всей Руси купчины, кто собор с высокой колокольней построил.

И будто бы, как седина осеребрила купцову бороду, бес ударил в ребро. Чумовая

любовь случилась с ним, когда, как написано, купцу было слегка за сорок, то есть, по тогдашним понятиям, в старости. И была та любовь тяжело мучительной — безответной. Он богач, вдовый, красавец, а предмет его вздыханий — бедная дворянка-поселянка, жила в маленьком домике со старухой-матерью, но — глаза, коса, талия и все такие дела.

И уж как богатство к бедности ни сваталось, как деву красную ни уламывали, крепость в ней была такая, что и кладка крепкая на миллионе яиц гусиных рассыплется в прах перед таким «нет», твердым, что твой вольфрам. Такая была любовь наоборот, что городская память ошеломленная сохранила понятие, где жила та гордая вдовица. Домик сей — каменный низ, деревянный, из вечных лиственниц, верх, сохранился, и его приезжим показывают.

А легенда возвела купца на верхотуру храма и сверзила вниз. И будто бы летел он с криком «Не полюбил никто!». Так свершился грех самоубийства. А собор стоит третий век недостроенный.

Красные, как твердо укрепились, — тот, с легендарной златолитней, собор хотели взорвать. Во-первых, чего он тут стоит, дурман религии распространяет. Во-вторых, в развалинах любопытно покопаться. Может, и правда червонцы под скелетом найдутся? Обмерив, запросили, говорят, у губернии столько взрывчатки, что власти отступились от этого дела.

Так и стоят — колокольня, а напротив, на том берегу — трубы первозавода, высокие и угрюмые. А завод еще, как из ширинки, выставил из берега огромную сливную трубу, и из нее непрестанно льется в Реку желтая струя.

Но храмы со скелетами в стене — это все преданья старины глубокой, было давно и неправда.

А я лучше про завод скажу. Вот это действительно сказка. Для любителей, конечно.

Завод хорош. Цехи его растут вверх громадой высоких этажей, а по ребрам корпусов тянутся серебряные и черные щупальца труб, из которых растут трубы поменьше

и тоже тянутся, тянутся вверх и по эстакадам улетают вбок.

Батареи градирен всегда увенчаны роскошью пара. На оверших труб красные негасимые огни, отпугивать птиц и самолеты. Ну, положим, порядочные птицы, гуси-лебеди всякие, сами отруливают вбок еще при подлете к этим местам — запах и разноцветный, как патлы панка, дым натягивает ветром далеко окрест, а вольным тварям неохота все это нюхать.

За цехами Белое Море, где отстаиваются и испаряются отходы — а пахнут они плохо, но все же куда лучше, чем отходы человеческие либо скотьи. Время от времени сокровенное нутро завода прочищается огнем — и кольца пламени вылетают из огромной гортани. Пламя хохочет и ворчит, обдавая окрестность, бараки, лес и тучи багрово-серным светом. Тяжелый дух расстачается вокруг, и весь наш город кашляет. Даже грибники-ягодники в окрестных лесах перхают и бегут на пригорок, где ветерок отдувает желтый туман. Комаров долго не слышно после таких дней — они той желто-сизой двуокисью побиты. Но потом жизнь берет свое, и комариная тьма снова пьет кровь трудящего человека, который пошел за грибами или рыбачить в выходной.

Прямо из-под окрестных земель и издаleка везут соленую руду и едкое млеко, дабы кормить комбинатову утробу. И сдобривается это все некоторыми тонкими эссенциями, а также и спиртом, что течет по отдельным стеклянным трубам, издевательски булькая и играя чистыми струями. На устье трубы, понятное дело, пломбы и строгий цербер-заливщик такой драгоценности, который за особо хороший оклад и строгий догляд неприступен, как цепной пес — пытались и так и этак, не получается.

А стырили сразу большую бочку. По тому, что они, бочки, дубовые, и от девок лабораторских весь поселок знал, что спиртыга никакой не особый и ядовитый, а питьевой, не надо ля-ля.

Триста литров — это вам не шутки. Народу у нас много, и все хотят, даже и непьющие — для ремонтных забот и копки

огорода. Короче, пошла торговля. Заводское начальство назначило премию тому, кто найдет. Не спирт искало начальство, цена у него копейки, а схему, дырку, через какую сумела народная смекалка увезти с завода такую большую вещь. Так и не узнало, что с завода ничего не взяли, а не довели. По накладной все было в полном гламуре. Я детали дела знаю, но расскажу при встрече и, понятно, не за так, если кто интересуется подробностями.

Красиво сделали. Бочку пустили в розлив по бутылкам водочным, пробки запечатали, все культур-мультикультур.

Жизнь в поселке какое-то время стала баская. Народ выполз на бутылку да теплую погоду под тополя и сирень. Листочки еще не засыпаны соленой пылью и не дырявые. Не гусеницы их дырявят, а серные дожди. Нейлоновые рубашки тут вышли из моды раньше, чем в других местах — дождичек, пролетая сквозь наши дымы, делается едучий и прожигает малюсенькие дырки. А хлопку ничего. Правильно говорят в газетах — живое, природное — лучше. Мы вот тоже живем тут — и хоть бы хны.

Наискось шоссе — колеи. Заводы тут серьезные, без железной дороги никак, И, гуляючи до магазина или еще куда, можно долго ждать, пока протянут вагоны. Просто же прошвырнуться народ любит мимо хлебозавода, особенно вечером — дух идет от свежей выпечки густой и приятный, прямо-таки обволакивает и позывает на лирику. Если вы женихаетесь, то с веточкой-малюсенькой от комаров пройтись со своей пассией любо.

Соловей милицейской ловитвы слышен издаleка. Парнишка на мотоцикле пролетел мимо, патлы развеваются, сапоги резиновые с ботфортами уперты в педали. До сараек ему недалеко осталось, а в этом шанхае он скроется. Мы рады за парня и за себя — нам натуральное кино с погоней.

Гудели майские жуки и разговоры. Матюжок под глоток гуще, но не злой, а для украшения слога. Под хорошее настроение и такой случай выдал мне мужик из соседнего дома каменного, большого, в пять этажей,

тайну про сгинувшего слесаря. Не сгинул он, а погинул. На позапрошлой профилактике послали мужика посмотреть на главном чане мотор, который лопасти крутит, чтобы масса равномерно застывала.

И зайди тот слесарюга к моему визави призанять стакан жидкости для протирки контактов — так это у них аккуратно называлось. Там еще мужик был, всего, значит, трое, так что сам понимаешь. Поднялись они наверх и сели у чана, огромного, как озеро. Налили, выпили. И мужик загляделся, как лопасти волну делают, будто две большие рыбины ходят под поверхностью. Замечтался мужик или головка закружилась, а только бултых туда. Товарищи его не в первый момент приметили, а как посмотрели — только одни боты и торчат, и корифан ими даже и не качает. Сразу, видать, помер. Что делать? Пытались, конечно, вынуть друга из массы, да только вымазались в белой гадости. И отпустили тело на волю волн, где его химия быстро съела. Она и нас съест — не подавится. Условились молчать. Год молчок, два. Вот на третий тебе рассказываю — а зачем, сам не знаю. Спиртик хороший, только на разговор развязывает. Но надо же душу облегчить, хоть мы и не виноваты.

Некоторые женщины, которые понимающие, выносят закуску и ждут приглашения. Почему-то женщины никогда в домино не играют. В дурачка играют, даже в шашки, даже в бильярд некоторые, а в «козла» нет. Наверное, потому, что в этой игре главное — замах и удар. Если «рыбу» или дупель просто положить из руки, а не грянуть об стол — то это не игра. Тут как раз случилась «рыба», и партия закончилась. Приглашение женщине последовало, и стаканчик был поднесен.

Кругами возле нас на великах барражируют пацаны, тоже ждут приглашения. Но им нельзя, нечего поважать. Впрочем, один налажен за добавкой, потому как бутылка хоть и ноль-семь, а не резиновая, и быстро кончается. Надо заметить, что грелка, в которой выпивку под ремнем носят на работу, хоть и резиновая как раз, а все равно быстро

кончается в обеденный перерыв. Но на работе много и не надо.

Пили из той бочки, считай, все. Ни один не протек. То есть — не нашлось на весь поселок ни одной падлы-мышки, какая бы махнула доносик. То есть — народ у нас оказался хороший, когда доходит до главного. А то ведь чихнуть не успеешь, как донесут — начальнику, теще, бабе. И мы стали себя за это уважать. С нами можно в разведку. Нам можно доверить секрет — даже и побольше этой большой бочки, впрочем, ее никто не видел в глаза, а хозяина так и не вычислили, потому как вся торговля шла через двух ханых. И грело, что мы тоже можем взять себе в достояние что-то большое, не все ж на нас ездить.

Об чем тут речь, было в годы, когда водки не на каждом углу залейся, а по талонам пару пузырей в одни руки в двух магазинах — их тут все знают: «железнодорожном» и «номер первом». Про это дело рассказывать надо целый роман, и начинать с утра, а то и к вечеру не кончишь.

А большая бочка так и осталась под полом в гараже. И в полости ее — лежит народное сердце.

3.

Сегодня с утра подмораживает. И небо ясное, но злое. Закат играет, как оркестр. Тайга под светом небес еще чернее, впивает жабрами хвой своих тьму и холод. Снег, давший было слабину, снова стал тверд и звонок. Каррары его пластов блестят, будто отполированные.

Посмотрел я на это дело с низкого барачного крыльца да и ныр в тепло. Из моего окошка тоже многое видно. На заднем плане — кедрач и сосняк. На его фоне предметы похуже, но тоже дают впечатление: спортплощадка, изначально и навек занятая бельем. Слева и справа — «М» и «Ж», сарайки со всяким барахлом и живностью, без которой «людям исти нечего», качели и фигня для малышового лазания.

Белеет белье на прищепках, простыни-наволочки как большие фотоснимки.

На них отпечатались жизнь как есть. Заплаты бедности, протерть бессонной старости, пятна детородной любви, бабья месячная кровь.

Кальсоны, рубашки и спецуры лениво шевелят штанинами, рукавами и похожи на зеков, бредущих во тьму, как в ворота. С воли — в зону. И окончательная тьма запирает свои створы, как часовой. Согласно распорядка и устава. И жалкие шмотки эти во тьме вечера грезятся как оболочки не тел, а душ, вырезанных по контуру.

На подоконник ставлю лампу. Так подельнику даем знак — или подруге: «атас» либо «давай». Стемнело. Слюдяной отсвет окна слепит. Я знаю: сквозь этот свет, что пролит из лампы на окно, заклинаю, что сквозь свет, глядит тьма — роящаяся страхами система.

Еще один день творенья заканчивается, закончен почти. И сделанное человеками скрывается с глаз долой как дело постыдно худое, негодящее. Милосерден и снег, скрывающий особо безобразное безобразия — собственно землю в тех местах, где человека слишком много, и живет он тут давно и подробно.

Закат ушел за холм, где высятся, как богатыри, кедры. Ушел, точно. Но кто, не тень ли ушедшего дня, стоит и ждет за дверью? Если осмелиться выключить свет, он вернется. Чуешь звон шпоры? Ах, это моя подруга — ручная крыса Гретхен хвостиком вильнула, банку жестяную задела.

Нервы. Вздор. И все-таки я встал и накинул на дверь крючок, собственноручно сотворенный мною из гвоздя-двадцатки.

Пора уже признаться — я поэт, я даже достопримечательность отчасти. «Поэзия рабочего удара» — начертал шапку редактор нашей городской газеты над моей первой подборкой, я напился со своего первого гонорара скудного, на пару пузырей все же хватило, и еще на колбасу, и пьяный грозился плюнуть ему в рожу. На самом же деле благодарил и даже, помню, от волнения изгибался и обещал учесть замечания. Потом мне дали задание написать про передовиков нашего головного цеха, который изначально

звался Цех Сегрегации, но из парткома пришла директива переименовать его политически грамотно. И пошло-поехало. Поехало, признаться, не шибко у меня, и пошло недалеко, но я сделался таким манером корреспондент. А барачный народ возвел меня в ранг писателя. Волосы я отпускал, как художник или стилиста, природная бледность, тощест и горячий взгляд тоже подтверждали статус поэта.

А холст, на который жизнь написала сей портрет, была простая, но прочная: общага, жизнь-трехсменка. И, главное, — завод. Как Оссиан, весь в космах седого дыма, он стоит на житейских путях народного большинства. Каких узлов у людей ни вязала судьба, дорога к проходной завода-прародителя вела почти неотвратимо.

Но вот, но вдруг... бездомные щенки или котята так появляются, пищат и заявляют свои слабые права на жизнь. Так пошли первые стихи, в самую толстую тетрадь, какую нашел купить, я заносил их, многие, нелепые, как и сам теперь понимаю. Но они были милы мне так, что и сказать невозможно. И стало крепнуть ощущение, что скитанья без угла, углы без уюта и нормы жизни, штатные расписанья, где я навек был вписан безымянной табельной рабсией — все это раздвинулось ввысь и вширь состоянием обретенной свободы — зияюще-огромной, жгучей, дарующей.

Я перестал быть изначально оскорбленным.

Но какие уж просодии и тропы я не пробова, все, как стопы в болотине, строчки увязали в банальности, всякий размер был мал или велик, а мысли не плясали ни от печки, ни к ней.

Рифмы должны, я умом-то понимаю, аукаться, как подружки на ягодах, а у меня — глухо, и только жужжат комары тщеславия. Но это не повод, чтобы не пробовать пробиться еще и еще раз. А мы, кержаки-чалдоны, все упрямые страсть.

Соседка из соседнего нашего знаменитого Четвертого барака — немка.

Я у нее кой-какие книжки брал, каких нема в библиотеке, и иногда поговорить

с ней люблю. Она из тех, кому всякий режим — прижим. При царе она, по молодости лет своих древних, только воззвания кричала — и страдала не от власти, а от самой себя — нетерпением души, это ее слова. Потом большевикам служила истово любя, потом сюда в женскую колонию попала. И страдала уже не одной только душой. Проморозили ее здесь, как картошку. Потом война, тут уж немке и вовсе пришел почти капут, но выжила как-то. Учить немецкому надо кому-то.

И вот однажды мы утром едем, сидя рядышком. И я хвалю наш новый барачный поселок, куда народ из общаг расселили, и город хвалю, и завод-завоудище наш знаменитый, и Реку нашу. А Ольга Ивановна, немка моя, все в ветхий гарус щеки свои черные обмороженные прячет, и восторженного меня сторонится как бы, молчит, в окно глядит. И только одно словцо проронила еле слышно: «Кало»...

Мне снился сон: заря ночью поднялась, зовет собираться и отправляться куда-то. Но заря за деревьями тревожна. И тут огнем грянул выстрел, и медведь, мирный и толстый, стал размазывать кровь по морде, и она в его лапах была как красный платок. И нет его, а вдруг явилась соседка-немка. И Ольга Ивановна, помолодевшая до статной девки, в эсковской фуфайке, но с комиссарским наганом в одной руке и красным полотнищем в другой выходит из окна и торопит. Ну, раз торопят, надо подниматься. Пол холодный будит меня за полминуты, и вижу в окне отсвет зарева, и наш поселковый дурачок Тиша с удовольствием выполняет свою обязанность, которой очень гордится — бьет в подвешенный на тросик рельс. Пожар.

Пожары, признаться, люблю. Да и вообще русский человек любит — если, конечно, не сам горит. Порой, впрочем, как раз и любит погорать. Об чем мы еще потолкуем. Поселянин бежит как на спектакль, так просто зевает — или с удовольствием воду таскает, бревна раскатывает, ныряет в дым, огонь кромешный на детский плач.

На этот раз спасать никого не надо было. Народ стоял, как собранный двинуть

по этапу. Узлы с постелями, комоды-тумбочки, утварь с кухни и все прочее казали миру свою бедность. В тюки с бельем и шмотками заползли встревоженные тараканы — звери чадолюбивые. У каждого на спине белела, величиной с рисовое зернышко, личинка.

Кучно стояло и тихо, непривычно тихо гудело звонкоголосое семейство цыган. Мы даже отчего-то гордились, что такие непоседливые прижились у нас и стали как мы.

Огромные тюки с перинами были перевязаны простынями. За спиной у хозяина погуживала эхом на всякий звук старинная зеленого цвета гитара, которую никому не давали поиграть, попробовать. Глава немалого семейства работал шофером, поэтому весь клан считался оседлым, а на эту оседлость выделялись какие-то фонды и даже метры. Иногда некоторые из клана забирали свои перины и отправлялись на наш маленький вокзал, расстилали там свой цыганский дом-поход и погружались, как я понимаю, в состояние цыганского счастья.

«Ромалэ!» — вдруг раздался зов-приказ хозяина, и вся цыганская галда смолкла, узлы с перинами подняты, и они двинулись из светового овала во тьму.

— Куда вы?

— Нет для цыгана дома. — Ответила старуха в толстой шали, не повернув головы.

И они, зарывав весело-грустную песню, двинули на автобусный круг. Ромалэ несли пожитки свои, как несет духовой оркестр громоздкие инструменты.

Пламя изрыгнуло белым дымом из себя налитую в него воду и стало еще пуще. Рычало, как пес, которому бросили костей с хрящиками, закруживало дым с искрами, само себя холило и радовало.

Будь я огонь, я бы тоже бараки палить любил, особенно старые, просохшие, с многими слоями краски. Клпы от жара лопаются — та-та-та, стекла трескаются со звоном, бутыл с самогонкой, керосинка, если забыли схватить, салютует синим салютом прошлой жизни-житухе.

Вышагивает из заводской пожарной машины начальник пожарной. Высокий,

стройный не по летам, настоящий сталинский сокол. Но его не любили, и слухи темные про него сквозили меж людей. Будто он бы на зоне «Белый Голубь», есть у нас такая, для особых, был чуть не исполнитель приговоров или же кум-опер, да что-то не то сделал, и его из органов погнали.

Но власть своих не бросает совсем, это дело известное. Хоть скотомогильником заведовать, да направят. Вот сокола и приземлили в пожарку. Между пождепо и нашим городским отшибом — железная дорога и один только переезд, где порой постоишь. Так что в эти палестины пожарники часто приезжали только на головешки.

Этот наш Четвертый барак знаменит. Шутишь ли — три вышки за послесталинские годы! Высшую меру за «просто подрались» у нас не дают, нечего врать. Серьезные срока — тоже целый букет. Финки наборные самые шикарные тут делались — даже девкам дарили, такие красивые. В последнее время, правда, стали под малокалиберный патрон стволы точить. Вещь нужная, что и говорить, но красиво еще ни у кого не получалось.

И здесь же гулялись самые лихие свадьбы, с настоящими баянами-гармошками, танцами возле окон, водкой непаленой, пирогами-рыбничками, холодцом с чесночком. Плясали, пели и дрались трое суток, как и положено.

Пока я грезил про то хорошее, Бывший Палач собрал вокруг себя народ, велел пацанам мелким пока погулять подальше.

— Вот что, дорогие мои товаришши. Я носом слышу, что у вас тут самоподжог. Тихо галдеть! Я еще не кончил.

— Кончать на бабе будешь. Ты суть давай, нач-чальник.

— А суть такая, что мы за последний год уж третий раз к вам недоспавши пожаловали. В последний два очага сразу было, причем один в подъезде, где и телогрейка, облитая бензином, лежала. Но мы тогда на переезде не стояли и вовремя захватили. Сейчас вы, может, не поджигали нарочно, но я знаю, в какой камере неаккуратно гнали самогон и у них вспыхнуло.

При этих начальниковых словах две фигуры отделились от толпы слушателей и пропали во тьме.

— А я ведь лично к вам ходил, рассказывал по самогонные аппараты, куренье в постели и другие мероприятия.

Люди еще понекали на такие слова, но только для достоверности. А сомневаться была причина — как раз отсюда было видно, что и ночью на новостройке — там, на берегу Реки в красивом, как санаторий, месте строились три дома здоровых. Таких в нашем городе еще нет. Строили, понятное дело, не для нас, швали барачной. Ну, а если мы погорельцы? Тогда появляется шанс, может, единственный в жизни. Сомнения есть, а доказательств нету. Потому как, кажется, никто не пошалил, так само получилось.

А на тех-то трех желанных домах уже точки сварки на последних этажах посверкивают, звездочки такие рукотворные, манящие хоть напоследки пожить как люди, а не в крысятнике этом воньком. И хотя вонь делали не крысы, а люди, все, в общем, верно.

На сугробе обоссаном красовался огромный телек еще старой советской постройки и, повернутый экраном к пожару, впервые в своей долгой телековой жизни показывал цветное кино. И не фантазии Columbia Pictures, а без туфты настоящий огонь, который, догорая, кочевряжился и плясал, как дикарь в боевой раскраске. Рядом в лукошке лежали еще слепые котята, и кошка мяукала, как виноватая, и на нее смотрела девчонка и плакала.

А чуть поодаль стояла наша немка, прижимала с тощей старческой груди какую-то толстенную книгу. И с другим огнем, огнем ненависти в глазах, глядела на начальника-сокола.

Слышу сипатый голос:

— Ты, слышь, ты из Третьего, кажется. Корреспондент? (Это кликуха моя, Мишка-корреспондент). Сбоку стоял и тихо гудел эти не секретные, кажется, слова на ухо один мужик из погорельцев. Мужичок самый что ни есть — не прилпатенный даже,

а на всю катушку блатной. — Давай сгоняй на магазин, он уже закрыт, но продавщица Семеновна знаешь где живет. Ночью у ней подороже, так ты добавь из своих. А я тут послушаю, че говорят.

Я сгонял, и зазвал блатного и еще одного такого же с фиксой здоровенной к себе — то ли согреться, то ли отметить или просто выпить. Уж если вам пожар не повод выпить, то я извиняюсь.

Быстренько этак мы по-мужицки собрали закусить на мой письменный, он же обеденный, и чокнулись. Я выпил и мигнул пальцем парню с большой фиксой — мол, выйдем на пару слов.

— У меня денег больше нету.

— Да я не за этим, дурила. Выйдем. Вышли — выходить-то три шага.

— Ты, слышь, руки у тебя бензином воняют. Как чокались, я услышал. Ты их хлоркой, у меня есть. А то сейчас должны из горкома или еще откуда прилететь, а ты бензином пахнешь. И что, что шофер?

— Да, слышь, корреспондент, не поджигали мы. Я, правда, куфайку солярой-то насмачил, в сугроб затырил возле параши, но и само хорошо горело. Это проводку у нас в щитке коротнуло.

— Фуфайку убери подальше, в снегу, что ли, закопай. Но чтоб никто ничего. Особо этот, из пожарки. Давай дуй. Выпить мы тебе оставим.

От властей, и точно, явились не запылились, на горкомовском «козле». Их, как господ каких, встречала малая толпа погорельцев и сочувствующих. У всех рожи грустные, как на похоронах.

Власть убедилась, что горело и сгорело, и восстановлению не подлежит. Эту заветную формулу народ выслушал с трагическими масками на лицах, будто приговор.

И сказала одна власть имущая шляпа другой:

— А помнишь, как мы с тобой мучались на реперткоме в области. Все играли фальшиво, позорно. Я потом после прогонов коньяком обязательно лечился. А здесь — единственный ансамбль. Артисты погорелого театра. Правда жизни и правда искусств

ва — разные вещи; как там у Горького — «И вместе им не сойтись».

Вторая шляпа покивала для приличия. Они вместе много чего прошли.

Но не эстетические муки. У шляпы № 2 начисто отсутствовал вкус, что сильно помогло, когда его бросили «на культурку», то есть понизили. Это вообще женская стезя. А мужчина должен сидеть в промышленном либо строительном отделе, — ду-мал шляпа, уже от усталости не слыша ухабов на дороге, с которой «козел» шугал птиц и тьму.

Так получилось, что я долго отсутствовал в городе, о котором речь. Еще дольше я не был в нашем поселке барачном. Просто незачем было сюда. И вот, вернувшись из странствий дальних, решил прошвырнуться по местам боевой славы. Елки-палки, а бараков-то нету! Сверкают цинком склады-ангары железные, а ни бараков, ни народу. Торчит только стела, на которой выложена мелкой плиткой грудатая и толстоногая девка, а на полшага впереди нее — комсомолец, показывающий рукой вдаль и вверх, где сияют облупленной позолотой мирный атом и серп и молот. Это создалось задолго до «дымахратоу», как говорит один речной старец, с которым иногда я рыбачил.

Советская власть установила свой тотем, возле которого предполагалось собираться, праздновать, рапортовать.

Тишина, пыль, крапива да лопухи. И в душе сделалось как-то пусто, и словно бы тебя оскорбили.

Под такое чувство не выпить — вред для психического здоровья.

Но один я не пью. То есть бывало, но не понравилось — тоже ведь вред для того же самого — пить в одиночестве. И тут вижу — по дорожке, брошенной наискось сквозь пустырь, украшенный черемухой и рябиной, тихим христосиком идет, ведя за руку маленькую пацанку, кто-то знакомый. Сначала, что человека знаю — впечатлень только, но вот улыбнулся он — тут уж все понятно. Такой могучей фиксы и в наших блатных местах поискать. Вместо двух зубов сразу.

Короче, устроились мы на изогнутом стволе старой черемухи, отполированном задницами местных насельников, и выпили. Я про этого пацана уже говорил, но напоминаю, если кто забыл. Это он «куфайку насмачил», когда Четвертый занимался гореть. Вспомнили и про тот случай.

— А вы не напрасно именно меня за водкой-то послали.

— Вован наш умный, не зря на зоне его уважали, хоть он и молодой, тебя тогда послал за выпивкой не потому, что больше некого. Мы тебя тут все не любили. Корреспондентом тебя звали тоже не просто так. Думали, еще стучишь по-тихому, сообщая обстановочку где-нибудь в горкоме или где там писатели пишут. А тут вопрос жизни решается. И вообще белой вороной ты был. В чем это выражалось? Да так, ни в чем и во всем. Как живешь-то? Ну, давай, наливай. А колу вон девке моей отдай.

На том и расстались навсегда.

4.

Принимаясь за эти записки, я имел намерение дать автопортрет. А получается — город. Буду прыгать как блоха по годам и местам. Места, впрочем, все у нас друг на дружку похожи. Только отличается деревянное от каменного. Ну и бараки, конечно, — краса и гордость родной действительности. Но есть и у нас шедевры, если кто красоту понимает не только как веселенький ситчик или квадрат Малевича.

Вот, например, городская баня. В преисподней я пока не был, да и, возможно, не буду — грехов достаточно, но все мелкие какие-то. Не тот калибр. А вот в крематории — был, на панихиде одного почтенного горожанина. Так вот, баня здорово смахивает. Строилась она, когда первые землекопы и каменщики жили не в бараках даже, их только предстояло сваять, а в землянках, и были все во вшах снаружи и с радикулитом внутри. Поэтому жар в парилке требовался такой, чтобы паразит лопался от этого жара, а в теле бы косточки болезненные ласкал,

и труженик бы выходил из гулкого, страшного, но веселого и жизнеутверждающего зала чистенький, розовый, блаженный, освобожденный от паразита, который досаждал пуще мирового капитала и всех припешников его.

Труба бани высока, выложена из наилучшего красного кирпича. Котельная — из чугуна толстенного, и громаднейшая куча угля никогда не иссякает позади этой котельной. Даже шайки там из особо прочной жести, а лавки и вовсе из мрамора. И вот сидишь ты распаренной жопой на этом мраморе, как самый важный человек, и мысли твои возлетают в эмпиреи. С потолка летят и шлепаются о пол, скользкий от парной человечины, натекшей за столько-то пятилеток, здоровенные теплые капли, иногда попадают и тебе на кумпол, но это тоже ничего.

Хуже, что напротив примостился пидор и шлет тебе сладенькие ухмылочки. На такой случай есть заветная фраза: «А шайкой по рогам?» — и мерзость растворяется, как черт от крестного знамения, в клубах густого пара. Ай да молодец тот неведомый мне, по чьему проекту создавался шедевр эпохи. Был он немножко айболит, немножко сибарит. Человек, знающий человека.

И — последнее о сем предмете. Чуть не забыл, может, главного. Там была пивная, а в пивной всегда — пиво.

5.

Мои первые рабочие пенаты находились у самой твердыни завода. То есть идея народа, как гумуса для сотворения почвы, в кою можно высевать большие зерна всяких промышленности, призванных дать много, много плода, — эта идея предполагала, что не надо отвлекаться на всякие пустяки — например, ежедневную, отнимающую силы езду подальше от заводских ароматов и той особой пыли, которую не поднимают колеса на проселочной дороге. Вряд ли вся-вся таблица Менделеева — золото-серебро, конечно, мигнул — но свинец, железо, ртуть в этой крупной, тяжелой пылище точно присутствуют.

А помирать все одно от чего-то надо, и лучше, если не особо заживешься на пенсии.

Платить нам платят, но лишь чуть больше, чем нужно рабочему человеку, чтобы прожить. Раньше при товарище Сталине возле проходных должен был быть магазин со стыдливым названием «Соки-воды», рядом же — пивная, и кто-то головой отвечал, чтобы нужный народу товар там был всегда. Таким манером денежки возвращались по малому кольцу в казну, не сильно тронутые заботами на товарное покрытие честного рабочего рубля. Мы не особо, помнится, жалели, когда эти учреждения убрали к чертовой матери — все равно там ничего уже не продавалось почти.

И был у державы второй редут обороны — деньги на север поступали такие же, как всюду, но особых серий — для учета затрат на нас, придурков.

Поверх каре наших четырех общажных домов, видный сквозь железные ветви магистралей, выше чащи мелких труб горел высокий факел, бросая в облака мятущийся отсвет. Словно бы бессмертный олимпиец нес неустанно весть о победе. И гриве коня богатырского мне этот факел уподобить — нечего делать: так металось пламя, упало и вновь взвивалось. Ночью и днем, в жару и стужу. И делалось виднее, когда низкие облака, а они, облака, у нас часто. И часто — именно низкие, сплошные, как экран. Можно кино показывать. Кстати, северное сиянье, — оно бывает реденько, но зато уж всегда в цвете.

А однажды, когда наш самый высокий цех еще надстраивали, было мне видение. Сварщик склонился над своим делом, поймал четыре миллиметра, и вспыхнула игла электрода пламенем, на который нельзя просто так смотреть. И фигура человека отразилась на плотном полотне облаков вместе со швеллерами той арки, которую в третью смену доваривал исполинский сварщик. Варщик тех суровых яствий, которыми, алкая, никак не насытится пространство, и без того прошитое до самых высей и далее эстакадами, по которым ползут пучки труб, арками и дорогами, которым уж тесно на зем-

ле, как змеям в террариуме, и они тянутся в небо. И трубы, и фермы мостов, и виадуки, и крекинг-башни, похожие на исполинские саксофоны и кларнеты. Башни просто. Пакгаузы и ангары. Рельсы, рельсы и стрелки, семафоры. И цехи, кубизм хранилищ и складов, элеватор, дома. Опоры ЛЭП, долговязые, как царь Петр. Флаштоки, транспаранты, указующие стрелы, прожекторные вышки, стелы и фигуры, полые буквы.

Это везде так, но у нас многое на особицу. У нас даже мост через Реку стоит не перпендикулярно течению, но и не вдоль, конечно, а наискосок. Зачем-то так надо, потому как Река нравная, и течет она как-то по-особому, что выразилось в том, что однажды в старину, но уже на письменной памяти, Река чуть ниже нашего города взяла да и изменила в одном месте свое русло.

И еще у нас есть горы, которые мы сами сделали и доделываем своими руками. Троегорбием дракона высятся они на западном горизонте. И в вагонетки с таким визгом и криком, который, наверное, издавали птеродактили, тащат и тащат кубы отвальтной породы, которые, засыпав с запада окраину, уже отъездают по куску и сам город. И город пятится, как кот от собаки, и идет новостройками за Реку.

И если бы над всем этим поднялся черт с рогами, он, конечно, произвел бы впечатление, но много меньше того, на которое, варнак, рассчитывал. И прекрасно вписался бы в ансамбль.

А каре общаж — это полтора на два с половиной. Полтора дома — девки, два — парни. Пол-дома — клуб. Поскольку девок было меньше, шли войны на право влияния-обладания. Активно применялся громкий, но не смертельный мат, иногда — заточки, перья. Этот инструмент нешумный, но эффективный. То есть промискуитет в пролетарском вкусе цвел ярче гераней на подоконниках. Я тоже похаживал к двум сестрам, которые удобно жили одни в комнате, потому как были медсестры, то есть интеллигенция. Медички, училки и поварахи были интеллигенция и пользовались повышенным вниманием.

Пока я, притушивая возгласы, елико возможно, был занят с младшей сестрой, старшая лежала рядом на диване, читала книгу и громко ела яблоко. «С древа познания» — шепнул я пассии, и та засмеялась. Смеху ечки же, как известно, для «огня страсти» как холодная вода. И мы сами собой угомонились.

— Сегодня у тебя гораздо лучше, — голосом тренера сказала мне старшая, — А ну покажь ноги, я тоже посмеяться хочу. «Лучше бы ты чего другого захотела» — подумал я, питая большую склонной к старшей, Вальке, но перечить не стал. Фамилия у ней была Скаткова, кликуха — Скотинка, но без презрения, а даже с уважением к ее животной неутомимости на самцов.

Вообще-то сестры нравились мне обе, а я — только младшей, поэтому старшая давала мне лишь изредка, за какие-то заслуги, суть которых я никак не мог уловить. У нее было рысье лицо, короткая презрительная верхняя губа. И желание всегда перечить. Просила читать («рассказать») стихи, но мои всегда ругала. Даже снимая трусики, она цедила:

— А пошел ты!

У младшенькой был роскошный голос — глубокий, грудной, с ликующим рыданием на конце самой пустячной фразы. Я по нему и нашел их — они жарили картошку на общежитской кухне и лениво перебрехивались. Что-то свое девичье обсуждали-перетирали, но ее контральто делало самую ничтожную глупость поэзией.

Я к тому времени еще никак не мог скопить на ботинки и ходил в рабочих кирзачах, и голенищами начисто стер на половине икр свои густоволосатые ноги, и они были как в белых бабских гольфах. Что сестриц и смешило.

Я возвращался к себе, оставляя следы в пыльном, с багровыми отсветами, снегу и, довольный собой, ухмылялся, как пьяный. Фосфорическим оком глядела луна, клен гудел, как под током, черными ветвями. Он, видно, чуял перемену погоды, а я ничего не чуял, кроме блаженства.

У Вальки Скотинки была и есть подруга — Галя, по кличке Блядь. Галя-Блядь, так ее все

звали и знали. В том смысле, что главблядь. Это звание она несла гордо, как генерал лампасы. Валька с ней дружила и слегка завидовала ее славе.

Если бы вы бывали в нашем городе, вы бы не спрашивали, где находится Триперштрассе. Никакого штрассе нет, а есть отрезок нашей главной улицы — с одной стороны кинотеатр «Авангард», с другой — кафе «Вперед», по народному — «Перед». И вот мы гуляем летним вечером, любимся красотами сталинского стиля, обсуждаем, где бы чего взять и присесть у растрескавшегося памятника Павлику почему-то Морозову. И навстречу знаменитая Галя. Эскорт из трех мужиков, не подступись. И вдруг она сама подходит ко мне, велев сопровождающим ее лицам тормознуть на минуточку, и говорит: «Ты бы позвонил», и сует в руку спичечный коробок, на котором я вижу заранее написанный номер.

Вы не поверите, но я был польщен. Через день-другой мы встретились, я принес шампанского, как приме жанра, и поговорили на лавочке у Павлика. Разговор был про жизнь.

Тогда еще не было забыто знаменитое на весь город Дело о Трех Аппаратах. Разумеется надо аппараты кассовые, которые чеки пробивают. Кто-то, от большого ума, выбросил поломанные машинки эти на помойку, откуда народные умельцы их взяли, починили и стали для наших гастрономов пробивать чеки на выпивку и закуску. И так продолжалось довольно долго, но всех потом замели. А мозговым центром этой всей штуки, которой город восхищался, была именно Галя.

— Ты понимаешь, — говорила она, попивая мелкими глотками полусладкое, — я уже дала следователю, а он все копает, и я стала бояться, что нас с Валькой вычислят по морфию. Это ведь мы с ней целую упаковку из медучилища стырили.

— Сколько дала? — спросил я, не подумав.

— Сколько просил, — ответила Галка и с улыбочкой похлопала ладошкой по лобку. — Праведников фамилия, ты его знаешь. И он, курва, захотел раскрутить нас по пол-

ной, чтобы на показательный процесс тянуло. И проституцию еще мне пришить до кучи. А я не профура, я честная давалка. И вот я ему сказала, что меня изнасиловал отчим, целку мне сломал, и вот у меня получилось трудное детство, и меня надо в санаторию, а не в колонию. Отчима за хобот — и на допрос. Он отнекивался, а потом сам сломался, как целка. Но ему дело заводить не стали. Он вскоре умер, пока я в СИЗО сидела. А все дело в том, товарищ поэт, что отчим до меня и пальцем не касался. Наклепала я на него. Вот он и ушел на тот свет раньше времени. Крепкий был. Это я его сломала, а не он меня. Вот такой грех на мне. Зачем рассказываю, ты не спросил — молодец, значит — понимаешь.

Так сидели мы в летнем тепле, люди двух древних профессий — поэт и шлюха. И нам было хорошо. Ей — что облегчила душу, исповедовалась, можно сказать, мне — что дева возвела меня в ранг поэта, который в отсутствии попа может исполнять его функции, как капитан в море.

О мужской нашей общаге сказать что-либо затруднительно. Хорошего — трудно придумать, а плохого не хочется — во всяком случае, это моя жизнь. И все-таки не тюрьма, куда поселят, хошь ты или не хошь. Но и не жилище человека точно. И многие жители общаги как будто и не претендуют особо на человеческое звание, и вполне довольны своей железной койкой, фанерной тумбочкой, обедом за рубель и всем прочим. Большинству и в голову не придет думать, что сортир может и не нести на весь коридор хлоркой, поскольку он, беда-человек, издетства привык бегать по этому делу на задворки хатки своей либо барака.

После колхозных почти условных заработков начисленная ему, дурачку, куча денег возвышает его, и он чувствует, что его статус повысился от раба до рабочего. И он даже покупает себе пиджак, рубашку, и у него возникает мысль взять галстук, но он стыдится этой мысли и оставляет это до будущих времен. Еще более хорошие времена могут и не наступить, просто не успеют, как не успели они для моего соседа, ко-

торый помер, один только год получив пенсию. Помер и помер, приехала какая-то тетка из пригородной деревни, все, что надо, собрала, обиходила, бумагу прощальную выправила, покойника нарядила, как положено, в «спиджак» и рубашку.

А галстука-то в гардеробе и нету ни единого. Когда на паспорт новый фотографировался, тут фотограф сам дал дежурное нечто, а так ему и без надобности. На доску почета не попал, на «не проходите мимо» — тоже.

Короче, прибегает то ли тетка, то ли жена ко мне. Ее надоумили ко мне зайти — я, дескать, человек интеллигентный, хошь и не начальство, и у меня лишний галстук точно должен быть. Вот она и взошла. Ко мне. А перед Богом, верно, надо являться при полном параде.

И старая фланелевая ковбойка отмучившегося работяги впервые украсилась чем-то в косую давно не модную полоску.

А вот другой тип. Этот, может, всех нас переживет. Жилистый, точный, с внимательным серым взглядом, который не хотелось замечать на себе. Растительность на лице у него росла как бы в два слоя — щетина, как полагается, и до самых глаз и ушей и взбегала на уши — тоже какая-то дикая поросль цвета посушенной зноем травы. И все лицо словно бы перцем посыпано.

Он, сидя на кровати, открывал одну банку за другой — сайру в томате и сайру в масле, кильку маринованную, завтраки туриста и прочие такие деликатесы, которые продавались, нарезал хлеб и ел, ел, ел. Потом ложился спать. Четко, в первый же миг будильного звонка вскакивал, стремительно одевался и шел на работу.

Человек сразу с зоны, он наслаждался едой, чистыми простынями, теплом в комнате, свободой, и много чем еще, что мы, твои благодарные, не ценим порой. Пока жизнь не поучит. А несвободу от графика трехсменки он принимал как должное и не рыпался. Впрочем, что там творилось в душе свежееосвобожденного, понять было нельзя. Однажды мы, киряя вдвоем, предложили ему просто так, без рублевого взноса, с нами за-

одно, и я протянул стакан. Я запомнил это волчий угрожающий взгляд надолго и предположение свое дезавуировал.

Он не пил. Совсем. Видимо, после чего-то такого, о чем лучше не спрашивать. Его вынесенные вишь скулы, плоские, как лезвие топора, были синие от частой заросли. Он тщательно сбрасывал ее опасной бритвой. Бритву, уже до половины источенную, правил на кожаном широком ремне — и тихая усмешка пробегала, как ток, по его тонким темным губам.

6.

Мне на заводе самый кайф. В общаге кто-нибудь храпит на соседней койке, кто-нибудь приходит со смены или уходит, семейство клопов блестит в стенной щели в цыганском порядке — толстый папа, потощее мамаша, какие-то мелкие родственники и маленькие клопята, и будут ждать, когда ты заснешь. Или тебя за пару пива попросят поскучать где хочешь, пока приведут на часок «телку». И так далее.

Однажды я сидел за нашим единственным столом на середине комнаты и сочинял в заветную тетрадку. А надо мною летали стулья — пацаны всерьез дрались, потому как кто-то у кого-то стирал заначку или получку — я не вникал. А я сидел отрешенный и подыскивал типа свежую рифму к заветному слову «любовь». Меня, помнится, комната впервые зауважала и признала, что я поэт, когда я попозже к вечеру «рассказал» им только-то сочиненное... Но я слегка отвлекся. Вот приходишь на смену, переодеваешься в чистое (спецуры нам особая служба стирает и меняет) и заступаешь заведовать хозяйством. Я в разных местах трудился. Например, в Цехе Последней Операции. Идешь неспешным шагом мимо ста ванн, похожих на саркофаги фараонов. И просто смотришь, чтобы было все в порядке. Для этого надо заглядывать в маленькие окошки из толстой слюды — не поднимаются ли фонтанчики расплава выше нужного, звездочки брызг не играют ли тревожным светом?

Если все в порядке, и жизнь их, предначертанная Главным Технологом, которого никто из нас пока не видел, ничем не потревожена, значит, и смена твоя пройдет легко. Всякое бывает, и на всякое есть ремонтная служба и начальство, а сегодня можно поднаться в свой скворечник и поспать пару часов, а потом спуститься к своим фараонам и повторить дефиле.

А еще я люблю Последнюю Башню, как у нас ее прозвали. Она несколько на отшибе, к ней-то и подходит железная дорога, чтобы увезти из Последней Башни то, ради чего мы тут и толчемся. Башню, как пулеметная лента матроса, опоясывает трап, чтобы забираться наверх и там «открывать заслонки».

Утро теплое, не спится мне в моей стеклянной каморке. Я иду к Башне, она уже на треть освещена скорым на подъем летним солнцем. Огни фонарей стали белы при свете зари. Под моими грубыми башмаками вибрирует один пролет за другим.

И вот уже рукам приятно нагретое железо поручней, и я делаю еще два-три последних шага и — о, чудо. На севере летнее солнце быстрое, щедрое. Ему ведь надо успеть согреть все это большое, озябшее, даже и промерзшее до самого нутра пространство.

Но надо назад, к моим печам-саркофагам. Я вспоминаю, что нас из ремеслухи послали сюда на практику, то есть бесплатной рабочей силой, бери больше, кидай дальше. И мы, в числе прочих муравьев, рыли котлован под эту Башню. А она глубоконок уходит вниз, по самую юру, землю серую, мертвую. А прежде юры слой за слоем шли — у самого верха кости человеческие. Потом сруб старинной солеварни и тоже косточки — всякое говядо и человечьи, смешавшиеся с животными. И только черепа давали понятие, кто есть кто.

А теперь эта Башня стоит гордо, и шумит глухо своим нутром, и будет долго после нас стоять, пока все это не станет ненужным. Как стали не нужны тут солеварни старинные.

Человек не может жить под водой — и живет там месяцами. У нас один служил

на подлодке, так он лысый весь с молодости, и детей, он надеется, у него не будет, потому что не может быть своих кровных. Но жабры для этих подводных китов делает соседний цех. Человек не может летать — но летает так, что стекла дрожат, потому что рядом военный аэродром. Мы как раз перышки для человеческих крыльев легонькие и со-творяем. Жабры и крылья родины.

Я пока на самолетах не летал: куда мне надо, едет поезд либо шлепает пароход. Но какие наши годы. И путевку все увереннее обещают — правда, уже вторую пятилетку.

Чисто. Тепло. Светло. Вонько, правда. Но за это бесплатные обеды и молоко.

7.

После ремеслухи, такова традиция, отправили поработать в цехе, куда взрослый народ не шибко заманишь. Вы сейчас поймете, почему. В первый же день выдали мне, кроме обычной спецовки, толстенную, в палец толщиной, суконную куртку. Это она не от морозов-морозищ наших такая толстая, а от жары. Цех звался Печами Обжига, и шихта туда должна приходиться не мокрая, иначе спекалась. Вот обычно иначе и было, и цех нуждался в молодежи. Ну, велели одеваться во все это жаропрочное, на морду очки в виде мотоциклетных. И по ребрам железного трапа я, отворив тяжелую дверцу, шагнул в пекло. Шихта, бросая искры, пылала нежно-малиновым пламенем, и ее требовалось шуровкой поощрять к выходу из громадной печи, чей силуэт красиво смотрелся на фоне вечернего заката, да и сейчас смотрится не хуже, и в сей момент кто-то с железной герлыгой ходит внутри печи и тычет в жаркие текучие сгустки. А через двадцать минут его сменит такой же персонаж совсем не из сказки.

А куртка эта долго носилась и ценилась за непробиваемость на любом холодном ветру.

Или был у меня другой цех, там я вообще на все громадное пространство один. Ог-

ромные емкости, в озерцо размером, трубы, вентили и я. Голоса у меня нет совсем, но тут петь хотелось — я и пел. И получалось — над густосоленой гладью хранилища, через простор которого прокинут железный мостик с перильцами.

Там же и стихи мои, души отрада, сочинялись прямо без бумаги. Газета напечатала, и пионеры даже на слете молодых талантов хором кричали мое коронное:

Поковки через печь мою идут.

Бушует пламя, издавая звуки.

И если спросят:

«А ты любишь труд?» —

Я покажу мозолистые руки.

И я, как автор, на вызов поднимался из переднего ряда и учтиво кланялся залу. Отрадные мгновенья! Одна въедливая девица, правда, сказала, что во второй строчке неприличность, но я вовремя светоча нашего Пушкина вспомнил и ответил ей: «Поэт, не дорожи любовью народной и не оспаривай глупца». Она обиделась, я — тоже. Ну да ладно, о вкусах не спорят.

Вот и весна. Все на свете радовалось солнечному пригреву. А тут, на деревенской окраине, тем более благодать. На прогнувшейся веранде дома в торфяных стаканчиках шибко тянулась кверху помидорная рассада и источала дурманский пасленовый запах. Старый линолеум тоже решил пахнуть под жарким солнцем. Поленица, которую мы накололи и складили еще в позапрошлом годе, сладко пахла остатками смоляных слез. Земля во дворе дышала своими фитонцидами и помоями, еще не просохла после зимы и слегка пружинила, как палуба.

Единственный в хозяйстве гусь гулял по двору, и из него то и дело выдавливалось, как зубная паста, зелено-серое гуано. И копешка сена, придавленная гнилыми досками, вспоминала о невозвратимом лете.

В сарайчике жила коза. Она тоже, видно, мечтала о лужайках — ее «бре-ке-ке» было тихим и лиричным. «Деревянная скотина» — сказала про коз покойница бабуся, а почему так — непонятно. Просто «в старину так сказывали». И в самом деле, похоже на правду.

На мощной березе сидела ворона, поглядывала на нас одним глазом и ругалась на других птиц, которые тоже хотели присоседиться на ветки. Ворона, видно, считала дом своим и знала, что после нашего заседания на столе ей останется.

А псу, зовоному Мальчик, и раздумывать особо не надо. Он и так уже поимел много чего от наших щедрот. Мальчику нравилось, чтобы ему на нос клали кружок колбаски, и он немного держал ее, улыбаясь, потом подбрасывал, как оладушек, вверх — и раскрывал пасть. Артист.

Сначала твердо решили дожидаться хозяина старшего. Но он все не шел. И мы тогда по чуть-чуть на свежем воздухе. Благость действовала в нужном направлении. В наши речи, составленные все больше из матюжков и придаточных слов, которые и нужны-то только для смазки неумелым мыслям, — так вот, в них стали, как десантура, просачиваться разные даже стихи песен.

Люблю я такие моменты жизни! И тут сначала тихо, потом погромче стали погромыхивать доски деревянного тротуара под явно мужскими тяжелыми шагами. Мальчик слегка рыкнул, как мотоцикл, которому дают газа, и принялся гавкать. Калитка отворилась с громким скрипом.

— Ну, наконец-то.

— Вы тут без меня и уже. А от тебя, Малтчычик, вобще не ожидал. Как тебе не ай-ай-яй. Не узнал хозяина. Не возьму вот тебя на охоту, раз ты такой глупый.

Мальчик поколотил своим кудлатым хвостом по своей будке и поднял нос на березу, где тихо сидела ворона, дескать, это я на нее лаю.

— Врешь ты. Ты это на меня гавкал, я по морде лица вижу. И я тебе Станиславский.

Мальчик поелозил по морде лапой, тихонько поскулил и залез в конуру.

И жизнь продолжалась, и все было путем. Хозяйка принесла кастрюлю, и мы похлебавши, и это правильно. Хозяину дома сего достался в борще большой мосол с хрящиком. Он его обглаживать не стал, хоть и хотелось, а отложил стыть.

— Собаке нельзя давать горячее, у нее нюх заварится на раз. Эй ты, друг человека, ходи сюда.

Но друг выползть из конуры не стал. Морда у него грустная и задумчивая. Собачья душа в смущении — как это он так не понял, кто идет. Главного своего в жизни человека не понял, не вычислил по шагам. Позор — думал Мальчик.

— Вишь, стыдно стало. Это он стареет. Вон и нос уже седой. А раньше с конца улицы слышал и никогда не ошибался.

И мы, хоть и поддатые были, а призадумались. Я про себя вспомнил такой афронт и стыд, что хоть к попу иди. Хозяин тоже чего-то взгрустнул, да и всех как тучка накрыла.

— Делать нечего, надо еще до сельпы на велике.

— А пешком не можешь? Ведь стырят в один миг.

— Да ладно, ты будешь мне рассказывать, Впрочем, прав. Я вот осенью выгребался на лодке из тины, да и зацепи веслом сеть. Вынаю — линей, лещей полная сетка. И думаю, вытрясу, а сетку оставить? Или не оставить? Разглядел получше, и по грузилам свою узнал, котору у меня три года назад стырили.

До сельпо недалеко и недолго, и посланец сгонял мигом. Сделалось тепло от всего — от старашеков, борща и солнца, которое грело, считай, по-летнему.

И Мальчик, наконец, тоже дал себя уговорить и хрупал хрящик.

8.

Так бы и шло все, да стал я задумываться, чекушками лечить грусть-тоску. Поэт я, думаю, или не поэт? И что это я к ритму с-работы-на-работу так привязался, и что меня ждет. Ничего меня не ждет, а я, может, поэт, любимый небесами.

На луну стал засматриваться, на тучи летучие пуще, чем всегда. А я измладу был «парнишшенко» с запрокинутой головой. Что рядом творится, не сильно замечал,

и «рассеянно шел против течения» как не про меня сказано, а про столпа русской словесности.

Какое-то время я пропускаю, заметив только, что оно было серым. Произошли, правда, два важных события. Первое — я купил в комиссионке пишущую машинку. Портативная, легкая, она здорово подняла мне жизненный тонус. Одна буква, правда, печаталась криво, ну так можно избегать слов «орошо» и «еново», и уж тем более «ерово», поскольку в стихах такие слова вряд ли и понадобятся.

Событие второе, которое надо было бы поставить на первое место. У меня случилась как бы мутация голоса, творческая линька, смена шкуры. То есть робость еще висит на мне, как лепехи старой штукатурки, но я все же внутренне слегка обнаглел, и это даже отражается в деле. Например, я отказался в обеих газетах и на вещании написать очередную здравицу Первомаю, а с телестудии нашей маленькой даже и не позвонили — видно, прошел слух, что я стал фрондер и чуть не антисоветчик.

Неприятно, правда, что прекратился обычный майский урожай гонораров, которые закрыли бы дыру, нанесенную внезапной, хоть и давно чаемой покупкой пишмашинки. А надо еще костюм купить, и прикопить — я уже знаю, для чего, но сам себе страшусь признаться, до того это волнуется, аж знобит на работе или в барачном убежище постылом — как это будет.

И стал я шляться по перрону, ждать поездов, на которые не собирался немедля садиться. Н-да, именно садиться — последними станциями веток были наспункты, к которым насмерть прикипело: «лаг». Ветки на древе познания добра и зла — сказал я себе, радостно ухмыльнулся и полез за блокнотиком, который мне надобился все чаще, и голова гудела от постоянного вдохновения, так похожего на похмелье.

«Ни к чему наряды, ни к чему фасон, ни в одну девчонку не влюбился о-о-он», — пели девки, идущие по бокам отпусного морячка, как конвой, и, поддатые, повизгивали. Фиксы у всех блестели, глаза горели, и было

им хорошо провожать моряка, по-блатному заломавшего свою бескозырку.

Идут три фраера, одетые лучше других — полупальто «москвичка» со многими карманами, шапки с висящими ушами, красные шарфы, ботиночки со скрипом. Это воры. Гуляют себе, ждут, когда народ засуетится и про карманы свои на минутку призабудет.

Тетки с сумками через плечо, перевязанными веревками. В «городе» они берут хлеб по многу буханок, кормить поросят. Толстые, в плисовых кацавейках, ржавых от времени. Купленных, небось, еще до войны. Или в рабочих стеганых бушлатах, которые не продают, а дают на работах.

Старухи-татарки в белых платках, распущенных по плечам, как крылья мотылька. Молодежь в болоньях. Такую я бы себе тоже взял, да никак не могу попасть на момент, чтобы в магазине «выбросили», а я бы мимо шел со свежей получкой. Мужики в «куфайках» и прочая публика.

А вот и свадьба. Невеста в белом, с накинутым поверх плащом папашиним. Сам папашка, изрядно уже пьяной, счастливо лыбится, две мамы, одна веселая, другая с сердитым лицом, идут по перрону, как по улице. Парень с лентой через плечо наяривает на аккордеоне.

Крупитчатый туман мешается с табачным дымом. Прихватывает морозец.

Крашенный под бронзу привокзальный Ленин на обветшалом пьедестале смотрит поверх голов в даль, темную от цехов и складов, эстакад, труб, столбов с тысячеваттными прожекторами, которые только отбрасывали тьму, но она огромными отвалами копилась округ еще больше.

Вот контактный провод заклекотал во тьме, задрожал рапирой и бросил острый длинный свет. И неспешно надвинулся своим троеглазием поезд. Он изогнулся, словно ластится к перрону. И все железное смолкло на десяток минут, а люди зашумели. Стали целоваться на прощание, говорить все, что не договорили, мешая всякий вздор и единственно нужное и важное.

И вот уже голос с небес возгласил отход поезда от первой платформы, хотя она

у нас всего одна. И — стронулся, двинулся, полетел. И за последним вагоном — снова тишина и пустота, заполненная дремотными стадами цистерн в мазутном поту и вагонов, на которых мелом написаны подсказки путейным близякам и далям.

За водокачкой змеятся пути сортировки и стоит раритет — паровоз, похожий на мамонта. Угольная патина прикипела к нему, одни поршни, как бивни, сверкают. Мощная грудь, небось, когда-то была украшена портретом вождя вождей и народов, труба пылала огнем и дымом. Теперь могучий старик отставлен от дел, трудов и побед.

Пролетает курьерский, идущий из такого далека, что и думать знобит.

Окна летят, как игральные карты из ловких пальцев, и стоп-кадром два девических профиля в одном из этих промелькнувших окон. Воображенье домысливает: девушки студентки. И им хорошо вместе, они рассказывают, смеясь, друг дружке про первый опыт легкого развратца. Между ними звенит и остывает чай в тонких стаканах.

А как я вдруг в вагоне оказался и куда еду — тут все просто. Получил бегунок, уволился, отдал ключ от комнатенки моей, взял драгоценную пишмашинку да утлый чемоданец, куда с запасом поместилось то почти ничего, что скопилось.

Рано утром, когда стали носить чай, я глянул в окно. Поезд стоял. Высокое место открывало вид на холмы, леса, которые покорно брели по холмам, пресекались далекой рекой и темнели дальше до горизонта. Над заснеженным простором реки и этих лесов ветер разодрал перспективу и сделал из туч раму почти прямоугольную, хотя природа не любит прямых линий. И в открывшейся бездне стояло громадное, розовеющее дальним восходом облако, и из него упал столб света, и снега счастливо засмеялись отзывной белизной. Облако сеяло снегом, который трепали высотные ветры. А ближе в земле ветер слабел, и снег лился струями. И это было как Бах.

Поезд занял буксами и тронулся, и вот уже видение закрылось. И стало видеть только мелкий придорожный лесок, а засне-

женные известковые — белые на белом — откосы, мачты столбов и верстовые столбики с цифрами, которым считать-не сосчитать бесконечное пространство.

- Это ж какая станция?
- А Безводная.

Что ж, выйдем. Уже картошку горячую вдоль вагонов носят. Напротив огромный железный сарай, и надпись метровыми, хоть с самолета читай, буквами: шпалопропитка. Люди в полосатых робах грузят шпалы, облитые как черным пузырчатым стеклом. Рядом стоят солдаты с автоматами. Зэки зырят на поезд. Наша проводница им очень даже, в такой-то короткой юбке, хорошо видна, да она и не прячется в тамбуре. Зэки заспорили:

- Сиповка.
- Много ты, пидор, в жэншынах понимаешь. Типовой королек она.

Проводнице такое внимание к себе лестно, и она звонко смеется, рая, небось, заключенные сердца.

Еще день и неполная ночь, и — всего-то езды! — Москва.

Монетой звякнула минута, как вышел из вагона с картонным своим чемоданчиком. Москва оказалась тихой, почти беззвучной. А чего я ждал в глухую-то полночь, в шестом часу утра? А штамп. Москва сама себя так везде аттестует — летуче-шумной, тысячегласной, не имущей угомону ни днем, ни ночью. Такая и бывает, но есть ведь и ночное затишье, даже на Трех вокзалах, которые, как три богатыря, стоят на путях-распутях.

Вверх, превыше всех спилей циклопическая ночь неслась на светоносных столбах, лучевых маревах и фантомах. Такая заря ночи, бледный фиолет и прожелть, шабаш прожекторов и ламп, уличных фонарей и неонов.

И показалось даже, что не небосвод это, а стеклянный купол, и отсветы играют на стеклах, и что произойдет какое-то чудо. Нет, уже происходит. Увидеть Москву воочию невозможно, потому так она далека, сколь высока, недоступна. И, однако, чудо случилось, диво произошло.

Драматургия

Гульнара Ахметзянова

Любовь как доза кокаина

Вы носите свои
похотливые омерзительные
мстительные МЫСЛИШКИ
у себя в голове а я их
осуществляю

В оригинале произведение Гульнары Ахметзяновой имеет подзаголовок «роман-пьеса». На самом деле, никакая это не пьеса и тем более — не роман. «Любовь как доза кокаина» — полноценный киносценарий, в котором лихо закручен сюжет, диалоги сменяются монологами, крупные планы — средними. Внутренняя речь героя — словно бы видео, снятое на камеру мобильного телефона и выложенное на «Ютьюб». «Любовь» — это исповедь «пацана с района». «Вещь» публикует первые шесть «кадров» пока что несуществующего фильма.

Вы думаете, я перед кем-то собираюсь оправдываться? Да плевать я хотел! Я вообще плюю на все и всех. Нет, я плюю вовсе не потому, что я какой-нибудь депутат, олигарх, или вообще, блин, президент страны. Нет, я обыкновенный пацан, о каких говорят — пацан сказал, пацан сделал. Я самый что ни на есть обыкновенный.

У меня редко когда шелестит недосчитанное бабло в карманах, зато я не боюсь, как тот мужик, вышедший из дорожущего автомобиля, разбить эту машинку вдребезги. Я не обнимаю кису в дорогой шубе, к которой он подскочил, выйдя из машины, и стал невыносимо жалок в своей надвигающейся старости и рыхлости, которую не может прикрыть даже дорогой костюм, у меня нет этой кисы, и я не боюсь ее потерять. Я насквозь вижу этого старого мудака, если рентген высвечивает кости и тухнувшие внутренности, я высвечиваю мерзкие мыслишки в его мозгах. Ладно, хрен с ним, с этим старым пнем.

Многие скажут, что я извращенец и последняя сволочь, и таких отморозков надо убивать без суда и следствия. Так вот, я ничем не хуже вас! Вы носите свои похотливые, омерзительные, мстительные мыслишки у себя в голове, а я их осуществляю. Вот единственное, чем мы отличаемся. Вы так же, как я, любите делать трах. И конечно, каждый из вас хоть раз в жизни представлял, что делает это в лифте с совершенно незнакомой девицей или пацаном. А может, когда с вами это делает муж или жена, вы представляете совсем другого или другую? Может статься, вы пошли дальше и представили с вами третьего или третью? Конечно, представляли, конечно, вы это не раз прокрутили в голове, но вы же не признаетесь, как не признается во всеулышание какой-нибудь известный человек в плохом настроении, что настроение испортилось по причине внезапно выскочившего геморроя.

Так как я должен относиться к вам?

А теперь перед нами уважаемый многими министр или профессор, ну, или еще кто-нибудь из этой оперы, ну, вы понимаете, не ассенизатор какой-нибудь, над которым все подтрунивают. Так вот, этот, из другой оперы, минут десять назад сидел, тужась в туалете, потом он, проходя мимо, похотливым взглядом раздел молодую девицу, и вот он уже выходит на публику такой напыщенный, и по его мнению умный, что никому не дает слово вставить, и вот представьте, что этот козел, наконец-то выговорившись, щегольнув своим умишком, возвращается к секретарше и делает с ней трах прямо на столе. И кто он после этого? А эта секретарша? Она с засохшей влагой на трусах вернется к мужу и будет его целовать как ни в чем не бывало. Кто она? Замыленная тема?

Хорошо, возьмем водителя автобуса, жене которого постоянно не хватает денег, и который как-нибудь выйдет во внеплановый рейс, уснет за рулем и протаранит автобусную остановку вместе с людьми. Кто после этого водитель и его жена? А сын у постели парализованного отца, в душе каждую минуту желающий его смерти и оправдывающий себя тем, что этим муки отца закончатся, при этом не способный даже на ласковое пожатие руки, чтобы хоть как-то ободрить больного? А зачем? Ведь когда сын был маленький, он совсем не интересовался им, он в свое удовольствие гулял направо и налево. Так кто они после этого? И как я могу после этого относиться к вам, а? Ведь несмотря ни на какой прогресс, в каждом из нас сидит животное, и в каждом хотя бы раз в жизни просыпается подонки!

Хотя нет, все-таки есть пара дорогих мне людей, на которых я не плюю, да они скорей не поверят, если узнают обо мне больше, чем надо. Нет, не поверят, я для них совсем другой, самый-самый лучший, и дальше все слова, которые обозначают это качество, все вы их знаете, перечислять не буду. А лучше им вообще не стоит о чем-либо знать. Как говорится? Меньше знаешь — крепче спишь, а значит, дольше живешь. То-то! Хорошо, блин, сказал!

Так вот, хотите долго жить, быстро спрятались в свои квартирки-норки, включили по телеку детский канал, чтобы не дай бог, не услышать о появлении нового маньяка, о взрыве газа в многоэтажном доме по вине какого-нибудь алкаша, вследствие чего погиб-

ло множество народа, о новом террористическом акте, о новом кризисе, о новом цунами, наводнении, землетрясении, да мало ли еще о чем можно услышать по этому поганому ящику. В общем, на работу, с работы и быстренько в норку. И ни-ни на улице в темное время суток!

Начальство недоволено вашим опозданием или ранним уходом? А ну и хрен с ним! Работа не волк! Жизнь дороже! Ладно, не собираюсь я вам устраивать лекцию по выживанию. Мне же плевать, правильно? Так что выбирайте сами себе дорогу, по которой пройдет, пока она с косой не припрется за вами. Ну, вы, конечно, поняли, о ком я? Ну да, я имел в виду ту самую, которой я сам боюсь больше всего на свете.

Картина № 1

Темная ночь. Вдоль дороги горят фонари, но их свет из-за высоких деревьев не доходит до тротуара, в этой кромешной тьме идут пьяные Юра и Иван и курят на ходу. Из автобуса выходит девушка. Иван и Юра, не сговариваясь, прибавляют шаг. Девушка переходит дорогу и скрывается за углом дома. Парни торопливо бегут за ней. Настигнув, Юра зажимает девушке рот, валит на землю. Иван пытается отнять маленькую сумочку. Девушка вертится под Юрой, и мешает раздвинуть ей ноги, она выворачивается и кусает его за руку. Юра вскакивает на ноги и начинает пинать ее в лицо. Иван прыгает девушке на руку так, что хрустят пальцы. Девушка кричит. Из подъезда выходит мужчина, девушка замечает его, голосит громче, но в ответ слышится только звук мотора отъезжающей машины. Иван хватается сумочку, бежит вперед. Юра догоняет Ивана, выхватывает сумку, сворачивает потуже, засовывает себе подмышку и торопливо идет вперед.

Картина № 2

В доме полумрак, лишь от уличных фонарей в комнаты проникает свет. Юра выходит из комнаты, идет по коридору и останавливается возле двери, стоит в нерешительности несколько секунд. Из-за двери напротив доносится громкий, противный храп. Юра толкает дверь, она со скрипом приоткрывается. Юра, стараясь ступать как можно тише, проходит в комнату и прикрывает за собой дверь. В комнате спит девушка. Юра подходит к кровати, резко одергивает одеяло, ловко залезает на девушку, придавив своей тяжестью. Девушка вздрагивает и открывает глаза, Юра стремительно и крепко зажимает ей рот ладонью. Она сопротивляется, ему удается раздвинуть ей ноги и стянуть набок трусики, в этот момент девушка умудряется ударить его коленом между ног. Юра скрючивается, схватившись за промежность. Девушка кричит: «Мама!», — соскакивает с кровати и бежит к двери. Юра, преодолевая боль, догоняет и хватается за волосы. Девушка визжит во весь голос. В комнату вбегают мать, на ощупь включает в комнате свет. Она оглядывает комнату, стоя в проеме двери, машинально запахивая на себе коротенький халатик на голое тело. Юра нагло смотрит на нее, застегивает ширинку, намеревается выйти из комнаты. Едва он подходит к двери, мать бьет его кулаком в лицо и громко кричит: «Саша!».

Ю Р А . Давно у меня так не искрило в глазах! Это была самая настоящая желтая искра между глаз, и на секунду все передо мной расплылось! Хотя что толку объяснять, лучше попросите, чтобы вас так ударили — и тогда все поймете. Ох, и злости во мне было! Я замахнулся кулаком и как кувалду обрушил его этой дурной мамаше на голову. Ну, как и следовало ожидать, она, быстро обмякнув всем телом, повалилась на пол.

Юра быстро бежит к выходу. Отец девушки выскакивает из дома, догоняет Юру у самой калитки, хватая его за шиворот. Следом выбегает мать, она подскакивает и резко выдергивает клоч волос из головы Юры. Отец тащит его обратно в дом, он швыряет Юру о косяки и стены. Мать идет за ними, продолжает визжать проклятия. Проснувшаяся собака во дворе лает не умолкая. Юра уже не пытается сопротивляться. Отец затаскивает его в центр большой комнаты, со всей силы толкает, так, что Юра падает на пол, покрытый скользким линолеумом. Юра, ожидая побоев, зажимает голову руками. Отец остервенело пинает его то под зад, то под дых. Вслед за матерью в комнату вбегает Иван, разбуженный шумом, он смотрит во все глаза, но по взгляду понятно, что он ничего не ображает.

ЮРА. Собака, еще больше нервируя меня, продолжала надрываться на цепи. Все-таки мамаша оказалась не совсем дуррой, и до нее дошло, что еще чуть-чуть — и от меня кроме месива ничего не останется. Спасительница начала оттаскивать папашу, но он только отталкивал ее, мать, не зная, как остановить отца, громко заревела, заревела — это не то слово, она взвыла как сотня милицейских сирен. Испуганный козел остановился и обернулся к ней. Только после этого она перестала визжать и хриплым голосом прошептала: «Тебя же посадят». Отец стоял, опустив руки, не зная, что дальше делать. Я лежал, боясь пошевелиться. Бежать? Какой там! Знал я, что хрен отсюда сбежишь. Я лежал, скрючившись, и вжимался в пол, хотел слиться с этим чертовым линолеумом, впитаться в него, а лучше просочиться, потом каким-либо образом вытечь из-под половиц в погреб и во двор, дальше собрать себя в то, кем был и делать ноги. Да, какие только мысли не придут в голову со страха, похлеще, чем от какой-то там, блин, дури.

Отец рывком поднимает его на ноги. Юра стоит, сильно ссутулившись, опустив голову.

ОТЕЦ. Смотри на меня!

Юра неуверенно и испуганно поднимает лицо на папашу, его бросает в жар.

ЮРА. Все мое тело вспотело, будто на нем лопнуло несчетное количество гнойничков. Вы можете себе это представить? И будто вся эта пакость струйками потекла по телу, да, именно такое чувство возникло у меня. И, конечно, я не мог смотреть в глаза этому бегемоту и зырил в пол, пока он сверлил меня глазами. Я был маленькой букашкой в руках судьбы, судьбы в виде этого огромного дядьки, который мог поставить большую жирную точку в конце романа под названием «Моя жизнь».

ОТЕЦ. Смотри в глаза, сука! (не в силах заставить поднять глаза в свою сторону, в бешенстве трясет Юру за плечи.)

ЮРА. А эта Настя стоит возле двери, и ей нисколько не жалко меня. Сука, чтоб тебя так дети твои любили!

Отец, скрутив руку Юре, тащит его к дивану, садится, Юра оказывается на коленях перед ним.

ЮРА. Да, я сидел перед этим говнюком как какая-нибудь шавка и вдыхал запах его пота. Воюющий скот!

ОТЕЦ (с ненавистью глядя на Юру). Ничего, на зоне тебя будут иметь все, кому только не лень. (устало, матери.) Вызывай.

МАТЬ. Кого?

ОТЕЦ. Ты че, дура? 02

НАСТЯ (глухо). Он не успел.

ОТЕЦ. Что? (сыну.) А ты, ишак, чем думал, когда крысу в дом впускал?! (матери.) Вызывай!

Мать набирает номер, дочь подскакивает к матери, вырывает из ее руки трубку и с грохотом кладет на аппарат.

НАСТЯ (спокойно). Не надо... Пожалуйста! (сильно обхватив руками руки матери, умоляет.) Не надо! Я не хочу! Не хочу! Мама! Пожалуйста!

ОТЕЦ. Звони!

НАСТЯ (сжав руки, не зная, что еще предпринять, готовая вот-вот разреветься, настойчиво шепчет). Я повешусь. (громко.) Я повешусь!

Настя выбегает из комнаты. После минутного замешательства за дочерью бежит мать, следом отец и Иван.

МАТЬ (вслед). Настя!

Юра, миг очутившись в комнате Ивана, слышит приближающиеся шаги, вскакивает на подоконник, дергает за шпингалет, распахивает окно, прыгает.

ЮРА. Я бегу босиком по безлюдной улице и сперва ни камней, ни стекол под ногами не чувствую, ни о чем не думаю, лишь бы подальше сбежать. Но как только останавливаюсь, в голове проясняется и понимаю, что кроме сумки с деньгами и всяким барахлом, в доме остались и мои ботинки, кожаные, купленные только перед отъездом.

Запустив руку в карман, Юра бренчит мелочью.

ЮРА. Денег нет даже на дешевые тапки! Ну, Настя, погоди! Повесится она! Как же! Интересно, эта дура своим куриным мозгом представляет, как выглядят повесившиеся? Конечно, нет! Если бы хоть на секунду задумалась, как будет висеть с вывалившимся языком, то язык у нее точно больше никогда не повернулся бы такое сморозить! Дура! Ей точно не помешало бы повеситься!

Юра спускается на тротуар и продолжает машинально идти вперед.

ЮРА. Никак не могу придумать, что делать дальше, мозг совершенно отказывается соображать. Ноги мерзнут, озноб по всему телу, да еще эти мелкие камни, впивающиеся в ступни, не дают ни о чем думать, только о ботинках. У меня появляется мысль немного переждать, пока все утихнет, и потом попробовать вернуться обратно в дом. Или уж не стоит подливать масла в огонь? Что делать? Да, ведь документы тоже остались в сумке. Хочешь не хочешь, а надо будет вернуться. Чуть позже. А сейчас пусть все пока уляжется... Дернул же меня черт! И на хрена мне сдалась, малолетка прыщавая! С похмелья невозможно хочу пить, а от бессонной ночи — спать. Из домов выходят ранние пташки и озираются на меня, как на прокаженного. Тупицы, может, я закаляюсь!

Увидев колонку, Юра ускоряет шаг. Безоблачное небо и утренняя свежесть предвещают жаркую погоду. Юра качает рукоятку колонки и вода большой, прозрачной струей льется на бетон. Нагнувшись, он жадно пьет, не заботясь, что ледяная вода льется за шиворот. Затем встает в полный рост, мотает головой, стряхивая капли и приводя в беспорядок волосы, идет вперед.

Ю Р А. От холодной воды неприятно першит в горле, сон на время отступает. Пока я иду хрен знает куда и мерзну, в голове рождается мысль о бомжах. О как! Что если бы они так же необдуманно поступали, как я, они бы не протянули и недели. Что человек вот так ни с того ни с сего, внезапно, может оказаться на улице и никому до него не будет дела. Что главные потребности человека — это вода, тепло и сон. Или тепло, вода и сон, или сон, вода и тепло? Блин, я запутался. А впрочем, какая разница, в какой последовательности. Капец, нервы сдают, разве мне до этого когда-нибудь приходили в голову такие дурацкие мысли? Да-а-а, если так дальше пойдет, то я трындец каким философом стану! Не приведи бог! Кто там из философов был? Хреново, когда не знал, да еще и не помнишь! Ну, в общем, кто бы ни был, все они, если дальше так пойдет, будут стоять в сторонке и от зависти слюной истекать. Фрейд! Или он психиатром был? Да, если бы он мне на пути попался, то ему самому пригодился бы психиатр так, что мама не горюй.

Юра смеется и, чтобы как-то согреться, бежит во весь дух. Останавливается он в парке в тени высокой липы, ложится с ногами на скамейку. Просыпается Юра далеко за полдень, в парке слышатся голоса, но рядом никого нет. Он лежа потягивается, садится.

Ю Р А. После кулаков и пинков этого кабана у меня все болит, в животе урчит от голода. А еще надо вернуться в это логово ненависти. Утешает только то, что злость их притихла. Возможно, они даже думают, что больше меня никогда не увидят, но ни фига, я еще вернусь. Я им в глаза скажу, что их семейство — полное дерьмо. Как только все заберу, я их таким матом покрою, что они все слова забудут, ну а потом дам деру, поминай как звали.

Юра решительно встает и целенаправленно идет по тротуару. Доходит до дома, входит во двор.

Ю Р А. Вот сука, эффект неожиданности не удастся!

На крыльце стоит Иван, который, завидя его, скрывается в доме, моментально появляется, держа в руках сумку и ботинки Юры, швыряет ими в него, харкает, входит в дом, громко хлопнув дверью.

Ю Р А. Меня так потрянуло от злости, не высказать словами. Вот как если бы вам не дали выговориться последний раз в жизни. Как бы я хотел прибить это чучело на месте! Все их чертово семейство! Вот бы ночью поджарить их всех в их же гадюшнике!

Юра подбирает сумку, ботинки, выходит за ворота, спускается к ручью, топчется в воде, обтирает ноги о траву, садится, брезгливо обняв, натягивает носки, обувается. Он поднимается на тротуар и бодрым шагом направляется в сторону вокзала, мысленно убивая друга. Вернее, Юра явно представляет, как одиноко стоит над его могилой, на гранитном памятнике которого выгравировано 05.01.1988-25.08.2010 Бердников Иван. На кладбище тихо и спокойно, не слышно даже щебетанья птиц, только желто-красно-оранжевые листья

шуршат под ногами, уже почти осень, дунул ветерок и на голову Юры приземлился бурый осиновый листок. Небо хмурится, Юра поворачивается, шагает к выходу и видит на мраморе над свежей могилкой фотографию его сестры. Рядом еще две могилы — отца с матерью.

Ю Р А. Здорово, все семейство в сборе, некому оплакивать, полное единение и согласие. Да, если когда-то умирать, то лучшего и не придумаешь, все вместе, как при жизни. Что еще надо? Я когда-нибудь тоже захочу так же.

Юра останавливается перед магазином возле вокзала, но, заметив в метрах ста вывеску кафе — бар «Попутчица», идет туда. Единственный посетитель бара, ссутулившись, жадно поглощает курицу. За барной стойкой, упираясь на локти, сидит молодая женщина и смотрит телевизор, подвешенный под потолком. Юра подходит к стойке, теперь женщина уже не кажется такой молодой, она конопатая и с крашеными черными волосами. Женщина приветливо улыбается, растягивая и без того узкие губы, Юра устремляет взгляд на находящиеся на уровне стойки крепкие бедра.

Ю Р А. Прикиньте, перед вами сидит барменша на высоком стуле, ее голые бедра, обтянутые очень короткой юбкой раздвигаются и там... там вместо трусов черные волосы, такие же, как на голове! Я так и вижу, как эта бабенка стоит и накрашивает себе черной краской. Вот смеху-то!

Юра не сводит глаз, но бедра неторопливо сдвигаются.

Б А Р М Е Н Ш А. Слушаю.

Юра продолжает растерянно глазеть на ее лицо.

Б А Р М Е Н Ш А (смеется). Ну, что?

Ю Р А. Пельмени, бутылку коньяка. (пригнувшись, шепотом.) Не желаете со мной за компанию? (женщина лукаво кивает и подмигивает.) Ну, тогда две порции пельменей, пару салатов и фрукты на десерт.

Женщина подсчитывает.

Ю Р А. Я открыл сумку, достал бумажник, раскрыл его. А там пусто! У меня во рту пересохло, рубашка прилипла к телу.

Ю Р А (растерянно, разводя руками). Украли.

Б А Р М Е Н Ш А (громко рассмеялась, презрительно). Не морочь мне голову.

Юра торопливо выходит на улицу.

Ю Р А. Меня всего колотит!

Юра подходит к скамейке, садится, поставив сумку на колени, роется.

Ю Р А. Денег нет!

Юра достает паспорт, из обложки которого вылетают разорванные листки, Юра бросает сумку на землю, подбирает листки, вкладывает обратно в обложку.

Ю Р А. Я больно закусываю губу, чтобы ненароком не зареветь.

МУЖЧИНА (сзади). Парниша!

Юра оборачивается. За ним стоит тот самый единственный посетитель бара, потрепанный мужчина лет пятидесяти с хвостиком, щуплый, но жилистый, наглый и не желающий замечать негодование Юры.

МУЖЧИНА (ковыряясь в зубах зубочисткой). Слушай, дай сигарету.

Ю Р А (еще более возмущенный его наглостью, с вызовом). Чего?!

МУЖЧИНА. Сигарету.

Ю Р А. Отсоси!

МУЖЧИНА (бьет Юру кулаком в живот). Что ты сказал?

Юра уворачивается, поднимает с земли длинную доску, когда-то оторванную со спинки скамейки, размахивает ею, обрушивает удары то на голову, то на другие части тела мужчины. Мужчина падает, Юра продолжает бить, издали слышит крик выскочившей из бара оскорбленной барменши.

БАРМЕНША. Быстрее! (пауза.) Быстрее!

Юра машинально оборачивается, видит бегущих к ним двух милиционеров. Юра кидает доску, хватая сумку и бросается в кусты, бежит.

БАРМЕНША. Он там!

Отбежав к другой стороне вокзала, но, еще не выходя из-за высоких кустов акаций, которые полностью укрывают его, Юра, притаившись, напрягает слух — погони нет.

Ю Р А. Мне кажется, со всеми так бывает, когда ни с того ни с сего начинаешь понимать, что надо делать в следующую минуту. Я понял: надо уехать сейчас же, немедленно! Понял, что перво-наперво надо выйти из укрытия как ни в чем не бывало, как самый обыкновенный прохожий. Но как, когда страх никак не отпускает? Первое правило — не жалеть себя! Я так ударил рукой по бетонному столбу, что боль сотрясла меня всего. Так, что ни капли страха не осталось. Зато столько злости было, что я мог убить любого. Но через секунду и злости как не бывало, жуткая боль не оставляет места для размышлений. Так, до кучи, можете попробовать. Проверено.

Юра выходит из-за кустов, издали видит тех двух милиционеров, мужчины с ними нет. Юра, не подавая виду, уверенно проходит через площадь к вокзалу, а там уже сами ноги несут его через туннель к перрону. На первом пути стоит поезд. На перроне — толпа из уезжающих, провожающих, носильщиков, вышедших из вагонов покурить, освежиться и устремившихся за провизией в стоящие рядом киоски. Юра следует за вечно голодными в киоск, где пережидает время стоянки поезда. Объявляют отправление, люди устремляются к вагонам. Юра выскакивает в момент, когда поезд трогается, подбегает к двери десятого вагона, проводница которого уже поднялась, запрыгивает в вагон.

Ю Р А. Мне во второй надо.

ПРОВОДНИЦА (недовольно). Ну, надо, иди.

Юра проходит несколько купейных вагонов и один плацкартный, всматривается в лица пассажиров и медленно продвигается по вагону.

Ю Р А. Я вглядываюсь в лица, и ни к кому нет возможности подсесть. Едут семьями, с друзьями, попадают и одинокие, но слишком угрюмые, у которых в лучшем случае я могу вызвать недоумение, а в худшем — негодование, а тогда прискачет проводница, выяснять, кто я, откуда, и есть ли у меня билет. Дальше: стоит ли меня высадить на следующей станции или лучше вызвать через начальника поезда наряд, от которого я уж точно не сбегу.

Юра продолжает медленно продвигаться по вагону, как вдруг его взгляд встречается с взглядом женщины, сидящей впереди, на боковушке. Она одна, перед ней на столе лежит книга. Юра ставит сумку на верхнюю полку и садится на свободное место напротив женщины. Женщина, удивляясь, округляет глаза. Юра улыбается и спешит успокоить.

Ю Р А. Извините... Я потерял билет. Можно, я хоть пару часиков с вами посижу?

ЖЕНЩИНА (забеспокоившись, заерзала на месте). В смысле?

Ю Р А. Ну, выронил, видимо как-то, где-то, не знаю... Если что, подтвердите, что я ваш знакомый, со второго вагона?

ЖЕНЩИНА (пожимает плечами). Ничего не понимаю?

Ю Р А. Мне надо домой, понимаете? Когда будете ложиться, я уйду.

ЖЕНЩИНА (недовольно). Ну, хорошо.

Ю Р А. Спасибо.

Ю Р А. Эта дура опустила глаза в книгу и видно было, что одно и то же перечитывает по нескольку раз. Смотрю в книгу, вижу фигу! Ну, если раздражаться из-за такого пустяка, то точно долго не проживешь. И надо же быть такой трудной! С полуслова можно понять, а она — ничего не понимаю! Ох, и бесят меня такие пришибленные! Ладно, спокуха, не надо нервничать.

Поезд набирает скорость, дома, люди, копошащиеся на дачных участках, остаются позади, за окном мелькает лес, время от времени прерываемый пролетами, где тянутся к горизонту высоковольтные столбы.

ЛАРИСА. Мне не читается, хоть парень и сидит, глядя в окно, не вызывая особых подозрений, почему-то на душе неспокойно. Я откладываю книгу и искоса смотрю на него, что-то в нем есть притягательное. А он отводит взгляд от окна и устало смотрит на меня большими стального цвета глазами, как бы говоря: «Оставь меня в покое».

Ю Р А. Ну, наконец-то она перестает на меня пялиться. Нудная боль не дает покоя, хочется перетянуть чем-нибудь вроде жгута, чтобы рука онемела, но такой возможности нет, и я думаю, решая перебить боль мыслями. Я представляю, как в очередной раз, размахнувшись доской, попадаю мужику по центру головы и слышу звук треснувшего черепа. И в эту минуту я ощущаю, будто бы это треснул мой собственный череп. Как же мне становится не по себе!

Бессмысленный взгляд Юры останавливается на женщине, она вздрагивает и вопрошающим взглядом смотрит на Юру, но он быстро откидывает голову назад, упирается на стенку и закрывает глаза.

Ю Р А. Вот так страх можно перебить болью, а боль — страхом. Так все просто. Если бы все в жизни так было просто. И вот что интересно, некоторым хватает небольшого удара и они откидывают копыта, а некоторых бей-не бей, даже по самым жизненно важным органам, никак не добить. В чем же фокус? В живучести? В везучести? В чем? Как же все странно, человек и уязвим и неуязвим одновременно. Может, если бы у меня были сигареты и не так погано на душе, мы бы с этим мужиком постояли бы и вместе покурили, поговорили о чем-нибудь. Как все непредсказуемо.

Юра открывает глаза, замечает мелькающий за окном пейзаж с уходящим к горизонту в цвет-ту полем. Юра сосредотачивает взгляд на облаках, уже розоватых от заката.

Ю Р А. Как давно я не смотрел на небо. Красота-то какая! А люди все маются, куда-то торопятся, гадят вокруг, погрязли в своих заботах, болезнях, нечистотах, деньгах, ненависти, любви, во всем неважном, которое уходит с уходом человека и приходит с новым человечком. Как же все мерзко и мелко! Надо заняться йогой, не зря же ее придумали буддисты. Боль отступила, и вдруг захотелось радоваться, жить, обнимать всех. Офигеть! Вот, видимо, почему буддизм — самая миролюбивая религия. Одедся бы в барахло, в котором таскаются кришнаиты хреновы и распевал бы вместе с ними дурацкие песни. Интересно, если у них вши заведутся, как они их выводят, убивать-то ведь вроде как нельзя? А сами буддисты, интересно, такие же миролюбивые и терпимые ко всему? Черта с два! А какая в принципе разница? Что-то у меня, видно, вообще крышак поехал, мысли-то какие. Нервы? Ну, так надо лечить.

Поезд мчится мимо небольшой станции с высокой кирпичной водонапорной башней возле перрона и с ветхими домами чуть выше на пригорке. Станция так же быстро промелькнула, как и появилась, и вновь потянулся бесконечный лес. Женщина нет-нет да украдкой поглядывает на Юру, подмечает, что ему около двадцати, высокий, подтянутый, спортивного телосложения, черноволосый.

Л А Р И С А. Красавец, да и только. Сколько же девчонок сохнет по нему? А мне уже через год сорок. Неужели все? Пролетела молодость, и теперь остается только любоваться на чужую красоту, и такому вот не может уже быть места в моей жизни. Неужели все в прошлом? Полгода назад я выдернула несколько седых волос, и после этого постоянно слежу, выдергиваю, пока они не успевают стать видимыми для окружающих. А вдруг не все углядела и теперь сижу с сединой в голове?

Она внезапно краснеет и, пытаясь успокоиться, открывает книгу и смотрит на буквы.

Л А Р И С А. Глупость какая, стесняться своего возраста перед каким-то мальчишкой, да это просто смешно. Но вот он снова посмотрел, и ничего не поделаешь, женское начало берет верх. Мне снова неловко, хоть и знаю, что выгляжу намного моложе, но при таком ярком свете все морщинки и старящие темные круги под глазами видны, как на ладони. Черт!

Юра разглядывает ее и улыбается, ничего не говоря, он смотрит уверенно и самодовольно, как бы давая понять, что настало его время ознакомиться с ней.

Ю Р А. Она ничего. Где-то тридцать с хвостиком. Вполне еще ничего, вполне еще даже симпатичная, еще, поди-ка, привлекает мужиков своим округлым телом, не полным, а

именно женственно округлым. Грудь не большая, не маленькая, самое то, интересно, насколько они упруги? Вот с кем надо развлекаться! Такие тетки уже не привередливы, скоро старость и им тоже хочется урвать, пока есть время и спрос, особенно у таких парней, как я. Ничего, скоро и мое время придет, надо только набрать скорость и взять подъем. И на моей улице будет праздник. Уж я-то не буду, как батя, на заводе пахать. Ведь таких теток пруд пруди, да не таких, а еще покруче, которые даже не представляют себе, что такое плацкартный вагон, которые не привыкли нюхать чужой пот и запах заваренного кипятком «Доширака». А для опыта начинать надо вот с такой. А что нам молодым да красивым шмат сала сожрать! Ох, как она на меня снова зыркнула! С потрохами готова проглотить. Крокодил, да и только! Да, на мой век еще хватит необласканных теток, которым только протяни руку, а дальше и без лишних усилий можно прожить.

Несмотря на полуоткрытые окна, в вагоне душно. За окнами стремительно темнеет, не столько оттого, что надвигается вечер, сколько от чернеющего неба. Видимо, без дождя не обойдется. Тяжелые темные тучи висят до самого горизонта. Женщина рывком поднимает голову, сдувает со лба вьющуюся челку и вглядывается в надвигающееся ненастье за окном. При повороте головы бархатная резинка, стягивающая волосы на затылке в клубочек, громко лопается, и светло-русые волосы завитками рассыпаются по плечам. Женщина поспешно поднимает резинку с пола, бросает ее на сидение за собой, краснеет под внимательным взглядом Юры.

Ю Р А (умело восхищается). Какие красивые волосы.

Ю Р А. Я-то не лох, заметил, как ей понравился комплимент. Ничего не ответила, уставилась в окно, но волосы убирать не стала. А только легким движением руки кокетливо откинула их назад. Ловкость рук и никакого мошенничества. Интересно, применима эта поговорка в данной ситуации или нет? Думаю, да, видел я, как она до этого поправляла резинку и, видимо, ослабила, чтобы они будто бы сами собой рассыпались. Эх, ты, шельма, знаешь, что тебе лучше с распущенными. Эх, тетя-тетя, тетя-мотя, хоть и краснеешь, как девчонка, а ведь с хитрецей, да только я хитрее буду. У меня аж руки зачесались дернуть ее со всей силы за волосы. Для профилактики, чтобы не воображала.

Ветер гнет верхушки деревьев. Сверкает молния, люди в вагоне спешат закрыть окна. Следом за молнией слышится оглушающий гром, звук которого заглушает даже стук колес. Обрушивается ливень. Вода льется по окнам, размывает видимость. Из конца вагона доносится плач ребенка. Мимо идет проводница, и вдруг оборачивается на Юру и смотрит на него в упор. Юра не отводит глаз.

П Р О В О Д Н И Ц А (подозрительно, Юре). Вы на той станции сели?

Ю Р А. Я из второго вагона, вот к сестре...

Ж Е Н Ш И Н А (все это время с напряжением смотрит то на проводницу, то на Юру, уверенно). Да.

П Р О В О Д Н И Ц А (ворчливо). Что будет, если каждый будет таскаться из вагона в вагон?.. Никакого порядка.

Не дожидаясь ответа, проводница проходит через весь вагон к своему купе. За окнами остается маленькая станционная каменная будка, перед дверью которой, не доходя до перрона, под проливным дождем стоит, держа в руке флажок, дежурная по станции. В округе не видно ни одного дома. На соседнем пути тянется товарняк с бесконечной вереницей вагонов.

Ю Р А. Я теперь у вас в долгу.

Женщина ничего не отвечает. В вагоне зажигают свет. Юра откидывается назад, закрывает глаза, дремлет под мерный стук колес. Женщина закрывает книгу, кладет ее в сумку и оглядывает людей, поначалу казавшуюся безликой массой, которая только и могла суетиться, орать, жрать, спать и вонять потными носками и едой. Ее взгляд вновь останавливается на Юре. Он спит, наклонив голову вперед, приоткрыв рот и выпятив нижнюю губу.

ЛАРИСА. Ужас какой! Губа пухлая и большая, точь-в-точь, как стелька. Не такой он уж и красавец.

Юра вздрагивает, просыпается, резко открывает глаза, их глаза снова встречаются, по ошалелому взгляду женщина понимает, что он чем-то встревожен, но он быстро соображает, что это был всего лишь сон, улыбается ей и вновь закрывает глаза.

ЛАРИСА. Теперь он снова красивый, и у меня появляется мысль, что от него могут получиться очень красивые дети. Есть Толик, но кто из себя Толик, когда напротив сидит такой. Иметь такого любовника, вот это не хило. С таким даже только под ручку по улице пройтись — и то радость. Какая бы меня гордость переполняла, бог ты мой! Да уж, очень красивая пара, я гоюсь ему в матери... Вот если бы это было хоть лет десять назад... Толик — ни мужик ни баба, ни рыба ни мясо, ни тпру ни му, какое-то непонятное инфантильное существо, как надоело с ним нянчиться, а он ведь старше... А если найти такого же красивого и молодого, разве будет лучше? Наверяд ли, но зато как приятно. Эх, молодость! Ведь, наверно, не зря старые китайские императоры выбирали себе молодых жен, наложниц, да и арабы тоже, ой да мало ли кто... А женщины? Женщины тоже нередко этим грешили. Хотя в чем же грех? Разве грех любить? Интересно, если бы рядом был мужчина, за которым как за каменной стеной, обратила бы я внимание на этого мальчишку или нет? Красота всегда притягивает, но зато у меня не возникло бы желаний, чтобы он стал любовником. Черт-те какие мысли в голову лезут! Он же совсем парнишка! Да, ну и что?... Нет, он уже мужчина, совсем мужчина. И так охота с таким вот, хоть ненадолго, хоть чуть-чуть, а потом не важно, будь что будет!.. Ладно, хватит! Что за мысли? Через час поезд прибудет на станцию, Толик встретит на машине, и мы поедем, мы помчимся ко мне или к нему. А этот парень уедет, и возможно, в эту ночь я вспомню о нем минут на десять-пятнадцать, когда буду в постели с Толиком, а потом забуду навсегда. Вот и все, мечтам конец.

Картина № 3

В комнате полумрак, только ночник горит, на кровати под одеялом спят Таня и Толик. Звонит будильник. Таня быстро нажимает кнопку будильника и снова прячется под одеяло. Толик просыпается, не подавая вида, лежит, не двигается, потом потягивается, соскакивает с кровати.

ТОЛИК. Блин, Таня!

ТАНЯ (недовольно). Он только что прозвенел, тише, Маша спит.

ТОЛИК. Ну и хрен с ней. (обнимает Таню.)

ТАНЯ. Перестань!

ТОЛИК. (громко смеется, чмокает Таню в щеку, услышав сзади скрип двери, резко поворачивается и замечает Машу). Оп-па! Малявка проснулась!

Маша — девочка лет семи, стоит в проеме двери и переводит любопытный взгляд от лежащей в постели матери на шустро одевавшегося Толика.

ТАНЯ (строго). Спать!

Маша отпрянула назад, прикрыв дверь, осторожно опираясь об угол, подглядывает в небольшую щелочку.

ТАНЯ. Давай быстренько.

ТОЛИК (причесывается). Потом.

ТАНЯ (весело). А ты все равно опоздал.

ТОЛИК. Смотрит на часы. Ну, и зачем ты так?

ТАНЯ. Мне все надоело.

ТОЛИК (недовольно). Я не могу теперь все так бросить. Я что, зря столько лет?

ТАНЯ. Да ну тебя.

ТОЛИК. Тань, ты же видишь, у нас с Машкой не складывается.

ТАНЯ. А ты и не старался.

ТОЛИК. По-моему, ее только ремнем научишь.

Разъяренная Маша забегает в комнату, останавливается, сжимает кулачки.

МАША. Я все-все расскажу тете Ларисе! Я завтра же все расскажу!

ТАНЯ. Расскажи!

ТОЛИК. Только попробуй, мы тебе языкотрежем.

ТАНЯ. Как ты с ребенком разговариваешь!

МАША (визжит). Мы тебе самому отрежем!

ТАНЯ. (кричит). Спать! Быстро!

МАША. Совсем убьем!

ТАНЯ. Убирайся! (запускает в нее подушкой.)

Маша неторопливо вышла из комнаты и громко хлопнула дверью. Таня встала, одевается.

ТОЛИК. Ну и семейка! Ты вот сама соображаешь, можно в такой обстановке жить или нет?!

ТАНЯ. Это все потому, что ты сам к ней так относишься. Ни одной игрушки ты ей не подарил.

ТОЛИК. А слона кто подарил?

ТАНЯ. Это того, страшного?

ТОЛИК. Какая разница?

ТАНЯ. Это было три года назад, она, наверное, и не помнит.

ТОЛИК. Помнит она все. (пауза.) Она ему хобот оторвала, после такого не собираюсь я ей ничего дарить.

ТАНЯ (притворно сокрушаясь). Хобот оторвала! Хобот! (смеется.) Ужас-то какой!

ТОЛИК (выходя из комнаты). Ты закроешься, нет?

ТАНЯ (догоняет его и сзади обнимает). Сейчас-сейчас, хобот!

ТОЛИК. Веселись-веселись, увидишь, что из нее выйдет, не обрадуешься.

ТАНЯ. Толь, ну, она же еще совсем ребенок.

В это время из своей комнаты выбегает Маша, сзади плескает на Толика чернилами и убегает обратно. Черное пятно мгновенно расплывается на свитере Толика.

ТАНЯ. Что ты творишь?!

ТОЛИК (*быстро стягивает свитер набок, ошарашено*). Сволочь! (*идет в комнату.*) Я ей покажу!

ТАНЯ (*забегает перед ним*). Не трогай!

ТОЛИК (*отталкивает Таню*). Я ей голову оторву!

ТАНЯ (*встает в проеме двери*). Не смей!

Толик молча отталкивает Таню и врывается в комнату, заглядывает под кровать, там, в углу, свернувшись калачиком, лежит Маша.

ТОЛИК. Вылезай!

Маша только сильнее съеживается.

Толик ложится на пол, чтобы вытащить ее. Таня схватила телефон.

ТАНЯ. Вставай, а то я сейчас милицию вызову!

ТОЛИК (*поворачивается в ее сторону*). Что?

ТАНЯ. Я не шучу.

После секунды раздумий Толик встает и направляется к выходу из квартиры.

ТОЛИК (*обувается*). Пошли вы знаете куда?

ТАНЯ (*грозно*). Знаем! Можешь не утруждаться!

Толик захлопывает дверь перед носом Тани и сбегает по лестнице.

Из комнаты выходит Маша и осторожными шагами приближается к матери. Таня резко хватается за волосы и тащит в комнату. Маша визжит.

ТАНЯ. Сволочь! (*сильно дергает Машу за волосы.*) Никакой личной жизни! (*бьет ее по щекам.*) Перестань! Перестань меня бесить! Я тебя в детдом отдам!

Маша продолжает визжать. Таня отпускает ее и садится на пол. Маша, держась за голову, убегает.

ТАНЯ. Никакой жизни! Прибить тебя мало! (*пауза.*) Сигареты принеси! Быстро!

Маша с опущенной головой, подходит к матери, протягивает пачку сигарет.

ТАНЯ. Зажигалка где?

Маша моментально убегает в кухню и шумно, услужливо роется в ящиках в поиске зажигалки.

ТАНЯ. Шары раскрой! На холодильнике!

ТАНЯ (*в сторону*). Что ж, может, оно и к лучшему, чем ни туда ни сюда. Мужчина должен быть щедрым. Столько лет мне мозги компостировал! Урод!

Картина № 4

Стекают последние капли по стеклу, дождь прошел так же внезапно, как и начался. Поезд мчится по мосту через небольшую речку, которая сверкает от выглянувшей из-за туч полной луны. Сверкают редкие звезды. Небо светлеет. За окном мелькает черная полоса леса. Заметив вышедшую из своего купе проводницу, женщина встает, берет с верхней полки, собранное, постельное белье, проходит к ней, молча сует ей в руки и возвращается обратно, потом собирает вещи в сумку, садится на место в ожидании. Поезд резко поворачивает, огибает жиденький и низкорослый лес, через который просвечивают огни города. Женщина приподнимается и через стол дотрагивается до плеча Юры. Юра резко открывает глаза.

ЖЕНЩИНА. Я приехала. Думаю, вам лучше уйти на другое место, чтобы не было проблем.

Юра, не обратив на нее внимания, глядит в окно и внимательно следит за пролетающей мимо местностью.

ЮРА. Так я тоже приехал. (*весело.*) Блин, быстро же время пролетело. Сон — это самое лучшее, что может быть!

Из конца вагона пассажиры идут к выходу. Поезд прибывает на первый путь. На освещенном перроне копошится народ. Вокзала не видно, зато напротив, сразу за перроном, стоит очередная массивная водонапорная башня. На втором пути останавливается электричка с полупустыми вагонами. Как только люди с прохода прошли вперед, Юра быстро поднимается, берет свою и сумку женщины, идет к выходу. Женщина торопливо следует за ним.

ЖЕНЩИНА (*возле двери протягивает руку за сумкой*). Я сама.

ПАРЕНЬ (*не допускает возражений*). Я помогу...

ЖЕНЩИНА. Меня встречают.

Юра молча протягивает сумку и спешит вперед, он спускается из вагона и направляется к вокзалу, пройдя метров пятьдесят, останавливается, поправляет сумку на плече и вполборота наблюдает за женщиной, которая стоит на опустевшем перроне и глядится вдаль. Юра замирает в ожидании.

ЮРА. Значит, ее никто не встретил.

Женщина направляется в сторону, что и Юра, волочит за собой сумку на колесиках, поравнявшись с ним, не обращая на него внимания, проходит вперед.

ЮРА. Вот тебе раз! Прошла и не заметила! А что если я, вон там, где совсем нет людей, зажму тебе рот и оттащу за ту будку, где уж точно до самого утра никто не появится, а там поставлю раком. Небось, сразу запоешь сладким голоском, умоляя о пощаде, и все твои похотливые мыслишки испарятся как не бывало? Конечно, так и будет! Ах ты, похотливая сучка! Ты как все эти лучшие ученицы школы, преданные жены и матери семейства, в своем благоразумии смотрящие будто бы с легким интересом, но не умеющие

скрыть своей похоти, провоцируешь меня. Ну-ну, давай! И каждая из вас, глядя на меня, становятся не лучше уличной проститутки, и готовы довольствоваться даже малым где-нибудь за кустом, потому что я-то на большее не согласен растрачиваться. Флирт — пустая трата времени, а иногда и трата и так не лишним денег, когда можно сделать все по-быстрому.

Юра торопится за женщиной, но не нагоняет. С шоссе с горки медленно съехал автобус. На остановке толпится народ. Женщина ускоряет шаг и оказывается возле будки.

Ю Р А (кричит). Подождите!

Женщина сразу оборачивается. Юра довольно улыбается. Женщина встает вполборота, ждет его.

Ю Р А (в сторону). Не знаю, как это объяснить, но как только она подошла к будке, у меня будто бы внутри все перевернулось, наверно, как у охотника, который в любую минуту может упустить свою добычу. Такой азарт! Непреодолимый азарт, это, наверно, как болезнь.

Юра быстро подбегает.

Ж Е Н Ц И Н А (на одном дыхании). Это мой автобус. Вы тоже на него? Может, задержите?

Юра осматривается, вокруг ни души. Люди быстро заполняют автобус. Юра без заминки зажимает женщине рот и, держа крепко перед собой, толкает ее к будке. Женщина, видимо, не успев еще ничего понять, не упирается и продолжает волочить за собой сумку. Уже за будкой Юра, не разжимая рот, одной рукой сбрасывает с плеча сумку, пинает ногой и выбивает из рук женщины сумку, которая шумно падает рядом. Женщина пытается вырваться, но он продолжает держать ее крепко, ничего не предпринимает, как бы ожидая, когда она устанет. Вскоре женщина перестает сопротивляться.

Ю Р А. Я догадался, что это ее уловка и ослабил хватку, но рот продолжал зажимать.

Женщина, все еще притиснутая к нему спиной, не двигается. Юра резко опускает руки, женщина только и успевает сделать подобие прыжка, как он накидывается на нее сзади, валит и садится на нее верхом, сползает пониже, задирает юбку и рвет на ней колготки.

Ж Е Н Ц И Н А (спокойно, хрипло). Ноги... у меня ноги болят.

Юра пытается снова зажать ей рот, но женщина уворачивается.

Ж Е Н Ц И Н А (спокойно). Не надо. Я не буду кричать.

Ю Р А. Ни фиги с-себе! А я, может, хочу.

Ж Е Н Ц И Н А. Хочешь, чтобы я сопротивлялась?

Ю Р А. Сперва она ошеломила меня своим спокойствием, а теперь еще своей пронизательностью. Обалдеть! Я промолчал, не понимая, что дальше предпринимать.

Женщина начинает елозить под ним.

Ю Р А. Но я-то понял, что она только имитирует сопротивление, а на самом деле нисколько меня не боится, больше того, это доставляет ей удовольствие, а этого я никак не мог допустить. Ах ты, поганая шлюха!

Юра силой дергает ее за руку, так, что женщина переворачивается и оказывается на спине.

Ю Р А. Если бы свет фонаря попал сюда, я мог бы наблюдать за ее эмоциями, но, к сожалению, лицо терялось в темноте.

Женщина молчит, Юра тоже. После секундного ожидания каких-либо действий с ее стороны, но так и ничего не дождавшись, взбешенный Юра наотмашь ударяет женщину по лицу, она никак не реагирует. Юра вновь бьет, она противно хнычет, и Юра начинает ритмично бить ее по щекам. Женщина затихает.

Ю Р А. Я нутром чувствую ее страх, теперь она не играет, я сдавливаю ее шею, за время, проведенное за будкой, я привык к темноте и вижу ее расширенные глаза, слышу бешеный стук ее сердца. Все это так заводит меня, что терпеть нет сил.

Юра торопливо стягивает с нее трусы, спускает джинсы, и всем телом наваливается, быстро-быстро двигается на ней. Проходит не менее четверти часа, когда Юра тяжело дыша, откидывается на спину и вдруг громко смеется. Слышно, как кто-то проходивший мимо будки прибавляет шаг и бросается в бег. Успокоившись, Юра бодро встает, пускает струю в кусты, натягивает джинсы, поднимает сумку, вешает ее на плечо, собираясь уходить, но слышит всхлипывания женщины. В сумке женщины звонит телефон, она не реагирует.

Ю Р А (тянет ее за руку, усаживает, подает сумочку). Со слухом все нормально?

Женщина, не торопясь, достает телефон, отключает. Телефон снова зазвенел.

Ю Р А. Дай мне. (выхватывает телефон из ее руки.) Да... Кто я? Прохожий. Приезжайте скорей, ваша жена в обморок упала. (пауза.) Хорошо-хорошо. (подает ей трубку.) Он к остановке подъедет.

Юра встает, помогает подняться женщине. Она идет вперед. Юра, подхватив сумки, выходит за ней. Сбросив сумки на асфальт, Юра берет ее за руку и подводит к фонарю, молча осматривает ее на свету, поворачивает, как куклу, то так, то эдак, поправляет кофточку, отряхивает юбку и довольно улыбается.

Ю Р А. Ну, вот, вроде, не так и плохо. (смотрит ей в лицо.) Тушь размазалась, надо бы умыться. (достает носовой платок, плюет на него и вытирает ей лицо.)

Ж Е Н Ц И Н А (вырывается, истерично кричит). Ублюдок!

Юра притягивает женщину к себе.

Ю Р А (шепотом). Тихо, тихо, тихо. Все же хорошо. И не говори, что тебе не понравилось. А хочешь, я к тебе буду забегать на огонек?

Юра выхватывает из рук женщины сумочку, шарится в ней, вытаскивает паспорт, раскрывает, читает про себя, поглядывая на нее и ухмыляясь.

Ю Р А. А ты неплохо сохранилась, признаться честно, думал, моложе. Вот для начала мы и познакомились, Лариса Викторовна. А я потом представлюсь, при следующей встрече. *(протягивает паспорт и быстро отдергивает назад, дразня ее.)* Ну, так как, ты же хочешь со мной встретиться? *(снова протягивает паспорт.)* Ну?

Из вокзала выходят люди и подходят к остановке. Из-за поворота выезжает автобус. Юра сует паспорт в карман и бежит к автобусу.

ЛАРИСА *(кричит).* Отдай! Отдай мне паспорт!
Ю Р А *(оборачивается).* Пока!

Юра расталкивает впереди стоящих людей, протискивается к двери автобуса. Он высматривает свободное место у окна, бегом направляется туда, усаживается и все внимание обращает в окно. Выезжает иномарка, останавливается возле Ларисы, и из нее выходит высокий крепкий мужчина, он торопливо направляется к ней. Она стоит, обхватив голову руками, он ее тормозит и что-то говорит. Лариса отталкивает его, идет к машине, садится в нее, мужчина открывает багажник, ставит туда дорожную сумку. Автобус отъезжает и поднимается на шоссе, иномарка обгоняет и далеко впереди освещает фарами темноту и мокрую дорогу. По проходу идет кондукторша, Юра упирается головой в стекло и закрывает глаза. Вот она берет деньги с его соседа.

Ю Р А. Я всем своим существом почувствовал, как она на меня смотрит. Вроде плевое дело, но что-то я так устал, и не хотелось лишний раз лаяться. Что же я, дурак такой, паспорт вытащил, а деньги оставил? Кондукторша прошла мимо, видимо, не заметила, что я на этой остановке сел.

Юра дремлет.

Картина № 5

Несколько раз пытавшаяся вырваться из плена туч, луна скрывается совсем, с реки поднимается густой туман. Толик, не отвлекаясь, взглядывается в дорогу.

ЛАРИСА. Я смотрю вперед и ничего не замечаю. Почему-то сидящего рядом Толика я ненавижу больше, чем того ублюдка. Я вновь и вновь прокручиваю произошедшее, и хочу все повторить сначала. Я снова хочу этого ублюдка! Но так же не должно быть! Был же момент, когда я готова была убить его.

ТОЛИК. Что произошло? С кем я разговаривал?

Молчание.

ТОЛИК. Не хочешь со мной говорить? *(пауза.)* Понятно.

Молчание.

ТОЛИК *(оправдывается).* Я устал. Заснул. Согласись, с каждым бывает. *(пауза.)* В конце концов, автобусы еще не отменили.

Лес заканчивается и, миновав освещенные за воротами огромные по территории пилорамы и светящуюся наверху красными огоньками телевизионную вышку, дорога круто поворачивает, машина выезжает из темноты на свет фонарей, на горизонте появляются пятиэтажки. Толик смотрит на Ларису, она не замечает его взгляда. Он осторожно дотрагивается до ее плеча, она вздрагивает, кивает в его сторону, как бы без слов спрашивая, что он хочет.

ТОЛИК. Спать хочешь?

Лариса ничего не отвечает. Заезжают во двор, Толик тормозит возле подъезда, и они выходят из машины. Толик достает из багажника сумку и подходит к Ларисе.

ЛАРИСА *(протягивает руку за сумкой).* Спасибо. Я хочу побыть одна.

ТОЛИК. Да что произошло?! *(пауза.)* Почему-то ты на сына не обижаешься, что он тебя не встретил.

ЛАРИСА *(зло).* Ничего, если он только завтра приедет?

ТОЛИК. Он никуда не уезжал. Плевать он хотел!

Она торопливо поднимается на третий этаж, пытается открыть дверь, звонит, никто не открывает, снова звонит. За дверью слышится шорох, щелчок выключателя, звук отдвигаемой щеколды. Дверь открывает парень в одних трусах, примерно двадцати лет, не то растерянный, не то удивленный, молча отступает, пропуская Ларису с Толиком.

АНДРЕЙ *(принимает у Толика сумку, глядя на Ларису).* Я думал, ты завтра приедешь.

Лариса проходит в комнату и садится в кресло, за ней следует Толик, плюхается на диван.

АНДРЕЙ *(поднимает с дивана брюки, натягивает на себя).* Как дела? *(не дожидаясь ответа.)* А у меня ни хрена не получилось.

ЛАРИСА *(устало).* Ты же никуда не уезжал.

АНДРЕЙ *(с ненавистью глядя на Толика).* А кто говорил, что нормальный парень должен сперва отслужить, а?

Молчание.

АНДРЕЙ. Интересно, он своего сына отправил бы туда?

ТОЛИК. А что это ты, как будто бы меня здесь нет?

АНДРЕЙ. Плевать я хотел!

ЛАРИСА *(умоляюще).* Андрей.

АНДРЕЙ. Что?! Какая сейчас может быть учеба?! *(крутит у виска.)* Ты че, совсем с ума сошла?!

ТОЛИК. Да ты по жизни контуженный был.

АНДРЕЙ. Что? *(идет на Толика.)*

ТОЛИК *(сидя хватает с журнального столика вазу и крепко сжимает в руке, ожидая нападения).* Только подойди, мало не покажется!

ЛАРИСА *(визжит).* Хватит!

Андрей зло поворачивается, идет к креслу, садится. Раскрывается дверь и из комнаты, как ни в чем не бывало, выходит невысокая девушка, босая, в длинной как платье футболке, останавливается на секунду, быстро окидывает всех любопытным взглядом и продолжает

путь. Лариса и Толик удивленно провожают ее глазами. Девушка скрывается в туалете, через некоторое время слышится звук спущенной из бачка воды.

ТОЛИК. Кто это?

Девушка выходит и проходит обратно в комнату.

ЛАРИСА (*ошарашенная*). Она что, беременная?

АНДРЕЙ (*смеется*). Прикинь, ей даже в метро места уступают, это мне ее подруга сказала.

Молчание. Толик встает и останавливается в проеме двери.

ТОЛИК. Ладно, я пойду.

ЛАРИСА. Пусть она уйдет!

Толик выходит в прихожую.

ЛАРИСА. Толик!

ТОЛИК (*громко, из прихожей*). Я здесь не хозяин!

ЛАРИСА (*кричит*). Пусть она уйдет!

АНДРЕЙ (*издевательским тоном*). Да это у нее от пива!

ЛАРИСА. Пусть уйдет, пока я не выкинула ее!

Лариса вскакивает с кресла и направляется к комнате, Андрей тоже соскакивает и преграждает ей путь.

ЛАРИСА. Проваливай, шлюха!

АНДРЕЙ. Мама, либо ты заткнешься, либо...

ЛАРИСА. Либо что?! Толик!

ТОЛИК. Пойдем ко мне! Пока ты будешь жить на два дома, у нас ничего хорошего не получится!

Лариса пытается прорваться в комнату, Андрей, крепко схватив ее за руки, удерживает на месте.

ЛАРИСА. Отстань!

АНДРЕЙ. Сядь и не дергайся! Если правду не хочешь услышать о себе.

Толик уходит, хлопнув дверью. Лариса бежит в прихожую, открывает дверь, слышит, как хлопает дверь подъезда, закрывшись, возвращается обратно в комнату. Из комнаты выходит одетая девушка, она презрительно смотрит на Ларису, и, высоко держа голову, проходит в прихожую.

АНДРЕЙ (*следует за девушкой, безразлично*). Уходишь?

ДЕВУШКА (*обувается*). Я не привыкла, чтобы меня оскорбляли.

АНДРЕЙ (*широко распахивает дверь*). Давай быстрее.

Девушка идет к двери, шагает через порог, Андрей, размахнувшись ногой, пинает ее под зад, и она вылетает на лестничную площадку, Андрей захлопывает дверь.

ДЕВУШКА (*кричит*). Сука!

Андрей входит в комнату, одевается, садится на пол напротив матери.

АНДРЕЙ. Дай денег.

ЛАРИСА. Зачем?

АНДРЕЙ. Надо.

ЛАРИСА. Верни мне те деньги, которые я тебе на поездку давала.

Андрей встает, вытягивает руку перед самым носом Ларисы и показывает кукиш. Он берет с полки маленькую сумочку, достает оттуда кошелек, вытаскивает деньги, засовывает их в карман брюк.

АНДРЕЙ. С сегодняшнего дня следи за своими эмоциями. (*указывает пальцем.*) Запомни, это моя комната, и я там делаю все, что захочу. В свою ты, как до Толяна, можешь приводить кого захочешь. (*перед тем как выйти из комнаты, машет рукой.*) Пока!

Картина № 6

Автобус тормозит, и Юра сходит в темноту. Решив сократить путь, он проходит за остановку, и по мокрой высокой траве через небольшой пустырь выходит к черным двухэтажным деревянным домам, которые стоят вразброс, на некоторых перед подъездом висят фонари, которые тускло освещают вокруг не больше чем на три метра. Юра наступает в лужу, зло сплевывает, переходит на деревянный тротуар и направляется к одному из центральных домов.

ЮРА. Странно. Ночь, а со второго этажа, из открытых окон бабулиной квартиры на землю падает свет. Она же не знает, что я приеду сегодня. Странно. Блин, мне даже как-то изнутри хреново становится.

Юра чуть ли не бегом входит в светлый подъезд и торопливо, большими шагами перескакивает сразу мимо нескольких ступенек. В коридоре, на втором этаже, в стороне от лестницы, на деревянном сундуке, сидит, склонив голову, отец и держит в руке зажженную сигарету. Дверь в квартиру приоткрыта, и оттуда слышатся приглушенные голоса. Юра подходит вплотную к отцу, садится перед ним.

ЮРА. Папа!

Отец мотает головой, открывает глаза.

ЮРА. Пап?

ОТЕЦ (*устало*). Заснул. (*стряхивает пепел на пол.*) Ты откуда?

ЮРА (*испуганно*). А ты?

ОТЕЦ. Бабка умерла.

Отец молча подходит к двери, прислушивается, резко отходит, будто хочет немедленно скрыться и, дернув сына за рукав, торопится вниз по лестнице. Юра идет за ним. На улице отец достает сигарету, прикуривает, прокашлявшись, садится на корточки. Сын тоже садится перед отцом.

ОТЕЦ. Ты где был?.. Мать твоя мне все нервы вымотала.

Молчание.

ОТЕЦ. Не ходи пока туда. Если что, я позову...

Юра, не вынимая пачку из кармана на груди, вытаскивает сигарету, роняет, достает новую, не нащупав в кармане брюк зажигалку, закладывает сигарету за ухо. Отец зажигает спичку, Юра прикуривает. Отец встает, скрывается в подъезде, под его тяжелыми шагами слышится скрип ступенек. Юра, докурив, бросает тлеющий окурок в кусты, ходит взад-вперед, сходит с деревянного тротуара, идет по тропинке, возвращается, входит в подъезд, поднимается. Из квартиры выходит растрепанная, опухшая от слез мать в халате — грузная женщина с осветленными и стоячими от химии волосами. Увидев сына, как будто на миг не имеет, но через секунду приходит в себя, набрасывается кулаками, дышит на него перегаром. Юра отступает, мать идет за ним, бьет кулаками. Выходит отец, уже успевший непонятно когда выпить, он встает посреди коридора, широко расставив ноги, видимо, чтобы не шататься. Юра сбегает вниз по лестнице.

МАТЬ (вслед). Вот и убирайся! Чтоб духу твоего здесь не было!

Отец обхватывает мать сзади, ведет к сундуку, спотыкается, хватается за жену, и они вместе с грохотом падают на пол.

ОТЕЦ (смеется). Ну ты и корова. Чуть не раздавила.

Отец лежит, улыбается, она пытается подняться, но он держится за нее и не дает встать.

МАТЬ. Вставай, урод!

Вырвавшись из объятий мужа, хватается за ноги и волочет за собой по полу в квартиру.

ОТЕЦ. Галя ты, Галя! Никакой жалости у тебя ко мне нет.

МАТЬ. Заткнись! Где он был?! Он же десять дней назад должен был приехать! *(пауза, всхлипывает.)* Целый день окна открыты, а запах до сих пор стоит, этот запах никогда не выветрится, он со мной до смерти останется. *(вытирает глаза платком, сморкается.)* Где он был? Он тебе сказал? А телефон? Потерял? Я же целую неделю не могу дозвониться до этого гаденыша! *(бросает мужа, садится на сундук.)* Я, наверно, так же умру, пролежу целую неделю, и никому до меня не будет дела. *(сморкается.)* Так мне и надо.

ОТЕЦ (встает, держится за косяк). Почему это никому до тебя не будет дела? Ты что, хочешь меня раньше похоронить?

МАТЬ. А ты, значит, меня вовремя похоронишь? Сволочь! *(быстро поднимается, торопливо спускается по лестнице, выйдя на улицу, кричит.)* Юра-а-а! Юра-а-а! Сыно-о-ок!

Кругом тихо и уже почти что светло, на горизонте — яркая полоска солнца. Юра сидит за домом, на бревне, слышит голос матери, оборачивается, но не отзывается. Мать подходит за дом, подходит к нему и садится рядом. Юра обнимает ее за плечи.

ЮРА. Вон по той тропке, когда еще роса лежала на траве, мы с бабушкой шли за грибами, кеды становились чуть ли не насквозь мокрыми, а бабушка ворчала, говорила, что надо было надеть сапоги, а я врал, что ее сапоги мне малы. Бабушка смеялась, ставила свою большую ногу к моей, размер был один, просто мне не хотелось идти в женских сапогах. А Амура помнишь? Он за нами по пятам ходил.

МАТЬ. Он в прошлом году умер.

ЮРА. Я приехал на осенние каникулы, было сыро, и первый снег вперемешку с дождем падал, помню, и вот он прибежал непонятно откуда и лег посреди двора, а мы с бабушкой начали его прикармливать, потом он заболел, а она его все-таки выходила. *(пауза.)* Прости меня.

Мать крепко обнимает Юру, а он ее, у обоих текут слезы. Слышится голос тетки, окликающей мать по имени. Юра быстро опускает руки.

МАТЬ. Пойдем.

ЮРА. Ты иди, я сейчас.

ЮРА. В конце концов, я не виноват. Девяносто — это вам не хухры-мухры. Я вот, как пить дать, не доживу до таких лет. Как же их неохота видеть, всю эту родню. А где еще можно выпить, если нет денег? Так что хочешь не хочешь, а придется вернуться.

Юра входит в квартиру, проходит в кухню, садится за стол, на котором, кроме рюмок, ничего нет.

ЮРА. Пока я рыскал по кухне в поисках бухла, притащилась тетка, мамин старшая сестра. Встала и, не произнося ни слова, сверлила меня глазами. А у меня внутри все вскипело. Ну ничего, взял я себя в руки и ехидно улыбнулся.

ЮРА. Есть выпить?

ТЕТКА. Для тебя нет.

ЮРА. У меня аж руки зачесались.

ЮРА. Ну, что, говори, что хотела. А то что толку стоять, с ноги на ногу переминаться.

ТЕТКА. Бессовестный ты какой!

ЮРА. Почему?

ТЕТКА. Она тебя так любила.

ЮРА. А тебя?!

ТЕТКА. Не ори.

ЮРА. А я буду орать! *(пауза.)* Ты когда в последний раз ее видела?! *(пауза.)* Ты же десять лет здесь не была! Так кто кого презирать должен? *(тетка направляется к выходу.)* Стоять, ска-зал! *(подскакивает сзади, больно сжимает ей руку, поворачивает к себе лицом и смотрит на нее ненавидящим взглядом.)* Опусти глаза и ходи как мышка, незаметно и неслышно. Поняла?

Тетка, ничего не ответив, выходит из кухни. Юра достает из холодильника палку копченой колбасы, вгрызается в нее зубами, откусывает, и, толком не прожевав, проглатывает.

ЮРА. Ох, как бы я сейчас вгрызся в ее глотку, чтобы она завизжала, как свинья недорезанная! Все-таки я нашел за шкафом бутылку водки, распечатал и пил из горла, заедая

колбасой. После второй рюмки не чувствовалось ни запаха, ни вкуса, водка пилась как вода, шла мягко, как родная. Начал пьянеть и вдруг так хорошо стало. Эх, сейчас бы кому-нибудь морду, что ли, набить! Да блин, кого сейчас найдешь? Все же спрятались по своим норкам. Ну, что ж, Лариса Викторовна, ждите гостя дорогого. Так-так-так!

Юра поднимает из-под стола бутылку, в которой осталось немного коньяка, запрокинув голову, мигом опустошает, выходит в прихожую. Под мерный храп мужиков Юра основательно проходится по карманам и собирает деньги.

Ю Р А. Ну, что ж, не так все плохо!

Осторожно прикрыв дверь, Юра спускается по лестнице. На улице уже совсем светло, но пока еще безлюдно. Юра подходит к дороге, заметив приближающийся автомобиль и боясь, что тот не остановится, выходит на середину дороги и встает, расставив ноги на ширину плеч, преграждая путь. Машина резко тормозит, Юра, не договариваясь с водителем, открывает заднюю дверь и садится.

Ю Р А. В центр. Побыстрей, если можно. Заплачу, сколько скажешь.

Водитель, не задавая лишних вопросов, помчал свою шестерку так, что та тарахтела и трещала, а водителю только и оставалось крикнуть — эх, прокачу! На улице пусто, как будто вымерли все.

Ю Р А. А вот и дом номер сто пять. Супер! Доехали мы в два счета.

Ю Р А. Тормозни на площади.

Водитель останавливает машину, Юра выскакивает и громко хлопает дверью, что заглушает окрик водителя. Не дожидаясь, что предпримет водитель, Юра забегает во двор и идет обратно.

Ю Р А. Лишь бы она была дома. А если кроме нее там еще и тот упырь? А может, и еще кто? Плевать! Как же невыносимо хотелось спать — и не среди многочисленных родственников, выдыхающих запахи перегара, а в уютной, чистой постели. А вдруг эта стерва не откроет?

Юра бегом поднимается по лестнице, нажимает на кнопку звонка и не отнимает руку, пока за дверью не слышатся приближающиеся шаги.

Ю Р А. Я знал, что она смотрит на меня в глазок. Неужели не откроет? Я вновь нажал на кнопку звонка. Никаких звуков, никто не спросил, кто звонит, никто не бьется в истерику. Значит, она одна. Что ж, надо только взять себя в руки и унять злость. А дальше посмотрим, кто кого.

Ю Р А (громко). Лариса, открой! Там твой мужчина пьяный лежит, может, поможешь дотащить?

Ю Р А. Молчит. Блин, вот будет приколом, если он под ее боком лежал, а я такую чушь сморозил. Нет, тогда бы она не стояла под дверью.

Ю Р А. Ну, так как? Пусть валяется?

ЛАРИСА (недовольно). Какой мужчина?

Ю Р А. Твой! Я заколебался тащить его с самого бара. (пауза.) Ладно, как хочешь. Я пошел. Счастливо оставаться! Он возле подъезда.

ЛАРИСА. Не знаю я никого!

Ю Р А (усмехается). Ну как же, как же.

Юра с топотом идет к лестнице. Через несколько минут слышится щелчок замка, Юра на цыпочках возвращается обратно и встает за дверь. Дверь со скрипом приоткрывается, и через мгновение высовывается голова Ларисы. Юра со всей силы дергает дверь на себя и вталкивает ее в квартиру, входит следом, запирается. Лариса пятится назад.

Ю Р А. Какая же ты все-таки дура!

ЛАРИСА. Я сейчас милицию вызову!

Ю Р А (равнодушно). Вызывай, я тебя потом из-под земли достану. (подает паспорт.) Возвращаю. Можешь не благодарить. (усмехается.)

Юра по-хозяйски заглядывает во все комнаты, возвращается в спальню, раздевается догола и, раскинув руки, ныряет на большую двуспальную кровать. Лариса растерянно следит за ним, стоя в проеме двери.

Ю Р А (весело). Ну же, иди ко мне.

Ю Р А. Офигеть! Я вот он, весь твой! А она отвернулась и пошлепала из комнаты. Меня даже беспокойство охватило, от баб же все, что угодно, можно ожидать. Еще те суки! Соскочил я с кровати, побежал за ней, как жеребец игривый, схватил ее сзади и потащил в спальню. Бросил на кровать, промолчала, я лег рядом, крепко прижал к себе.

Ю Р А. Медовый месяц начнется, когда я выплюсь, а теперь спать. Надеюсь, ты в курсе, что лежачих не бьют?

ЛАРИСА. Не прошло и нескольких минут, как он уже посапывал. Я лежала с открытыми глазами, и у меня даже мысли не было, чтобы вырваться из его объятий, а внутри по-прежнему ненависть боролась с все сильнее и сильнее подступающим желанием. Я не могу объяснить это чувство. Если бы такое произошло с другой женщиной, я бы назвала ее потаскухой. А тут я сама лежала с каким-то, может, даже с уголовником, и мне было хорошо и грустно. Как же приятно было лежать рядом, приятна его грубость, и даже не было отвращения от разившей от него водки. И я начала целовать его голое тело.

В комнате никого нет, шторы закрыты, полумрак. На табуретках стоит гроб, накрытый белой простыней так, что непонятно, кто там лежит.

Ю Р А. Я стою неподвижно, не отваживаясь подойти, хоть и очень хочется посмотреть. Страх, что если я дойду, меня кто-то обязательно схватит и затащит в гроб, не покидает, и я не смею приблизиться. Вдруг дверь скрипнула и в комнату вошла мама, она медленно и осторожно прикрывает дверь, будто боится кого-то разбудить, после чего, ничего не говоря, берет меня за руку и подводит к гробу, приоткрывает простынку, так что показываются только ступни в маленьких туфельках. Чувствую озноб и что волосы на руках поднялись. Тихо-тихо-тихо, надо взять себя в руки.

МАТЬ. Надо живых бояться. *(пауза.)* Дотронься, и ты поймешь, что нечего бояться.

Мать снова берет Юру за руку. Юра щурится. Мать кладет его руку на туфельки, Юра чувствует холод и громко кричит: «А-а-а-а-а!», но на самом деле вместо крика он все раскрывает и раскрывает рот, как немой.

Лариса прибегает в комнату. Юра мечется на кровати, мыча что-то нечленораздельное. Она дотрагивается до его плеча, и он на всю комнату вдруг кричит: «А-а-а-а-а!» Лариса, не ожидавшая такой реакции, вздрагивает и отходит назад. Юра вскакивает и непонимающим взглядом смотрит на Ларису, но тут же приходит в себя, соскакивает с кровати и начинает торопливо одеваться. Его взгляд останавливается на часах.

ЮРА. Десять?

ЛАРИСА. Да.

ЮРА. Блин, сегодня же похороны!

ЛАРИСА. Какие похороны?

ЮРА. Ну, не твои.

Юра убегает в прихожую, Лариса идет за ним, он обувается, поворачивается к ней, будто чего-то ожидая. Лариса молчит.

ЮРА *(поднимает с тумбочки карандаш и сильно надавливая, пишет на обоях номер телефона).* Звони, если что.

Юра уходит. Лариса торопливо проходит в комнату, через секунду возвращается и с остервенением стирает надпись резинкой.

ЛАРИСА. Хотелось реветь навзрыд. Бить и рушить все, что попадется на глаза. Порвать к чертовой матери эти обои! Во мне столько злости было, не выразить словами. Терпеть такое хамство от какого-то пацана? Какого-то негодяя! Уголовника! Вот бы раздавить этого говнюка, как червяка! Стереть в порошок!

2010

Проза / Рассказ

Анатолий Королев

Вторая смерть Лазаря

Я **ЗНАЛ** что они **затевают**
 испугался и ответил **умер** тот
 Лазарь а **ВСЕ** что говорят
люди о нем то ложь
 и тотчас **Тьма** закрыла глаза мои
 и сказала мне **Тьма** зачем тебе
взор раз ты **слеп** от рождения

Вспомним первую смерть Лазаря из Вифании. Был однажды тяжело болен некто Лазарь из Вифании, друг Иисуса Христа, а две сестры его, Мария и Марфа, — терзались предчувствием близкой кончины брата.

Они видели, — брат умирает и думали о том, что, может быть, Иисус отодвинет его кончину, и спрашивали: где Спаситель? А когда узнали, что Иисус с учениками находится всего лишь в двух днях пути от Вифании, послали вестника к Иисусу в Галилею, и тот гонец отыскал Спасителя на берегу моря у пещеры и сказал Иисусу: Господи, тот, кого ты любишь, Лазарь из Вифании, брат Марфы и Марии, тяжело болен, если уже не умер.

А Иисус уже знал о том, что Лазарь при смерти, но спокойно ответил посланному: эта болезнь ведет не смерти, но к славе. И отпустил вестника обратно в Вифанию, и с места своего не встал, и не поспешил к умирающему, а провел на берегу еще полных два дня в поучениях, и лишь тогда обратился к ученикам: Лазарь, друг наш, уснул, но я пойду разбудить его.

Ученики в ответ возражали учителю: Равви, если уснул, то проснется. А идти в Иудею опасно. Давно ли иудеи искали нас, чтобы побить камнями тебя?

Они не поняли, что, говоря о сне, Иисус говорит о смерти.

И тогда тот сказал им прямо: Лазарь умер. Пора идти к Лазарю.

И пошли. И когда Иисус пришел в Вифанию, то нашел, что Лазарь уже четыре дня как покоится в гробу, а в доме Лазаря собрались иудеи из Иерусалима, от которого до Вифании всего 15 стадий, собрались, чтобы разделить с сестрами печаль об умершем брате и утешить в горе.

Марфа, узнав, что Иисус с учениками входит в Вифанию, поспешила ему навстречу и, припав к стопам Иисуса, воскликнула: если бы ты был здесь, то был бы жив брат мой и не умер, потому что ты бы просил у Бога не забирать Лазаря. Но и теперь знаю, что все, что ты захочешь от Бога, даст тебе Бог, хоть и умер Лазарь, брат мой.

А Иисус, утешая, говорит ей: воскреснет наш Лазарь.

Знаю, знаю, что воскреснет в день воскресения, отвечала с плачем Марфа, в последний день времени.

Она не поняла, что равви говорит о воскресении Лазаря прямо сейчас, в этот же день.

А Иисус, положив свои руки на голову Марфы, сказал ей: я пришел, Марфа, не плачь. Ведь это я и есть Воскресение, Марфа. Я есть дающий время. И день последний — вот он, Марфа, смотри, — моя тень на песке. И всякий, кто верует в мой приход, если и умрет, оживет. А верующий в мой уход и вовек не умрет, сколько бы раз ни умер. Верить ли ты, Марфа?

Так, Господи, ответила Марфа, верую! Ты помазанник Божий. Христос! Ты масло, пролитое Богом на Иудею. Ты сын Божий, идущий к нам от Отца.

Истинно, истинно говорю тебе, ответил Христос, поднимая ее с колен, я есть идущий от пославшего меня. Я есть тот, кто идет только навстречу и никогда прочь. Я есть будущее, про которое нельзя сказать, что оно, может быть, сбудется, а может, и нет. Говорю вам — сбудется! Потому что я гряду, и я не минуем. Истинно говорю, пославший меня есть дающий жизнь. Он дает, а давши, уже

не отнимает. И то, что уже было дано Лазарю — жизнь, — у него никто не отнимет.

А потом сказал: позови ко мне Марию, но позови тайно, чтобы скорбящие о Лазаре иудеи из Иерусалима не знали о том, что это я зову ее.

Марфа вернулась обратно в дом и осторожно шепнула Марии: Учитель здесь и зовет тебя. Но Мария встала и вышла с такой поспешностью, что иудеи тотчас пошли за нею, полагая, что она пошла на гроб, плакать там. И вот видят все — стоит, не сойдя с места, где прежде встретил Марфу, — Иисус Христос с учениками, а Мария, пав к ногам Иисуса, рыдает: Господи, если бы ты был с нами, не умер бы Лазарь.

И смутили Иисуса слезы Марии и Марфы, и плач народа его смутил, и молчание учеников, и восскорбел он духом, и прослезился, и спросил: где вы положили его? Вот, ответили они. И Иисус встал у гроба, где покоился Лазарь.

Сказано гроб, но речь не о гробе.

То была пещера, где на скамье из камня лежал покойник, запеленутый в погребальные пелены, и камень закрывал ее вход от падальщиков — птиц и шакалов.

Иисус говорит: отнимите камень.

На что Марфа сказала: Равви, уже смердит Лазарь, ведь уже четыре дня, как в гробу он.

Иисус же говорит: не я ли сказал тебе, что если будешь верить, увидишь славу. Ты сказал, ответила Марфа. Так отнимите же камень от пещеры, где лежал покойник. И тогда Иисус возвел взор свой к небу и тихо сказал небу: Отче! Я знаю, что Ты и без слов слышишь меня, но говорю сие лишь для народа, стоящего здесь, чтобы и они поверили: Ты послал меня. И тут я. И сказав это, опустил взор свой к отверстой пещере и воззвал громким голосом:

Лазарь! Иди вон.

И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лицо его было обвязано платком. И отбросил он тень на землю. А запах тлена остался в пещере. И народ потрясся.

А Иисус говорит: развяжите его, пусть идет.

И развязали сестры погребальные пелены с брата, и сняли платок с лица, и узнал Лазарь, открыв глаза, своих сестер, а Мария и Марфа узнали Лазаря. И все плакали и славил Иисуса, явившего славу Божью.

А Иисус тоже плакал и сказал Лазарю: Я обменял свою смерть на твою жизнь, и Марфа, сестра твоя, уготовит меня к погребению.

Но никто не понял тогда его слов.

А Иисус уже знал, что накануне последней Пасхи и распятия на Голгофе случится так, что в доме Симона прокаженного сестра Лазаря Марфа прольет ему на голову, когда Иисус будет возлежать, драгоценное миро из алавастрового сосуда, и возропщут ученики на Марфу: женщина, к чему такая трата? Ибо можно было бы продать это миро за хорошие деньги и раздать нищим.

А Иисус тогда возразит: что смущаете женщину? Марфа сделала доброе дело для меня. Ибо нищие всегда рядом, а я не всегда буду рядом.

Так воскрес Лазарь.

А иудеи гости поспешили из Вифании в Иерусалим к фарисеям и сказали, что по окрику Иисуса мертвый Лазарь ожил и вышел к народу из гроба, как был, в пеленах погребальных, с платком на лице. А когда сняли платок — открыл он глаза. И с этого дня окончательно положили фарисеи во главе с первосвященником Каиафой: убить его.

И получилось у них казнить Иисуса, а убить не получилось.

Что ж, прошло три года, после того как был распят и воскрес, и вознесся к Отцу Иисус, и Лазарь из Вифании снова умер.

Сестры его, Мария и Марфа, снова оплакав Лазаря, молча посмотрели в глаза друг другу и поняли, что обе надеются на чудо, — а вдруг воскресший Христос в небесной славе сойдет на землю, в Вифанию и опять скажет Лазарю: Лазарь, иди вон. Но говорить вслух о своих надеждах не стали, а,

запеленав, положили покойника в ту же самую пещеру, где прежде его уже воскресил Спаситель. Смерть же Лазаря наделала так много шума, что народ со всех концов Вифании собрался ко гробу ждать чуда, но прошла первая ночь, и ничего не случилось. Часть людей смеялась над суеверием, часть — отмалчивалась. А те иудеи, которые, проведая о кончине Лазаря, пришли из Иерусалима, велели всем разойтись. Не ждите, не будет. Да и раньше не было, а было только прельщение.

Умер ваш Лазарь, глупцы, и не воскреснет.

И тяжело было сестрам слышать эти слова поношения.

И не захотели они после хулы оплакивать брата в Вифании.

И тогда Марфа вспомнила слова Учителя о том, что Иисус идет навстречу лишь тому, кто идет навстречу ему, и сестры велели переложить тело брата из пещеры в двухколесную повозку, запряженную мулом и отправившись хоронить Лазаря к берегу моря, туда, где три года назад посланный ими человек нашел Иисуса, и взяли с собой в путь того давнего гонца, чтобы он точно указал место встречи с Христом, потому как только оно есть место святое.

И еще.

Когда сестры вынесли Лазаря, запах тления его остался в пещере.

День, когда женщины и проводник вышли к берегу, был холодный.

Стоял полдень. Морская даль морщилась ветром, который налетал со стороны Финикии, и чайки напрасно реяли над волнами, потому что рыба легла на дно.

И еще.

Пишется море, но речь идет не о море, а об озере Генисаретском, которое зовут в Галилее морем.

Проводник показал пещеру, у которой три года назад нашел Учителя с учениками, и тело Лазаря сняли с повозки, внесли в ту пещерную пасть, опустили на песок, только камнем закрыть вход не смогли, так был велик ее зев, обросший рыжим иссопом.

Из Вифании же за ними трясся на ослице один фарисей из Иерусалима, который исполнял приказ первосвященника наблюдать за второй смертью Лазаря. Но в разговоры с сестрами преследователь не вступал, а держался все время поодаль, и Марфа с Марией не могли ему запретить ехать по своим делам, даже если его путь след в след шел за ними.

Чтобы согреться, собрали сучья и ветки на песке вдоль моря, развели костер за валуном на берегу, и широкое пламя охватило сухие ветки и покрыло копотью край того валуна, а пух от взъерошенных ветром чаек облепил густые черные волосы Марфы, а когда Мария попыталась отодрать пальцами перышки, что запутались в волосах, сестра отвела красную от огня горячую руку сестры: пусть будет так, как есть. И даже лицо не отворачивала от горячего дыма, который ел глаза, тяготил веки, и не вытирала слез: в день похорон не отворачивают лиц от дыма и не отдергивают рук от огня.

Фарисей в своей стороне тоже слез с ослицы, и спутав ноги ее вервием, тоже набрал веток и развел костер неподалеку. И узким и острым было его пламя, как у фитиля.

Проводник же один отправился обратно в Вифанию.

Тогда на просторный огонь к сестрам с опаской вышли из расселин три изгоя, живущих подаванием рыбаков: один прокаженный без ушей, с кожей, словно обсыпанной в муке, один слепой с провалами вместо глаз и один бесноватый самарянин с беззубым ртом, и сестры не стали отгонять от огня несчастных: пусть будут те, кто есть. В день похорон нет ни эллина, ни иудея, ни бедного, ни богатого. Даже самарянина подпустили к огню, ведь говорил же сам Иисус с самарянской и возлежал в доме прокаженного. И злосчастные, выпросив опресноков, сели кружком у костра, а прокаженный спросил, что заставило женщин из Вифании хоронить умершего вдаль от людей, на берегу моря, где нет ничего, кроме песка и соленой воды, потому что это место пустое? И Марфа ответила, умер наш брат Лазарь, которого воскресил Иисус в Вифании, и мы отвезли

его оттуда сюда, к пещере Учителя, потому что место это совсем не пустое, а земля святая. Здесь накормил Иисус множество людей пятью хлебами и двумя рыбами. Здесь же накормит он и нашего брата Лазаря одним своим словом.

Тут слепой сказал: эх, а я ведь видел, как воскрес Лазарь. Тогда я был зряч.

И рассказал о том, как схватили его и привели к судьям в Иерусалиме и стали спрашивать: вот ты, пастух из Вифании, истинна ли молва о том, что Лазарь живым вышел из гроба по слову Иисуса, в пеленах и с платком на лице?

Я знал, что они затевают, испугался и ответил: умер тот Лазарь, а все, что говорят люди о нем, то ложь. И тотчас тьма закрыла глаза мои и сказала мне тьма: зачем тебе взор, раз ты слеп от рождения? И узнал я, что сказавший мне это был голос его, вашего Иисуса.

Сестры молчали.

Тут заговорил прокаженный и рассказал о том, как хотел искать Спасителя, чтобы тот исцелил его от проказы, но старший брат его строго-настрого запретил ему искать пророка, сказав, что все в жизни от Бога и простертой руки Его, и проказа есть урок прокаженному, который урок никому нельзя отменить.

И этому несчастному тоже ничего не ответили сестры.

А пока бедолаги так переговаривались об Иисусе, фарисей, накинув черно-белый полосатый таллит с черными кистями по углам, стоя молился, лицом к Иерусалиму, раскачиваясь из стороны в сторону и бормоча под нос слова послеполуденной молитвы. Он был измучен близостью скверны, о которой должен свидетельствовать синедриону против своей воли.

Фарисей тоже был три года назад свидетелем воскрешения Лазаря в Вифании, но ни тогда, ни сейчас не мог признать увиденное собственными глазами за правду: не может Всесильный Свет Мира, да будет он благословен, уместиться в шкуру человека и выдавать себя за собственного сына... Ну почему ты не отвернулся, когда разда-

лись шаги покойника из пещеры, корил он себя. Лучше бы ты вырвал глаза, чем увидел ожившего мертвеца. Лучше бы ты умер, чем запомнил то, что запомнил... восклицал фарисей внутри сердца.

И усердная молитва на морском берегу была для него оградой от скверны.

Перед закатом вдруг потеплело, и в щели между облачным брюхом и водой появилось на полчаса низкое солнце и осветило берег косым розовым заревом. И белые чайки на песке порозовели. И рыбки в клювах тех чаек стали отливать серебром. Только пух в густых черных вьющихся проволокой волосах Марфы был бел как мел. И бесноватый самарянин удивленно следил, как дружно тени людей обнялись на песке с тенью мула. И он не мог понять смысла в том, что видит.

Ночью ветер сдул облака, и над берегом моря и горами Галилеи распростерся звездный шатер. Огонь у камня сестер почти что погас, только фарисей затачивал дух и поддерживал сильное пламя, и читал молитву наступления ночи маарив. И его белый плат на голове напоминал Марии о том платке, который покрывал в великий день воскрешения лицо Лазаря. Изгой же разбрелся по расселинам, где можно было укрыться в тряпье от морской прохлады.

Прокаженному блаженно снится, что он слепой, слепому — что тот прокаженный...

Пошла четвертая ночь, как умер Лазарь. А Спаситель по-прежнему медлил и не спешил выйти из звездной ночи к их умершему брату, и тогда Мария решила спросить у Марфы, нет ли греха в их надежде, что судьба Лазаря вновь повторится?

Марфа, может быть, вышел срок Лазарю?

Марфа ответила, что срок Лазарю вышел еще в первый раз, однако все сроки в горсти Господа, который говорил: Марфа, разожму горсть, и будет время.

Тогда Мария сказала, что завтра суббота, а пещера открыта для птиц и зверей, которые раздерут плоть Лазаря, когда они ос-

тавят его. А камень — вот он. И показала на валун, у которого жгли костер: хватит его, чтобы закрыть гроб?

А если выйдет брат наш Лазарь, кто отвалит камень, кто накормит его? — ответила сестра. И Мария отступилась от нее.

Утром на дороге, идущей вдоль Генисаретского озера к Тиверии, показались римляне. Отряд всадников охранял ливийских рабов, несущих паланкин, затянутый желтым шелком, в котором дремал, облитый шафранным светом рассвета, процеженным через шелк, римский начальник Луций Метел. Это был новый прокуратор Иудеи, назначенный вместо Пилата. Метел спешил исполнить приказ — принять новую должность. Сам Пилат был смещен указом Тиберия со своего поста за жестокие казни самарян на священной горе Гаризим и вызван в Рим для суда.

Рабы несли паланкин бегом, держа на сырых от пота черных плечах длинные ручки из белого кипариса, отполированные пальцами.

Среди скачущих всадников были и гвардейцы Клавдий и Аристобул, те самые, что стояли в карауле оцепления на Голгофе в известный час, когда распяли шайку из трех преступников: царя иудейского и двух убийц. Клавдий был тот самый, кто дал Христу вместо воды губку с уксусом, а Аристобул был тем, кто кольнул копьем в бедро распятого, чтобы проверить: умер ли ты?

Привстав на стременах, зоркий Аристобул увидел на песке у воды стайку сидящих евреев с еврейками, мула с ослицей, заметил рыбацкую лодку невдалеке от берега, с которой рыбаки бросали за борт частую сеть. Ни сидящие у воды, ни плывущие в воде не представляли опасности. Это были всего лишь пленники пленной страны, иудеи, те, кто не знают оружия, те, кто носят одинаковые одежды, как мужчины, так и женщины: гиматий из грубой шерсти, наброшенный на голову.

И римлянин отвернул взор и опустил в седло.

Услышав дробный топот римской конницы на дороге, сестры Лазаря тоже обратились от омерзения, чтобы не встретиться взорами с киттим: и не увидели они ни бронзовые панцири на груди преторианцев, сверкающие как черепахи, ни позолоченные шлемы в гребнях из крашенных, цвета моркови, перьев фазана, ни потные морды коней, опутанные ремешками из кожи.

И фарисей тоже не взглянул на конницу скверны.

И Рим, и Иерусалим жили, отвернувшись лицами в разные стороны.

Один миг — и блистающая кавалькада пронеслась вдоль моря профилем золота в клубах поднятой пыли.

Тут Марфа увидела вдали рыбацкую лодку, от которой расходилось, как ей показалось, холодное сияние и она сказала сестре: Учитель ждет в лодке! Надо плыть и сказать Иисусу, что Лазарь опять умер. На что Мария спросила: когда ты научилась плавать? На что сестра ответила: разве это важно, если я вижу Спасителя. И, сняв сандалии, стала осторожно входить в воду, и одежда ее тут же стала намокать, а Марфа все шла по радужной гальке босыми ступнями все дальше, пока вода не дошла ей до пояса, и тут она поплыла в ровной глади, поплыла, как плывут дети, шлепая ладонями по воде, и Мария, видя, что сестра уплывает, поверила ей, тоже вошла в воду и, когда море дошло ей до пояса, тоже со шлепками поплыла по золотой дорожке, которая половицей разлитого миро легла между берегом и той лодкой с рыбаками, которая удалялась от берега.

И вскоре они обе растворились в сиянии.

Тем временем на каменистом спуске к Тиверии кавалькаду встретил конный гонец и вручил донесение: Пилат, получив указ императора, покончил с собой.

И тогда Метел велел опустить паланкин и дать передышку рабам.

А выйдя наружу размять затекшее тело, поднял голову и увидел, что облака над Иудеей идут наискось цепью, словно следы, шаг в шаг.

Фарисей же не видел, как сестры покойного смиренно вошли в воду, а когда закончил утреннюю молитву сахарит, снял таллит с головы и заметил отсутствие женщин, тогда он подошел к пепелищу, у которого молча сидели прокаженный иудей, слепой иудей да тронутый умом бесноватый самарянин, и впервые присел. Ближе к слепому и дальше от самарянина. Фарисей хотел удостовериться в том, что эти трое всего лишь отщепенцы, изгои, парии, отверженные они, а не соблазненные ложной вестью адепты. И убедился, что действительно видит лишь одного прокаженного, одного слепого и одного полубезумного самарянина. А про сестер подумал: в пещере они, плачут о Лазаре.

От черноты ночного костра тянулось к рукам тепло тлеющих углей.

Мул потряхивал ушами, отгоняя ранних мух.

Курился зыбкий едкий дымок от кострища.

Сверкали чешуйками пены рыбки на камешке волны. И бисер тех искринок слагался в буквы, которыми была мелко-мелко исписана вся даль галилейского моря под солнцем.

Бесноватый самарянин пристально разглядывал сандалии Марии и Марфы, оставленные на песке, и не понимал, почему ступни отделились от ног?

— Кто-то идет по воде, — насторожился вдруг прокаженный, прислушиваясь черными дырами в струпьях к звукам, доносящимся со стороны моря.

Это был звук шлепков от ладоней плывущих в лазури сестер.

— Слышишь? — обратился он к фарисею.

— Молчи, пока я сам не спрошу, — ответил тот разозлено.

— Это Он идет к берегу, — сказал, не веря ушам, прокаженный.

— Вижу, вижу, — жадно повернул слепой безглазое лицо в морщинистых яминах в сторону тихих шлепков на воде.

Тут шлепки обулись шумом воды, той, что струйками пеня лилась из сетей ры-

баков, тянущих в лодку улов. К ним прибавился сырой грохот рыб, падающих на гулкое днище, а еще присовокупилась голоса людей, увидевших у борта лодки плывущих сестер, и в придачу — оклики чаек, поджавших к килю розовые лапки в прилипшей чешуе. Крики птиц сделали свое дело — звук шагов оперился и стал долетать до рыбаков сверху.

Только теперь фарисей, посланный Иерусалимом, не сдержался и тоже бегло гля-

нул в сторону моря, словно слепой говорит правду: вижу Его. И с облегчением ничего не увидел, хотя звук шагов идущего по воде и по небу стал намного слышней.

— И Лазарь тоже услышал Его, — потрясенно сказал бесноватый самарянин, который внезапно обрел разум.

И показал рукой в ту сторону, где во мраке лежал мертвец на песке.

И запах тлена вышел вон из пещеры.

Арсений Бессонов (1981-2005)

Чем проще, тем больней

Выступали лауреаты всероссийского литературного конкурса «Илья-премия» в Перми. После читки указали мне на абсолютно незнакомого парня, даже на месте стоящего как-то неуловимо знакомо, вразвалку, будто настроился немедленно уходить. С тонкой улыбкой осведомленного человека сосед неожиданно спросил меня: «Узнаешь, кто это?» Не задумываясь, машинально ответил: «Да Юра Асланьян, только в юности».

На самом деле парня звали Арсений Бессонов. И все же мою догадку опровергать тогда не стали, тем более, она была подтверждена родовой и поэтической кровью — отца и сына. Отец — поэт, сын — поэт. Об этой редкой родственной и литературной связи сегодняшней читатель может судить только с листа. Стихи Арсения — с голоса — я слышал только в тот вечер, похоже, единственный раз в жизни.

В свои девятнадцать лет он стал лауреатом престижной литературной премии, а скоро самым молодым членом Союза российских писателей. Арсения называли Моцартом нашей поэзии, скорее за стихотворение, где есть такие вопрошающие, удивленные и удивительные строки:

*Разве Моцарта вы не встречали
На заснеженных улицах наших?*

Ему, аспиранту с красным дипломом историко-политологического факультета классического университета, прочили замечательное академическое будущее, а он писал совсем не академические стихи и, как утверждал, исключительно для себя.

Литература с элементами современных провокаций придумана для общего пользования, неважно, где это происходит: на пляжах с белугами и русалками, симпозиуме засушенных насекомых или в блогах запечных сверчков. Современная литература в местах общего домового пользования — выдумка управдомов, читающих списки должников.

Исключительно для себя — сделать труднее. Здесь необходимо уловить нить исчезающей из нашей жизни поэтической гармонии, вначале еле слышимой, на полшага в сторону, чтобы потом, по ошибке, не дернуть не за ту веревочку, не уронить на соседа таз с булыжниками или чучело мамонта с потолка, не сдернуть с неба луну и не смыть себя в образовавшуюся дыру за компанию с айсбергами, вулканами, цунами и рекламой чистящих средств.

Занятная сшибка во времени. Пушкин родился на день раньше Бессонова. И это так. Разница в 182 года ни при чем. В стихах время другое — долой современные календари! У Пушкина день рождения 6 июня, у Бессонова — вдогонку.

В шуточных лицейских приколах на тетрадных листочках весной 1997 года Арсений прошелся по теме:

*Тот поэт, он родился шестого.
Я же, можно сказать, день спустя.
Кто из нас написал «Годунова»?
Все равно. Просто он — это я.
Спой мне песню о том, как синица
На дремучем Урале жила.
Тебе Кама студеная снится,
Мне — над Черною речкою мгла.*

У поэта свое время, своя память и своя, с темным клетком косой волны, печальная мгла на прощальном берегу. В двадцать четыре года Арсения не стало. В этом году ему исполнилось бы 30 лет. Сегодня многие его стихи работают со светом из непостижимой бездны. Когда-то он написал пронзительное стихотворение, представив дату своего дня рождения в виде телефонного номера 07-06-81. Звонок из июня 2000 года по «телефонной книге Божьей», туда, в обратное время, быть может, за час до своего рождения.

Или последнее его стихотворение, с другим, провидческим течением времени, вопреки общему ходу:

*Расскажи мне, судьба, подскажи,
До которой дойду межю.
Отведи ты меня в сторонку,
Дай прочесть мою похоронку,
Где указан последний шаг,
Год и месяц, число и место.
А за что — знаю я и так...*

Человек интеллигентный, скромный, он находил самые точные определения самому себе. Однажды он сказал: «Все, о чем хотелось бы выговориться, содержится в нескольких моих стихотворениях. Умному достаточно. Вернее, понимающему. Понимающих, кстати, много не бывает. И слава Богу».

Владислав Дрожащих

Рождение нежности

Почему с желчной болью набухших желез
Просыпается мальчик, краснея до слез,
Лет в тринадцать-четырнадцать, дни пубертата,
И боится, не зная, что просто так надо,
Что теперь все иначе, все просто всерьез?

Не от страха ль железа волнение желез? —
 Страха жернова жизни железных колес,
 Перед жерновом тяжким железного века
 И железной рукою того дровосека,
 Чьи не ржавые нервы не ведают слез?

Плачьте, железы детства, бессмертной весны,
 Напрягайтесь страданием дрожащей струны
 Иль мехов той надрывно-раздольной гармонии,
 Пусть текут из мехов ваших с болью гормоны
 Током семени, слез и бурлящей слюны.

Где там млечная речка с кисельной волной?
 Андрогенов потоки по крови большой
 Разливаются, мышцы лица сочетая
 В отвращенья гримасу, и страхи глотая,
 Ты заносишь кулак над чужою десной.

Успокойся, постой! Ведь услышать легко
 Через скрежет железных миров, далеко —
 Шепот: «Милый!», чужое живое дыханье...
 И прольется по деснам родного созданья
 Теплой струйкой чужой железы молоко.

7 июня 1981 года

Звони туда, где нет еще в помине
 Того, зовут кого Арсений ныне.
 Ты номер запиши — он пригодится:
 Ноль-семь, ноль-шесть, восьмерка, единица.
 Звони скорее туда, без страха и оглядки,
 Пообещай, что будет все в порядке...
 Ведь там у вас двухтысячный в разгаре,
 А тот Арсений — он стоит на тротуаре.
 И рядом ты стоишь, и все прекрасно,
 И он по улице не мечется напрасно.
 Не говори, что трудно прозвониться:
 Ноль-семь, ноль-шесть, восьмерка с единицей.
 Пospорим, что я все начну сначала
 (Плевать, что там беда наобещала!) —
 Я вырасту другим — таким, как надо,
 Как конь не для войны, а для парада —
 Высоким, сильным, радостным счастливецом...
 Ноль-семь, ноль-шесть, восьмерка с единицей...
 Послушай, там июнь у нас пригожий,
 До моего рожденья — час, быть может...
 А сколько до тебя? Скажи твой номер!

Он до или после? Сбоку, мимо, кроме?
 Но видно, в телефонной книге Божьей
 Стоим по номерам мы рядом все же.
 Ну, а поля той книги — все в картинках:
 Легки — смешные рожи — на поминках...
 Ну кто там в трубке телефонной плачет?
 Скажи, не я? Ведь можно все иначе!
 Ведь все не может снова повториться:
 Ноль-семь, ноль-шесть, восьмерка, единица...

***

Разве Моцарта ты не встречал
 На заснеженных улицах наших?
 Ты его не касался плеча?
 И о нем ты не слыхивал даже?

Вот он движется с белым шарфом,
 Светлым хайром и ангельским ликом,
 И весь город — не больше, чем фон,
 Где он солнечным мечется бликом.

Сад камней и трамвайный вагон,
 Электричка, ступени вокзала...
 И для Моцарта все мы кругом
 Предстаем лишь нечаянным залом.

Что же дышит он так тяжело
 С тонким легким как флейтой волшебной?
 Вот чужое дыханье легло
 На струну этой флейты душевной:

«Кто-то вздохнул за стеной...
 Брошенный, слабый, больной?
 Что нам за дело? Что нам за дело?
 Кто-то вздохнул над струной...»

Чудо-флейта одышкой больна,
 Принимая печаль ежечасно.
 Чудо-струны изводит она —
 Всех кручин неопознанных астма.

А по залу бежит шепоток:
 — Этот Моцарт...он — просто везунчик.
 Ему дать...ну, хотя бы глоток
 Нашей жизни меж днями получек.
 — От рождения все получил:

Вундеркинд... И лицо херувима.
Все легко — без борьбы, без кручин.
Если б нам так! Ах, мимо, все — мимо!

...В строгом торге, что жизнью зовем,
Все оплачено потом и плачем.
Не гоните ж мечом и огнем
Эту легкость без платы и сдачи!

Чем судить музыканта в таком
Мире душном, неладном-нескладном,
Напоить бы его молоком
Только — детским, бесплатным.

Но слышишь?...
«Кто-то вздохнул за стеной...
Кто-то вздохнул... Бог ты мой!»

***

Мне сталь простых людей —
Защита и опора
От самых первых дней
По нынешнюю пору.

Пусть нет для них стихов,
Пусть мир их прост и душен —
Всегда теплей их кров
Среди дождя и стужи.

Чем проще, тем стальной,
И чем стальной, тем проще —
Пусть хворост, как елей,
На Яна Гуса мощи.

Чем проще, тем стальной,
Но все же нет защиты:
Чем проще, тем больней,
И смысла не ищи ты.

Ведь ты играть готов:
Игра — твоё оружие
Из масок, слов, стихов
В борьбе против удушья.

А им лишь — немота,
И в немоте — удушье.
Святая простота —
Как Рыба-Кит на суше.

Наш крест — один на всех.
Им — немота в придачу.
И плач их — как и смех —
Дороже он оплачен!

Их боль в годах и днях —
Растрчиваться в муках
В друзьях и сыновьях,
И в дочерях, и внуках.

А наша боль — фигня:
Игра смягчает краски.
Нам не прожить и дня
Без этой нашей маски —
Без театральной маски —
Без кислородной маски.

Нетерпение

Всякий ждущий — мой коллега —
Снегом сретенья простужен
В ожиданьи человека,
Что мне нужен.

Ночью улицы короче —
Перекрестки, переулки.
К сретенью шаги по ночи
Гулки, гулки.

Так несю я свою ношу
По тропинке безвозвратной.
Звезды, иже мя vedoша,
Где же брат мой?

Распахнет он, знаю, дверь мне,
Чтоб я был теплом излечен,
Хоть платить мне за доверье —
Нечем, нечем.

Руку мне протянет некто...
 – Ты скажи, ведь это будет?
 – Комсомольского проспекта
 Шум рассудит.

Пермских улиц ранний вечер,
 Переходы универа...
 Не растай в предвесье встречи,
 Моя вера.

Станет сретенским мне каждый
 Дом, проспект, весь город зимний,
 И весь шар земной однажды,
 Синий-синий.

Опусти мне шар в ладони,
 Жар больной руки на плечи.
 Помнишь, ангел на иконе
 Шел навстречу?

Если встречи не дождался,
 Заплати надежде пеню —
 Слишком рано ты поддался
 Нетерпенью.

Нетерпенью, недоверью...
 Жди, и будет, будет час твой,
 И услышишь ты за дверью:
 Просто: «Здравствуй!»

***

Дети и звери, играйте потише, потише,
 Ведь Бог — он уснул.
 Пусть же он спит, и не слышит, не слышит, не слышит
 Наш плачущий гул.

Пусть же он спит, и не слышит, не видит, не внемлет
 Стенаньям людским,
 Пусть ему снится блаженный, неложный, нетленный
 Наш мир без тоски.

Мальчик Адам там с беспечной девчонкою Евой
 Играют в саду.
 Ветви беспечные вечного доброго древа
 Отводят беду.

Все позабыто: искус, да и плод запрещенный,
 И Бог-конвоир.
 Все понимает беспечный, молочный, прощенный
 Прощающий мир.

Он, яко матери, надеждой пьянящей, нетрезвой
 Своих кормит чад.
 Значит, не будет надломов, обломов, надрезов,
 Надрывов, надсад?

Слушай, ведь мой это голос мальчишеский, звонкий
 Колышет цветы...
 Все поправимо... Ведь я — тот наивный мальчонка,
 А девочка — ты.

Авель, где брат твой?

В тихом проулке, где-то за школой,
 С радостным шумом, с яростью звонкой
 Школьники дружно, стайкой веселой
 Пиздят мальчонку.

Как же суров ботинок из замши —
 К черту все болевые пороги!
 Сверстники наши, Каины наши,
 Как же вы строги!

Хилые плечи, тонкий очкарик,
 Вечная жертва жизни ты ратной.
 Маленький в джунглях темных фонарик,
 Авель, где брат твой?

Брат не по крови и не по росту —
 Брат по беде, воде и по хлебу,
 Брат по верности и по сиротству —
 Был он иль не был?

Ближние лица, дальние лица —
 К дому бредешь дорогой обратной,
 Снег на рукав измятый ложится...
 Где же он, брат твой?

Бомж у подъезда в стертых обносках —
 Город от слез и водки соловый,
 Мент одинокий у перекрестка —
 Город суровый.

Кровь на губах твоих остывает,
Снежные крылья ветер расправил —
Гудом столбов тебя закликает:
«Где же он, Авель?»

Памяти Александра Галича

Под гулкое гуденье самолета
«Москва — Париж» он спит и видит что-то
Из памятных приплывшее времен,
Как будто первых струн аккорды, ноты
Вторгаются в изгнаннический сон:

Караганда, жара и дом с забором,
Где плачет вечерами дочь комкора,
Отправленная ссылкой в Казахстан,
И засыпая рядом с хахалем-шофером,
Она вдруг видит хмурый, снежный город:
То Ленинград, а может, Магадан.

Потом ей снится некий Гинзбург Саша,
Стоящий вместе с девочкою Дашей
В Одессе, в море, в пахнущем саду.
Он будто никогда не станет старше,
И не узнает, что такое «страшно»
И не напишет про Караганду.

Еще никто не знает про Освенцим,
И грузом не висят над чьим-то сердцем
Слова «Инта», «Караганда» и «Княж-Погост»,
И самолет бумажный взмахом детским
Он запускает, приподнявшись во весь рост.

А самолетик поднимается все выше,
И с лайнером встречаясь над Парижем,
Рождает электрический разряд.
И вот Париж, отель и гул над крышей,
Но ничего он больше не услышит:
В руке обугленной смертельный провод сжат.

Круглый стол / Книгоиздание в Перми

Кому и зачем сегодня нужна пермская литература

Книги самых известных пермских писателей Нины Горлановой и Алексея Иванова гораздо чаще выходят в Москве и Санкт-Петербурге. Произведения молодых авторов (Дарья Тамирова, Алексей Лукьянов и др.) — тоже. Но так было не всегда. В середине прошлого века книги пермских авторов печатались в регионе. Однако в девяностые, после развала Пермского книжного издательства, произошла настоящая гуманитарная катастрофа. Попытку ненадолго исправить ситуацию предпринял фонд культуры «Юртин». В середине девяностых — начале двухтысячных фонд выпустил несколько прозаических и поэтических книг, в том числе начинающих авторов. Однако уже в новом тысячелетии издательства практически перестали печатать местную литературу. Пермь стала настоящей литературной провинцией. Журнал «Вещь» инициировал круглый стол «Кому и зачем сегодня нужна пермская литература».

Участники круглого стола:

1. Ирина Артемова, директор издательства «Книжная площадь»
2. Ольга Данилова, издатель
3. Владимир Киршин, писатель
4. Олег Лейбович, профессор кафедры культурологи ПГИИК
5. Михаил Мальцев, директор независимого книжного магазина «Пиотровский»
6. Любовь Мильменко, драматург

Вопросы для обсуждения:

1. Что такое книга сегодня — продукт бизнеса или культуры?
2. Как активизировать книгоиздательскую и литературную жизнь в регионе?
3. Как бороться за внимание читателя?
4. Книжный рынок перенасыщен первоклассной зарубежной и отечественной литературой, какую нишу в этой системе координат занимает региональная?

Олег Лейбович, профессор кафедры культурологии ПГИИК:

Сегодня в массовом сознании книга является либо полезным инструментом, как, например, справочник, словарь или «самоучитель» вроде «Как обольстить 47 мужчин и выйти замуж», либо — развлечением. Студенты на вопрос «Где вы обычно берете книги?» отвечают: «У бабушки». Круг читателей стремительно сужается.

На западе есть распространенная система, когда фрагменты книги выкладываются на Amazon.com. Если фрагмент книги понравился, пользователь имеет возможность ее заказать. В Перми пока по такой схеме не работают. У нас и магазинов электронных книг нет. В Перми ни один издатель не сделал хорошую, качественную библиотеку электронную пермской литературы.

Помимо электронной библиотеки, можно попробовать создать сеть пермских книжных магазинов. Кроме магазина «Пиотровский», ничего другого у нас нет. Книжка — это в том числе и бизнес. Если попытаться работать в этом направлении, может что-то получиться.

Еще один важный момент: в городе никто не готовит книжных агентов. Известный писатель литературного агента найдет в столице, впрочем, если у него деньги есть. Литератор, не ориентирующийся в книжном рынке, агента не найдет ни в Москве, ни в Перми. Здесь у нас их просто нет.

Надо устанавливать нормальные экономические связи. Решить, как сделать так, чтобы рукопись пермского автора дошла до книгоиздателя и сетей. Потому что вариант с местными сетями не проходит — наших читателей не так много. Для нормальной книготорговли нужна инфраструктура, которой у нас нет. Есть два варианта решения этой проблемы: либо прилаживать сюда московскую инфраструктуру, либо — что значительно дороже — налаживать свою.

Что касается сотрудничества с властью, то пока что у нашего правящего класса интереса к книге и чтению нет. Они готовы давать деньги на спортивную организацию, на что угодно, только не на книгу. Власть интересна проектами, обещающими резонанс в референтных для нее группах. Литераторы, не получившие пропуск к большим премиям или не умеющие сделать скандал (читать: провокацию), их не интересуют.

Михаил Мальцев, директор независимого книжного магазина «Пиотровский»:

С пермскими издательствами мы не работаем, сотрудничаем с одиозным проектом «Пермь как текст», брошюрную продукцию нам поставляет издательство «Ладонь». Возможно, в городе и возникли издательства, печатающие серьезных пермских авторов, но за полтора года существования нашего магазина мы о них ничего не знаем.

В прошлом году в топ-100 лидеров продаж магазина «Пиотровский» вошли такие пермские авторы, как Алексей Иванов («Урал — Хребет России», «Сердце Пармы»), Владимир Абашев («Путешествие с доктором Живаго», «Пермь как текст»), Анна Сидякина («Маргиналы»), Сергей Комаров («Феноменология субъективности»), Олег Лейбович («В городе М»), Владимир Радкевич («Слово»), Иван Колпаков («Серф»), Юрий Асланьян («Территория Бога») Лев Баньковский («Пермистика»), Нина Горланова («Вся Пермь»), Светлана Федотова («Молотовский коктейль»).

Проблема в том, что сегодня в Перми нет ничего, что можно было бы сравнить с существовавшим ранее Пермским книжным издательством. Пока что речь идет об ограниченном во времени проекте: написали книгу — выпустили — продали. Если ситуация с издательским делом в Перми будет меняться, это будет очередной start-up. Потому что существовавшая ранее традиция прервалась. Ее можно возродить, но не продолжить. Начинать придется с нуля. Значит, и стартаперский проект должен быть довольно мощный, во главе его должен встать энергичный человек, обладающий как минимум хорошим литературным вкусом.

Каждое издательство должно находить новые имена и «раскручивать» их. В этом заключается смысл любого издательства. Пишущих и неизвестных людей в Перми нет. Существует старшее поколение писателей, но про него нет смысла говорить — оно уже сформировалось и реализовалось. И если запускать новый проект, то необходимо сделать ставку на молодые имена, старшие будут выполнять в нем функцию культурного бэкграунда.

Поэтому на вопрос, нужно ли пермское книгоиздание миллионному городу, отвечу: конечно, нужно! Проблема заключается в том, для чего это нужно. Если мы хотим сохранить

культурную модель, в центре которой стоит столица и вытягивает из провинции силы, тогда в региональных издательствах потребности нет. Если мы хотим опрокинуть эту схему, «распылить» силы, тогда да. Если ориентироваться на американскую систему, то там нет «столичных» авторов, есть писатели из Нью-Йорка, Сан-Франциско и т.д. Если мы хотим иметь такую модель книгоиздательства и культуры в целом, то необходимы люди для ее реализации.

Ольга Данилова, издатель:

Через наше издательство прошло большое количество пермских авторов. Поэтому вопрос, нужна ли пермская литература, не требует ответа. Нужно ответить на вопрос: нужна ли пермская книга? Сегодня на книжном рынке Перми востребована корпоративная и краеведческая литература. Это ниша региональных издательств, нормальный бизнес. Например, книгу «История промышленности Прикамья» не нужно реализовывать и тратиться на рекламу — это корпоративное издание.

Другое дело — художественная литература. Проблема здесь не со спросом, а с реализацией тиража. Например, мы можем напечатать книгу Алексея Иванова, но ни одна российская розничная сеть нас не пустит. А в Перми мы сможем продать от силы пять тысяч экземпляров. Так что перспективы для развития сектора художественной литературы в Перми я не вижу.

Есть прекрасная ниша — детская книга. Но она должна быть хорошо иллюстрирована, а это поднимает себестоимость. Допустим, себестоимость книги 200 рублей, а в магазине она будет стоить уже 500. Понятно, что покупатель не будет тратиться на такую книгу, потому что рядом на полке стоит книга московского издательства за 100 рублей.

Любовь Мульменко, драматург:

Главное не издать книгу, а найти аудиторию, которая хочет эту книгу получить. Если тебе удастся убедить издателя в том, что твой текст достоин того, чтобы его размножили и отправили в мир, но на деле он останется лежать мертвым грузом на полках, какой в этом смысл? Прежде чем думать о тиражах, надо найти себе канал для продвижения: блоги, литературные конкурсы, фестивали, например. Поиск реальных читателей — вот задача первой необходимости. Непосредственно издание книги — второй.

Ирина Артемова, директор издательства «Книжная площадь»:

Я понимаю, почему люди перестали читать. В книге мы ищем ответы на свои духовные вопросы, и если их не находим, литература нас не цепляет. Меня, как человека и издателя, интересует осмысление двух предыдущих десятилетий, которые мы пережили. Не станут же

потомки изучать историю нашего смутного времени по нынешним лживым газетам. Я бы хотела издать книгу, рассказывающую о той трагедии, которую пережила моя страна и край. О трагедии маленького человека, чья судьба неразрывно связана с судьбой родины. Но кто-нибудь из пермских писателей написал об этом? Нет! Вот когда появится такой текст, будут и деньги на его издание.

Средний возраст моего читателя — 50 лет. Сегодня молодежь не читает, она лишена доступа к информационному духовному потоку, формировавшемуся столетиями. Все, что связано с книгой, доставляет мне огромную радость. Но в Перми книгоиздание — не бизнес, а миссия. Поэтический сборник Владислава Дрожащих «Рифейские строфы» мое издательство выпустило за свой счет, гранта не хватало даже на полиграфию. Роман Юрия Асланьяна «Территория Бога» мы отпечатали в долг, который вернули после продажи части тиража. Книга Михаила Осоргина «Времена» тоже была издана в долг. Проблем с его возвратом не было, книга прекрасно расходуется.

Не имеет смысла надеяться на поддержку местной власти, которая, судя по всему, не читает ничего, кроме того, что сама пишет. Нужно понимать, на каком уровне развития находятся эти люди.

Владимир Киришин, писатель:

На вопрос, кому и зачем нужна пермская литература, я ответил бы так: она нужна лично мне. Это способ моего существования. С помощью литературы я понимаю окружающий мир и себя. Все мои произведения — создание реальности, которая мне нравится.

Каждый художник создает свою реальность. Он называет вещи своими именами и присваивает их. Отсюда два вывода: чем хуже реальность — тем лучше литература. Для литературы это идеальные условия. Потому что ее покидают случайные люди, те, кто занимается ей для заработка. Остаются рыцари, которые создают свой язык.

Книгоиздание — это один из аспектов большого процесса, в который включаются несколько компонентов — читатель, издатель и спрос. Если вы интересуетесь этим бизнесом, то начинать нужно с воспитания читателя со школы и детского сада.

Первоочитатель

Надежда Николаевна Гашева — литературный редактор, заслуженный работник культуры РФ, член Союза журналистов России — отмечает 70-летний юбилей. Тридцать лет она работала редактором Пермского книжного издательства до его закрытия в середине девяностых.

За это время Надежда Гашева редактировала произведения пермских поэтов и прозаиков (Алексея Решетова, Льва Давыдычева, Дмитрия Ризова, Леонида Юзефовича, Нины Горлановой), а также книги молодых писателей (Юрия Асланьяна, Владимира Киршина, Алексея Иванова).

Из-под ее пера вышло множество статей и сценариев телефильмов о творчестве пермских авторов. Вместе с Ксенией Гашевой редактировала серию «Пермь как текст».

По просьбе жургала «Вещь» друзья Надежды Николаевны поздравляют лучшего пермского редактора с юбилеем.

Золотое свечение

Надежда Николаевна Гашева... Для нас, пермских шестидесятников — Надя Гашева. В начале этого десятилетия время, пользуясь словами Тынянова, «радостно шагало по площади», а в конце — оно «бежало маленькими шажками». В «глухоту паучью» влетело наше поколение, в котором Надя находила «золотое сечение» — это выражение она очень любила в ту пору. Что это такое, никто толком не знал. Может быть, лучше сказать — «золотое свечение»? Понимали, конечно, что это не просто отношение частей, а «божественная гармония». А Леша Решетов сказал совсем просто: есть точняк, и есть фальшак:

— Если есть дар, с этим рожатся. Это единственно точный разговор, потому что творчество, как и наука, познание — понятие философское. Что такое философия — вы знаете. Это такая же загадка, как и вся жизнь. Если люди поймут смысл — все полетит к чертовой матери. Творчество — это взгляд и передача взгляда. Но что внутри этого — никто не знает. Не надо ничего ожидать определенного. Поэт работает в одиночестве. С ним говорить или поздно, или рано. Ему невозможно помочь в процессе работы. Подсознание невозможно улучшить никакими разговорами. Мы дожили до предельного ханжества, притворства. Мы не понимаем синтаксиса Пастернака. Безграмотность современного чувства — невозможность пойти ва-банк...

В хоккее была когда-то «радарная тройка» — Михайлов, Петров, Харламов. Они находили друг друга на площадке с закрытыми глазами. Так же понимали друг друга Надежда Гашева и Алексей Решетов — земляки, березниковцы, родные души. «Мне так с тобой не одиноко было» — эти слова Леши дорогого стоят. Редактирование Надя понимает как сотворчество, ради которого она пренебрегла собственным литературным дарованием — редчайший случай! Она так выстраивала решетовские сборники, что ни единого шва не видно. Даже названия складывались в поэтический ряд — от «Белого листа» до «Темных светов». Только у московских сборников безликие названия — «Лирика», «Избранное».

Все же умудрились неистовые ревнителю испортить даже такую классику, как стихотворение «Рябиновый сад»:

*Лежу на больничной постели,
Мне снится рябиновый сад.
Листочки уже облетели,
А красные гроздьи — висят.
И мать говорит мне:
— Мой мальчик,
Запомни, когда я уйду,
Что жизнь наша горче и ярче.
Чем ягоды в этом саду.*

Как это — «жизнь наша горче и ярче»? И заменили — «Что жизнь и с горчинкою ярче...» Фальшак! И Решетов рвал по диагонали сборник с «горчинкой». Надя его утешала как могла — однажды нашла в луже игрушечного солдатику и подарила Леше — как же он обрадовался!

В войну в Березниках маленькая Надя была на сцене Мариинки в качестве сына мадам Баттерфляй. Музыка ей так нравилась, что она плакала от радости. Вот он откуда — абсолютный слух, точняк.

Надежда Николаевна с Львом Давыдычевым

А. Решетов, Н. Гашева, В. Радкевич

Книжное начальство и в Перми не очень понимало последнего великого лирика в русской поэзии двадцатого века. Придирались даже к «заиндевавшему громкоговорителю». Хотя Надя и прятала самые печальные строчки, но, по ее словам, в «Чаше» из верстки хотели изъять полтора десятка стихотворений — «пятую колонну», как опасно шутил Роберт Белов. Опомнились, когда Решетов сказал: «Тогда забираю текст».

После переезда Леши в Екатеринбург Надя с горечью сказала: «Там-то сразу поняли, что за райская птица к ним залетела. Он и хмельной вставал, когда в комнату входила женщина».

Какая радость была, когда от Нади и Володи Михайлюка я узнавал новые стихи Решетова. Говорят, Твардовский, когда заполучил текст «Ивана Денисовича», набитый на слепой копирке, приехал домой и начал читать только после того, как принял душ и надел лучший костюм. Его можно понять.

Гашевы, я думаю, самая литературная семья в Перми — у них принято читать книги вслух, к примеру, собрание сочинений Диккенса. Традиция идет от Надиного папы, Николая Павловича, к Надежде и Борису, к их дочери Ксении и внучке Кате.

Я помню замечательную программу «Собеседник», которую Надя вела на телевидении. Как-то у нее была встреча с Викторией Токаревой.

- Когда вы начинали, было понимание, что вы входите в великую русскую литературу?
- Ни о чем таком я не думала. Иначе не села бы за письменный стол.
- Наши великие это сознавали?
- Чехов был болен и сознавал, что очень болен.
- Урал вы почувствовали?
- Ничего я не почувствовала.

Страна, великая своей литературой, — за спиной Надежды Гашевой. В глухое время в глухой провинции она вытянула замечательную малоформатную библиотеку русской поэзии. Есть люди, и я в том числе, которые не могут выйти из дома без маленького томика стихов этой серии в кармане. По этим книгам люди узнают: «Так вы из Перми?»

Последняя, еще незавершенная работа Надежды и Ксении Гашевых — двенадцатитомный проект Алексея Иванова «Пермь как текст». Я — свидетель безоглядного, вдохновенного, в высшей степени профессионального труда без праздников и выходных — дома, в библиотеках, архивах. И вдруг — работу авторов, редакторов, художников, корректоров торпедировали воруги...

Гашевы — гордые. Борис, царство ему небесное, говаривал: «Мы, Гашевы, бедные, но гордые». Катю нарекли Ксенией, как маму, но она, осознав себя, твердо сказала: «Меня зовут Катей».

Помнится, на кухне у Гашевых висел портрет Гамлета с лицом художника Вагина — работа Кадочникова. Гамлет гордо сидит в кресле, придвинув ногу со скинутой туфлей поближе к рефлектору...

Зиновий Гердт отвел на гашевской кухне душу — «Ведь в Москве домашние не дают мне читать стихи».

Еще — о гашевском семейном, сродни гашековскому, юморе.

– Мы, Гашевы, ничего, абсолютно ничего не имеем против Сережи Эфрона.

– Сегодня я Рахметов. Что-то в спину вступило.

Боря собирал заголовки в газетах, придуманные бодрячками:

«Есть сто миллионов!», «Принимай, Родина, концентрированную серную кислоту!»

Сам я очень многим обязан Наде. Первая моя книжечка стихов вышла в 1967 году — на излете оттепели, когда время шло уже «маленькими шажками». Из Москвы пришел отрицательный отзыв, но Надя положила его в сейф, рискуя своей работой и положением.

Телефонный разговор:

– Надя, повесть закончил!

– Пришли.

– Еще сырая.

– Все равно пришли.

После нескольких заходов:

– Вроде прилично.

О чем еще и мечтать?

Вроде бы в шутку кто-то сказал:

– Надь, таких, как ты, надо заносить в Красную книгу. Ты — духовное богатство нашей ноосферы.

А ведь так оно и есть.

Семен Ваксман

Читатель и хранитель

Я помню ее сначала школьницей, когда пришла в ее десятый класс на практику, потом на университетских вечерах, когда бесстрашная, решительная студентка Надя Пермякова, едва ли не встав на стул, читала свои бесстрашные, решительные стихи. А потом этот человек, пройдя короткую, но значимую школу радиожурналистики, оказался за соседним столом в Пермском книжном издательстве (и пребывал рядом больше тридцати лет).

Надежде Гашевой, обладателю безупречного вкуса, издательство обязано тем, что в самые плодотворные для пермской книги годы оно питалось ее богатейшим творческим потенциалом. Чего стоит одна только малоформатная библиотека русской и советской поэзии, для которой она составила десятки томов!

А многие и многие пермские поэты и прозаики обязаны ей литературной судьбой.

Своим другом называл ее гениальный Алексей Решетов. По праву этой дружбы она была первочитателем и хранителем его стихов. Записывала их почти по памяти и сберегала. До будущих публикаций.

Когда-то давно в один из трудовых юбилеев мы вручили ей шутивное послание:

На мероприятии

*Тридцать лет! Наказанье какое!
Среди гениев и дураков!
Старый зэк помотает башкою:
«Не бывает таких сроков».
Но за строчкой бежит строка,
И растут, и растут срока.
Но встает за томиком том,
Как встает за домиком дом,
И клубится над крышей дымок,
А над книгой — чей-то умок.
В доме жизнь идет не спеша,
В томе мается чья-то душа,
Чтобы маленький тот умок
Стать свободным и смелым мог.
И — пускай не слабеет рука.
И — пожизненны те срока.*

Провидческое получилось поздравление. Срок и вправду оказался пожизненным. А судьба — счастливой.

Альмира Зебзеева

Царский аскетизм

Мне не надо долго «крутить» мозгами, чтобы точно и кратко — одним словом — сказать о Наде Гашевой. Это — элита, тот отборный человеческий материал, который сегодня в контексте тотальной пошлости, бездарности и всяческого омерзения, паскудного делячества и преступного «рынка» ценностей является последним островом, где ничто не продается и не обменивается, где не звенит несправедливый металл, где не конвертируются ни вещи, ни идеи, где невозможен никакой бартер. Чем дальше, тем отчетливее это проявляется.

Нынче ведь в элиту записалась «нечистая на руку чернь» (по меткой реплике замечательного нашего Юрия Норштейна) и хлынуло все «национальное отребье» (по злому суду ученого Бестужева-Лады). Именно так оно и есть — чернь и отребье, и комментарии тут излишни. Но, слава Богу, есть еще очаги, островки, куски суши, куда черни нет доступа. Потому и надежда есть, что, возможно, сохранимся, не скурвимся окончательно, не сдохнем по-собачьи.

Н. Гашева в редакции

Это я все про Надю Гашеву, про ее Дом, про ее корни, стиль, личность. Царский аскетизм ее жилища, где книга как главный предметный мир, Слово как знак духа, общения, речи, близкие люди, родные по душевному стилю, — вот и вся собственность, единственная недвижимая с ее беспредельными смыслами, надежностью и постоянством. Пока в круге Перми есть Надя, будут живы этот город, страна, мир, потому что будут живы дух, культура, совесть, внутренняя свобода и свет.

А это и есть элита — настоящая, подлинная, а не та, которая чернь, в спешке покинувшая харчевню и лакейскую. Элита, за которую не стыдно, элита, за которой достоинство, честь и высота духа. Стало быть, и будущее.

Нина Васильева

Надежда в рубашке апаш

*Прощайте, говорю, я положу
На память о себе в ладони дня
Один листок, которым дорожу,
Один билет, который ждал меня.*

В Перми, в юности, я была влюблена в круг людей, с которыми встретила, когда принесла свои первые стихи в Пермское книжное издательство. Я полюбила свободу, благородство и высоту устремлений ума и душевных порывов, которые царили тогда в достаточно узком, но очень ярком кругу. Это были поэты, прозаики, филологи, редакторы книжного издательства.

Мои слова кому-то могут показаться сегодня выпенными, особенно если вспомнить, какое тогда было время. Но именно во времена тотальной фальши и цензуры перечисленные качества нового для меня круга проступали особенно ярко. Интеллектуальным его центром — во всяком случае, для меня — была Надежда Гашева. Она как бы воплощала в себе дух немыслимой по тем временам преданности русской словесности, и прежде всего — свободному и прекрасному русскому стиху. Любить русскую поэзию и знать ее — не всегда одно и то же. Надежда и любила, и знала...

Помню, как однажды мы, несколько молодых поэтесс, бежали из парка культуры и отдыха имени Горького от дождя, прервавшего фотосъемку. Эдуард Котляков, фотограф, снимавший нас для сборника «Княженика», улепетывал, пряча камеру, вместе с нами. Нам было весело, мы влетели в издательство. Оно размещалось в круглой пристройке к странному дому на Карла Маркса. Рассказывали, что дом был построен в тридцатые годы, он должен был стать как бы буквой «С» в слове «СТАЛИН», все слово можно было бы прочесть разве что с самолета... Но остальные дома в виде букв «Т», «А», «Л», «И», «Н» — построены не были. Возможно, помешала война... Так вот, я снова, как сорок лет назад, отчетливо вижу: в круглой «блямбочке» к букве «С», в Пермском книжном издательстве, в коридоре или в холле, а проще — в курилке, сидит Надежда Гашева за шатким пирамидальным столиком, курит и что-то пишет. Вот мы вбежали, она поднимает лицо от листка, вскидывает на нас зоркие, золотистые глаза, и волосы у нее золотятся, а челка — как у Цветаевой, и дым от папироски вьется... Вот она читает нам только что написанные стихи... Еще через минуту, подведя Надю к окну, Котляков снял ее чуть запотевшим от дождя объективом.

Этот снимок и вошел в «Княженику». Надежда была автором идеи, редактором и одной из участниц первого в истории пермской книги сборника стихов молодых поэтесс. И, кажется, последнего. Но любители поэзии хранят «Княженику» до сих пор!

Надежда любила в те времена носить белые рубашки апаш... Слово это, как я недавно узнала, означает «хулиган»... Вот странно... Я-то многие годы думала, что оно происходит от французского «а паж», потому что Надежда Гашева, носившая их, как раз и была — паж. Маленький, хрупкий, светловолосый, непреклонный паж русской словесности в закрытом от мира, приГулаговском городе...

Анна Бердичевская

Она мой друг

Надеюсь, за полсотни лет плечо о плечо сделано что-нибудь достойное и приметное по жизни и в работе.

Но я не про это. Про то лучше сумеют сказать другие. Особенно о ее нынешних делах, о которых я знаю лишь понаслышке. Она мой друг. Надюша уже очень давненько назвалась моею сестренкой, и, к радости и гордости моей, от этого не отпирается и досель. А свою прекрасную потимицу Ксению зовет моею крестною дочерью.

Но даже я и не про это. У Надюши всегда было и есть множество многоценных и верных друзей: из старинных — Лева Давыдычев, Семен Гурвиц, Леша Решетов, Витя Болотов, Семен Ваксман, Лина Кертман, Мариша Лебедева, Ира Христолюбова, Владимир Михайлюк, Нина Чернец. Из значительно более молодых и сегодняшних: Юры Асланьян и Беликов, Алексей Иванов, Паша Чечеткин; кого навскидку запамятовал — Бог уж простит. Молодости молодых, разумеется, завидую.

Но даже и не про это. У нас существует документально не доказуемый миф, что Пермь — город чеховских «Трех сестер». Но вот великолепное семейство Гашевых — это вам никакая не мифологема. Оно существует как дружество трех очень разновозрастных сестер: мать-дочь-внучка, роднящихся еще и общей духовностью, и преданностью, и способностью к деятельной литературе. Вот Пермь — их город. Они, кстате сказать, по происхождению женской линии — Пермяковы.

И еще одно. У Леша Решетова есть стихотворение, Надюше посвященное, начинающееся строкой:

*Хочу, чтоб только ты глаза мои закрыла,
Когда пробьют часы, когда блеснет коса.*

Очевидно, что писано оно на пределе беспредельной влюбленности. Не смею без Лешки судить, насколько оно по своему происхождению чувственно, но берусь утверждать, что это окончательный предел верности человеку огромной значительности, в том числе и в твоей собственной жизни.

И вот что тут, на мой взгляд, особенно примечательно: это предел дружественности по отношению к женщине. А клянусь, женщина-друг для мужиков — это редкостней и весомей, чем привычные мужичьи дружбы.

Надюша мой друг. Верный духовник, советчик, помощник, неизменный обоюдодобровольный редактор и задушевница.

Роберт Белов

Критика / Арт

Анна Суворова

Художники и «Нехудожники»

Искусство Перми: 1986-1993 гг.

Начало перестройки в Перми отмечено активизацией художественной жизни. Со стороны власти были предприняты серьезные шаги по актуализации художественного дискурса. Значительные трансформации претерпела сфера музыкальной жизни — именно она стала тем полем, в котором властью были предприняты шаги сближения с «новыми веяниями».

Власть стремилась работать с «творческой молодежью»: в 1986 году в СССР проходит Первый Всероссийский фестиваль творческой молодежи «Молодые таланты России»; в 1987 году Пермь подхватывает руководящую линию — в городе проходит фестиваль творческой молодежи. Годом позже, в 1988 году, в стране состоится уже Международный фестиваль творческой молодежи социалистических стран.

Сфера изобразительного искусства, до перестройки бывшая одним из принципиальных проводников властного дискурса, продолжает находиться под контролем государства.

В Советском Союзе периода перестройки, как и в 1960-е — 1970-е, продолжают проходить традиционные зональные, республиканские и всесоюзные отчетные выставки. Их общий пафос направлен на формирование у творческого сообщества увереннос-

ти в том, что «в искусстве нет периферии», а народный художник Сергей Ткачев традиционно и примиряюще отмечает высокий и равный уровень всех участников.

Ситуация «двойного нуля»

В 1986 году пермские художники, как обычно, принимают участие в VII республиканской выставке «Советская Россия». На ней были представлены работы 15 пермских авторов. Общая интенция власти была направлена на включение молодых художников в художественный процесс СССР — власти было важно работать с молодежью; от 1970-х осталось ощущение «потерянного», не уловленного идеологией поколения. Поэтому во второй половине 1980-х годов на страницах художественной критики и отчетов пленумов СХ уже привычно приветствуют молодых. На выставке 1986 года были отмечены график Игорь Одинцов, живописец-монументалист Рудольф Веденеев и художник декоративно-прикладного искусства Владимир Острижнов.

В официальных сводках художественной жизни Перми в 1986 году все шло, казалось бы, своим чередом. Художник Евгений Широков на персональной выставке, посвя-

щенной XXVII съезду партии, представляет картину «Ленин на конгрессе Коминтерна», встречается с делегатами съезда, получает звание народного художника СССР¹. Связка этих событий повторяет сложившийся в советском искусстве порядок вещей: «искусство = идеология».

Однако тиражированный — несмотря на профессионализм и «идейность» — язык искусства начал в это время вызывать раздражение среди художников. Председатель Пермской организации СХ Владимир Мальцев говорит: «Многие наши работы страдают приблизительностью. Умозрительно построенные сюжетные схемы, как правило, в разных вариациях повторяют друг друга [...]».²

Пермский Союз художников организует выставки молодых, в которых принимают участие Валентин Жданов, Наталья Кацпаржак, Анатолий Можарский, Валерий Подкуйко, Михаил Павлюкевич, Игорь Одинцов, Олег Перевошиков, Михаил Курушин, Ирина Лаврова. Уже маститый и заслуженный график Олег Коровин пишет: «Молодежь многое умеет и выглядит не хуже нас»³. Однако, большая часть перечисленной «молодежи» к этому времени уже формально потеряли статус молодых художников. Нового поколения в Союзе художников не было.

В информационно-рекламном листке, выпущенном в 1989 году к 50-летию Пермской организации Союза художников, приводится следующая статистика: количество членов — 65, средний возраст — 52,4, коли-

чество художников до 40 лет — 10.⁴ Причем, судя по отзывам, эта ситуация наиболее острой была в середине 1980-х годов в Перми: «В сравнении с другими организациями Союза художников мы сильно отстали в пополнении наших рядов [...] Драматичность сложившейся ситуации усиливается тем, что самое творчески активное ядро пермских художников приходится на предпенсионный и пенсионный возраст [...]».⁵

Постоянно отмечается отсутствие «живой преемственности среды, которая бы питала молодь».⁶ «Поэтому, наверное, даже среди тех, кого мы любим или к кому привыкли на выставках, больше половины корнями не отсюда, словом, — «варяги». [...] Пугающе выглядит тот факт, что до недавнего времени существовавшее при Пермском отделении Союза художников молодежное объединение, еще в 1978 году насчитывавшее 20 человек, теперь пребывает в состоянии «двойного нуля»; те, кому больше тридцати пяти, вышли из него по возрасту, нового же пополнения область не воспитала и не привезла», — так писал критик на страницах популярной молодежной газеты «Молодая гвардия».

Тревожные симптомы разрыва между поколениями и отсутствия молодых художников отмечает также и председатель правления Пермской организации СХ РСФСР Н. Хромов и член совета правления Игорь Одинцов. Приехав в 1988 году со Съезда СХ СССР, они говорят о том, что проблема отсутствия молодых мастеров в Союзе явля-

Фотодокументация акции «История художественных войн». 1991

На фотографии: Вячеслав Глушенко, Сергей Стаканов

Место проведения — Пермь, набережная Камы

Архив Семена Соснина

ется системной: «Острота этой проблемы — воспитание молодой смены — выявилась на съезде художников страны очень рельефно. Из 852 делегатов только двадцать восемь человек были моложе тридцати пяти лет. Ни один из них не был избран в состав правления творческого союза».⁷

Проблема отсутствия новых кадров была связана не только с отсутствием молодых: собственно СХ уже перестал привлекать творческие силы, престиж профессии художника стремительно падал: «сама организация пермских художников выросла только на одного человека — билет члена Союза художников РСФСР получил театральный художник В. Г. Герасименко».⁸

По мысли председателя Союза (а в 1988 году им был скульптор Николай Хромов) причина этого разрыва крылась не в кризисе ценностей, а в слабой мате-

риальной базе: «[...] За последнее десятилетие мы почти не приглашали молодых специалистов с высшим образованием, так как не имели возможность обеспечить их квартирами и мастерскими».⁹ Тем не менее, судя по принятым мерам (в период 1986-1988 гг. для живописцев и графиков было выделено двенадцать мастерских) и отсутствию изменений в ситуации, причина крылась не в «слабой материальной базе».¹⁰

Второй проблемой пополнения художественного сообщества называют отсутствие в городе художественного учебного заведения: «У нас нет и художественного училища — источника пополнения рядов художников за счет местной талантливой молодежи».¹¹ В 1988 году на отчетном собрании художников высказывалось предложение открыть художественный факультет

¹ Тагилова Н. Образ вождя революции [О картине Е. Широкова «Ленин на конгрессе Коминтерна»] — Веч. Пермь. — 1986. — 25 февр.

² Владимирова И. Высокое назначение художника: [Встреча худож. Перми с делегатами XXVII съезда]. — Звезда. — 1986. — 16 марта.

³ «Взвалить на свои плечи». [Из писем О. Д. Коровина брату Ювеналию Коровину]. — Веч. Пермь. — 1986. — 22 марта

⁴ Информационно-рекламный листок Пермской организации Союза художников РСФСР. / Ответственный за выпуск Н. Хромов. — Б. д.

⁵ Мальцев В. Быть не свидетелем, а участником: [о Перм. орг. СХ РСФСР]. — Веч. Пермь. — 1986. — 25 марта.

⁶ Макин В. Разрыв: Молодежн. объединение при Перм. отд. СХ находится в состоянии «двойного нуля». — Мол. гвардия. — 1987. — 27 дек.

⁷ Пирогов Н. Открыть новые имена: Творческий союз: проблемы воспитания молодой смены: [художников Прикамья]. — Веч. Пермь. — 1988. — 9 марта

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Пирогов Н. Открыть новые имена: Творческий союз: проблемы воспитания молодой смены: [художников Прикамья]. — Веч. Пермь. — 1988. — 9 марта

¹¹ Мальцев В. Быть не свидетелем, а участником: [о Перм. орг. СХ РСФСР]. — Веч. Пермь. — 1986. — 25 марта.

в институте культуры, но все же большинство художников сходилось на том, что «надо открыть, вернее, вернуть, в Пермь художественный техникум, который успешно работал в нашем городе вплоть до Великой Отечественной войны».¹²

Что говорили сами молодые художники о сложностях, с которыми они сталкиваются? На страницах юбилейного издания виден срез проблем молодых художников — тех немногих членов Союза в возрасте от 30 до 40 лет. Вячеслав Остапенко, в то время художник Пермского книжного издательства, говорит о «проблемах периферии»: отсутствии больших серьезных выставок, дефиците впечатлений, невозможности свободного передвижения и поездок за границу. Ему вторят Вадим Капридов и Александр Гнетов. Молодые художники говорят также и о напряженной атмосфере в Союзе художников.

Ощущение разрыва между уже существующим художественным сообществом и творческой молодежью было очевидным. Это противоречие выражалось в частых сессиях по поводу засилья бюрократии в Союзе художников. Критики связывали это с «драконовскими условиями членства в молодежном объединении при Союзе художников — возраст до 35 лет, наличие высшего художественного образования, участие в двух выставках».¹³

«Щедрость красок и свобода самовыражения»

В передовицах газет той эпохи писали: «Время диктует: вперед!». Сознание нового, «перестроечного» поколения будоражили открытия: авангарда, западной культуры, самих себя.

¹² Пирогов Н. Открыть новые имена: Творческий союз: проблемы воспитания молодой смены: [художников Прикамья]. — Веч. Пермь. — 1988. — 9 марта

¹³ Макин В. Разрыв: Молодежь. объединение при Перм. отд. СХ находится в состоянии «двойного нуля». — Мол. гвардия. — 1987. — 27 дек.

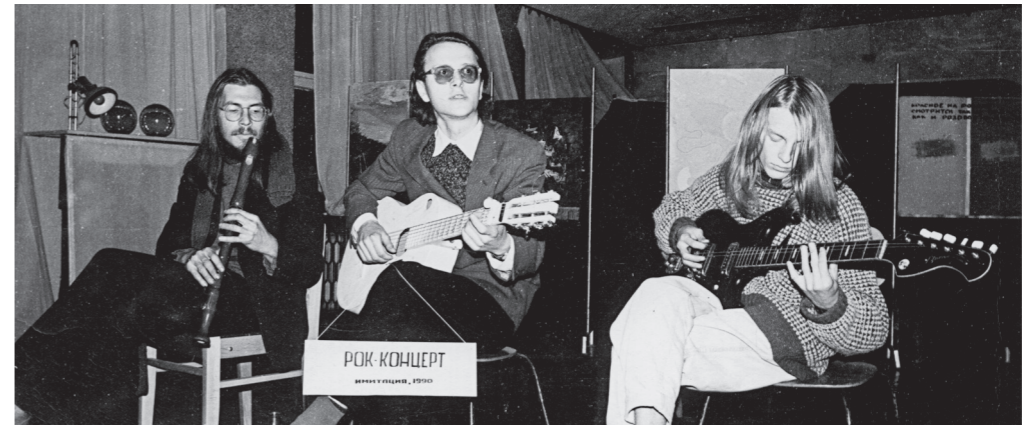
Эти процессы активно шли и в Перми. В 1986 году 27 мая в Перми был организован клуб любителей рок-музыки «БИТ», который собрал большое количество именно молодых любителей рока. Идейнными вдохновителями рок-клуба стали Борис Бейлин и Алексей Поломских. Через год в него вошло 160 человек.

Здесь в 1987 году проходит фестиваль творческой молодежи. В его программу были включены «Дни проблемного фильма»: в кинотеатре «Октябрь» на большом экране были показаны фильмы Андрея Тарковского «Сталкер» и «Страсти по Андрею», Федерико Феллини «И корабль плывет...», Тенгиза Абуладзе «Покаяние».

Тогда же, во второй половине 1980-х, актуальной оказывается проблема сохранения культурного наследия Перми и поиск забытых страниц истории края. В 1987 году начинают звучать призывы Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры сохранить «историческое ядро» Перми. Предпринимались попытки привлечь внимание горожан к этой проблеме. 29 августа 1987 года в 11 часов состоялся первый общегородской субботник по реставрации памятников истории и культуры, его первым объектом стала Вознесенская (Феодосиевская) церковь.

Именно в 1987 году формируется новая идентичность города: в Перми впервые проходят Дягилевские торжества, фестиваль «Телебалет-87». В Перми как будто бы заново открывается «балетная история»: в 1989 году в городе начал работу первый в России частный театр «Балет Евгения Панфилова», а в 1990-м был учрежден Международный конкурс артистов балета «Арабеск».

Тогда же в Перми прошла программная для художественного сообщества города выставка «Художники театра». Статус

Фотодокументация художественной акции «Рок-концерт. Имитация». 1990

Участники (слева направо): Алексей Поломских, Сергей Стаканов, Евгений Чичерин

Место проведения — Пермь, ДК Дзержинского

Архив Семена Соснина

«художник театра» в номенклатуре Союза художников был своего рода индульгенцией на возможность «левого высказывания», эксперимента с формой в искусстве. Хотя секция театральных художников была весьма немногочисленной (на 14 ноября 1989 года — 6 человек), выставка вызвала колоссальный резонанс. На выставке прошел двухдневный зональный семинар, в котором помимо художников Перми приняли участие также представители театров области, Свердловска, Челябинска; выступили с обсуждением московские искусствоведы.

На выставке произошла легитимизация нового языка и новых тем, это отмечали как художественные критики и искусствоведы, так и заинтересованные журналисты. Успех выставки среди профессионалов и явное изменение «духа времени» подчеркивает и то, что более половины работ были отобраны на зональную выставку.

Идеологическим вдохновителем и одной из центральных фигур выставки стал заслуженный деятель искусств РСФСР Юрий Лапшин, в то время председатель секции театральных художников Пермской организации СХ. Работам Лапшина был выделен целый зал Выставочного зала СХ, он представил серию «Театральные фантазии». Также критики отмечали «завораживающе притягательные декоративные работы» Вячеслава Смирнова.¹⁴ Как писали критики, в работах Николая Ломоносова, Юрия Лапшина, Волеслава Стенинга «...правдиво, целостно выражен мир чувств наших современников, людей именно 70-х годов».¹⁵

Выставка «Художники театра» стала не единственным ярким событием, на которое отреагировало художественное сообщество. Из череды произведений «правильного» сурового стиля критики и искусствоведы Перми выбирают наибо-

¹⁴ Масалкин К. Наряды для муз [о выставке «художники театра»]. — Мол. гвардия. — 1987. — 14 янв.

Серебрянская Г. Щедрость красок и фантазия [В ЦВЗ г. Перми открылась областная выставка «Художники театра»]. — Веч. Пермь. — 1987. — 15 янв.

Кальпиди В. Эскиз праздника. [о выставке «Художники Театра»]. — Мол. гвардия. — 1987. — 21 янв.

¹⁵ Серебрянская Г. Время диктует: вперед! [В Перми в рамках выставки «Художники театра» состоялся двухдневный зональный семинар.]. — Веч. Пермь. — 1987. — 6 февр.

лее нетривиальное и новое, еще недавно воспринимавшееся как очень спорное в художественном отношении. Одним из таких открытий 1980-х стал живописец Валерий Подкуйко: «Вспоминается, как непросто в начале 70-х годов Подкуйко входил в выставочную жизнь пермского Союза художников. Многих раздражала в его картинах озорная яркость красок. Иногда художника упрекали в отсутствии вкуса. Кому-то не нравилась ударно-размашистая манера письма, упрекали его иногда за вызывающе острую шаржированность портретов. Подкуйко слушал советы и работал истово и постоянно».¹⁶

Однако ситуацию в сфере искусства ни локальные «прорывы» в новую эстетику, ни лестные отзывы уже не могли исправить. Так, например, областную выставку в 1988 году решили не проводить по причине того, что выставка 1987 года «вызвала серьезные нарекания и зрителей, и искусствоведов».¹⁷

В поисках нового вектора развития Пермское отделение Союза художников в 1988 году вместо традиционной отчетной выставки проводит «Выставку четырнадцати». В ней приняли участие художники «поколения сорокалетних»: Валентин Жданов, Наталья Кацпаржак, Елена Кудрявцева, Михаил Курушин, Ирина Лаврова, Леонид Лемехов, Анатолий Можарский, Александр Новодворский, Игорь Одинцов, Михаил Павлюкевич, Олег Перевоицков, Анатолий Филимонов, Ольга и Николай Хромовы. «Считается, что поколение сорокалетних художников наиболее пассивно, ущербно, бесперспективно. Ведь период их станов-

ления пришелся на период застоя [...], — пишет в 1989 году искусствовед Ольга Власова — в их искусстве присутствуют и положительные, и отрицательные черты. Причем положительных, как мне кажется, больше».¹⁸

Несмотря на лояльный тон критиков по отношению к «новой форме» и множество мероприятий, молодежь больше не хотела входить в официальные союзы и отзываться на поиски талантов, проводимые по разнарядке «сверху».

«Выдумки и фантазии немного, но видно, что вы старались»

Критики и журналисты конца 1980-х все же отмечали, что творческая молодежь в Перми есть: «Недавно группа молодых художников организовалась при творческом объединении «Инициатива», есть уже первые результаты от такой сплоченности, проведена первая выставка их работ в холле кинотеатра «Искра». Но, по их же собственному признанию, многим из них необходим выход на возможность повышения своего уровня, через консультацию ли мэтра, либо через другие формы ученичества. Главное, что группа в несколько десятков человек существует, и, не выпячивая своих амбиций, заявляет, что ей нужна связь со «стариками» [...]».¹⁹

«Связь со «стариками» в данном случае скорее фигура речи, обязательная для обкатанных призывов искусства советского периода. Новое поколение, напротив, стремилось разорвать связи с, как им представлялось, костным и «замшелым», отмежевать-

¹⁶ Казаринова Н. В поисках своего пути [В ДК им. Ленина открыта выставка произведений В. Подкуйко]. — Веч. Пермь. — 1987. — 10 янв.

¹⁷ Пирогов Н. Открыть новые имена: Творческий союз: проблемы воспитания молодой смены: [художников Прикамья]. — Веч. Пермь. — 1988. — 9 марта

¹⁸ Власова О. Искусство пермских «сорокалетних». / Информационно-рекламный листок Пермской организации Союза художников РСФСР. / Ответственный за выпуск Н. Хромов. — Б. д.

¹⁹ Макин В. Разрыв: Молодежь. Объединение при Перм. отд. СХ находится в состоянии «двойного нуля». — Мол. гвардия. — 1987. — 27 дек.

Выставка «Искусство как преступление». 1993

Место проведения — Пермь, Дом актёра

На фотографии (слева направо): Наталья Остапенко, Вячеслав Смирнов, Вячеслав Остапенко, Павел Печенкин, Михаил Сурков, Александра Волик (Пестова), Вячеслав Дрожжиц, Виктор Семянников.

Архив Семена Соснина

ся от прежнего искусства и от традиционного художественного сообщества.

Да и сами «старики» от официального «союзнахудожнического» искусства не слишком интересовались, что делает творческая молодежь новой волны. Даже один из наиболее внимательных, много пишущих искусствоведов этого времени Ольга Власова ни разу не упоминает их в своих обзорах художественной жизни, хотя и констатирует интерес к авангарду: «Сейчас положение изменилось принципиально: показывать можно все. В Москве — уже несколько лет, у нас в Перми — года два. За последний год прошло несколько персональных авангардистских выставок, в том числе наших земляков В. Смирнова, Н. Гречкина, свердловчанина П. Малкова [...] Разговор, надеемся, продолжится на выставке молодых авангардистов — студентов Мухинского училища в Ленинграде. Причем многие из них пермяки и их работы уже в Перми».²⁰

Поля искусства по-прежнему оставались непроницаемыми и изолированными. Ис-

кусство молодых — художественные акции и объекты «Нехудожников» мыслились представителями «серьезного искусства» если не хулиганством и юношескими выходками, то уж точно чем-то маргинальным и ничемным. Это транслирует участник акций «Нехудожников» и один из самых глубоких критиков и констататоров процесса художественной жизни нового поколения поэт Дмитрий Долматов: «А все дело в том, что в Перми нет культуры андерграунда [...] Нет условий для его возникновения [...] Непрофессионализм и главный козырь, и главный прокол этого поколения, а творчество их — попытка выйти из-под «ассимилирующего» влияния культуры «восьмидесятников», занять место, которое им никто и не отвел, заранее вычеркнув из списка кандидатов».²¹

В 1990-м году в Доме журналиста проходит выставка «Нехудожников» — таково самоназвание группы, ядром которой были Михаил Сурков и Слава Глушенко; позже к ним присоединились Алексей Поломских и Сергей Стаканов (псевдоним Сергея Крюкова).

²⁰ О. Власова. «Художественное поле» авангарда [В ПГХГ открылась выставка «Дары Запада Советскому фонду культуры»]. — Веч. Пермь. — 1990. — 10 апр.

²¹ Долматов Д. Где та молодая шпана... — Мол. Гвардия. — 1991. — 14 янв.

Кто такие «Нехудожники» — друзья постмодернизма? Сейчас на этот вопрос сложно ответить даже участникам. Дело проясняет черновик статьи «Вдохнуть в искусство жизнь» Дмитрия Якушева, написанной «по мотивам» выставки «Нехудожников», проходившей с 18 октября по 18 ноября 1990-го года в ДК Дзержинского.²² Якушев пишет: «организатор и идейный вдохновитель общества «Нехудожники» Михаил Сурков считает, что искусство должно быть свежим [...] в лучших традициях еще малоизвестного у нас в Союзе культурного пласта, пластика постмодернизма».²³

Во время официального открытия выставки в ДК Дзержинского была организована импровизированная пресс-конференция, во время которой Вязовский разговаривал с одним из авторов, назвавшимся Алексеем [скорее всего, Алексей Поломских — А. С.]. В пространном разговоре, отчасти документированном Якушевым, Алексей Поломских говорит о феминизации общества, Дмитрию Пригове, Владимире Сорокине и «модных московских поэтах», демонстрируя тем самым включенность в контекст актуальной культуры того времени.

Понимание происходящего у очевидцев было весьма расплывчатым, по их словам «Нехудожники» оставили «растерянность и смятение в умах пермской интеллигенции».²⁴ Дмитрий Якушев так описывает свои впечатления: «Мои наспех сделанные во время лекции руководителя общества друзей постмодернизма Михаила Суркова записи приводили меня в некоторое недоумение и были не совсем понятны, хотя впечатление от картин было тоже еще довольно расплывчатое и неустойчивое, немного ря-

било в глазах и я искал поддержки в своем блокноте, еще больше, однако, убеждаясь то ли в неграмотности своей, заскорузлости мышления, то ли в неуместной в городе Перми заумности и чрезмерной концептуальности настоящей выставки».²⁵

Однако, несмотря на некоторую растерянность зрителей, «Нехудожники» готовились к новым выставкам и акциям: «Как только работа [над выставкой] завершится, я смею вас заверить, если у нас в стране все будет более или менее спокойно, работа кипит в полном разгаре, как мне сообщил Михаил Сурков, так что скоро, очень скоро искусство и жизнь вновь соединятся на новой необычной выставке».²⁶

«Красное на розовом смотрится так же плохо, как розовое на красном»

Какое же новое искусство предлагает левое молодежное крыло? Первая выставка «Нехудожников», не имевшая названия, открылась в Доме журналиста в начале 1990-го года. Судить об экспозиции можно по книге отзывов, которую организаторы — Миша Сурков и Слава Глушенко — в лучших традициях советских выставок предложили посетителям, и по фотографиям экспозиции.

Отзывы зрителей были благодущны, но ироничны: «Выдумки и фантазии немного, но видно, что вы старались. Правда искусством здесь и «не пахнет», но от вашего нахальства я в восторге», «Расчехляйте таланты, ребята!», «Все очень здорово, ребята!».²⁷ Профессиональная критика и искусствоведы эту выставку не отметили.

²² Якушев Д. Вдохнуть в искусство жизнь. Очерк о пермском обществе друзей постмодернизма «Нехудожники». Архив Семена Соснина.

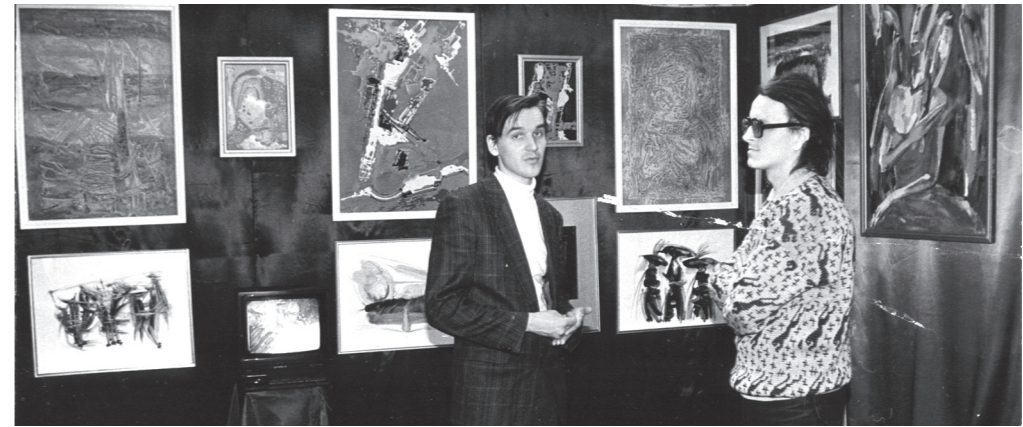
²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Книга отзывов. Выставка «Нехудожники». Пермь, Дом журналиста. 1990. Личный архив М. Суркова.

Выставка. 1992-1993

Место проведения – Пермь, Дом актёра

На фотографии: Михаил Сурков, Сергей Стаканов

Архив Семена Соснина

Что же показывали пермские «нехудожники» в начале 1990-го года? В книге отзывов упоминаются работы Михаила Суркова «Красное на розовом смотрится так же плохо, как розовое на красном» (авторство установлено по воспоминаниям Суркова). Авторство следующих работ не установлено: «Верх-низ», «Ночь», «Железный занавес» (не исключено, что название было навеяно арт-объектом группы «Гнездо», получившем широкую известность благодаря фильму «АССА»). Также, судя по фотографиям экспозиции, на выставке была представлена работа Михаила Суркова — ассамбляж «Звоните 01» (1989). По свидетельству Суркова, выставка показывалась на протяжении всего 1990-го года на разных площадках.²⁸ После она тем же составом оказалась в ленинской комнате пермской школы № 22.

В том же 1990-м году в Областном научно-методическом центре народного творчества и культурно-просветительской работы по адресу Куйбышева, 38 проходила еще одна выставка «Нехудожников».

Сама репрезентация выставки была насыщена приемами программного эпатажа. Объявление у входа гласило: «Выбирай: безрадостные улицы или наша выставка?». На лестнице, ведущей в зал, был подвешен манекен, имитирующий человека в противогазе. На страницах газет критик Юрий Вязовский называет следующие работы и участников: ассамбляж Михаила Суркова «Звоните 01» (1989) (Сурков выставляется под псевдонимом Д. Г. Завьялов), работа Вячеслава Глушенко «Проникновение» (вставленная в вилку ложка), «Из жизни птиц», «Птица» (1988) (Глушенко выставлялся по псевдонимом И. Г. Оборин); картина Александра Ахтырского «Правила поведения».

Там же на страницах «Вечерней Перми» Юрий Вязовский восторженно описывает работу Вячеслава Глушенко «Птицы»: «Технология изготовления предельно проста. На картоне рисуется летящая птица, затем картон под стеклом вставляется в обыкновенную некрашеную форточку стандартных размеров. Смотрится потрясающе!» Посети-

²⁸ Интервью с М. Сурковым. 13 июня 2011 г.

телям выставки предлагалась также «Игра в мецената», желающие могли бросить деньги в ящик.²⁹

Позже, в октябре-ноябре 1990 года, группа «Нехудожники» в ДК Дзержинского организовала выставку «Кризис безобразия», которая была ориентирована на эпатаж публики. По свидетельству Суркова, выставка была посвящена Марселю Дюшану, многие из представленных работ имели отсылку к знаменитым реди-мэйдам.³⁰ Однако журналист Дмитрий Якушев иронично описывает состав выставки и даже раскрывает секреты: «около пятидесяти картин, что были выставлены в ДК Дзержинского, отняли у творческой группы всего несколько дней напряженной работы».³¹

Там же, в ДК Дзержинского, была организована одна из первых художественных акций «Нехудожников»: «Имитация. Рок-концерт», участниками которой стали Алексей Поломских, Евгений Чичерин, Сергей Стаканов. Акция стала началом процессуального искусства «Нехудожников»; позже, в 1991-ом они вышли с акциями в пространство города.

Тогда же в круг «Нехудожников» включается поэт Сергей Стаканов, который в 1991-1992 годы разворачивает насыщенную выставочную деятельность: персональная выставка «Наступление» (1991, кино-театр «Художественный»), презентация «Е галереи» (1991, ДК Дзержинского), групповая выставка «Критика порнографии средствами живописи» (1992, Дом Архитектора).

В 1993 году в пермском Доме актера расширенным составом «Нехудожни-

ков» открывается выставка «Искусство как преступление». По мысли организаторов представленные на выставке картины являются собой преступление перед художественными канонами. Так, Михаил Сурков «переступает через авторское право, вольно интерпретируя известные полотна Сороки и Шишкина, а также обливая водой из граненого стакана раму своего произведения — версию «Вазы с цветами» Клода Моне — в «опрокинутом» виде (оттого и вода льется)».³²

Авторов и произведения можно установить благодаря прайс-листу, подготовленному организаторами — центром «Арт-практика».³³ Это были работы Сергея Стаканова «Я тебя помню» (1993. Х., масло, объект) и «Прямая связь» (1993. Х., масло, объект); Михаила Суркова «Зачем, Эдуард!» (1991. Х., масло) и несколько пейзажей, также композиции Вадима Капридова и фотографии Юрия Чернышева.

Работы Сергея Стаканова впечатлили критика, посетившего выставку: «Сергей Стаканов с преступным легкомыслием относится не только к творчеству, но и к собственному имуществу — он не пожалел собственную радиолу [по воспоминаниям автора объекта радиоло была ему подарена Вячеславом Смирновым — «папой» пермского художественного андеграунда, благосклонно к ним относившимся — А.С.], раскрасив ее в черный цвет, превратив в некоторое подобие гроба с музыкой. Под крышкой скрывается расписанная грампластинка, являющая лик девушки в очках, как бы отраженный от такого же изображения девушки на картине, вися-

²⁹ Вязовский Ю. Ты видел эти игры?: Молодежная культура: опыт, поиск, творчество: [о выставке «нехудожников» в ОНМЦ НТ и КНР]. — Веч. Пермь. — 1990. — 8 июня

³⁰ Интервью с М. Сурковым. 13 июня 2011 г.

³¹ Якушев Д. Вдохнуть в искусство жизнь. Очерк о пермском обществе друзей постмодернизма «Нехудожники». Архив Семена Соснина.

³² Страхов Л. Искусство как преступление. [В пермском Доме актера центр «Арт-Практика» открыл выставку «Искусство как преступление»]. — Местное время. — 1993. — 2 сент.

³³ Прайс-лист. Галерея «Арт-практика». Выставка «Искусство как преступление». Архив Семена Соснина.

Фотодокументация художественной акции «Вызов духов картин». 1993

Участники (слева направо): Вячеслав Глушенко, Юрий Чернышев, два неустановленных лица, Сергей Стаканов, Михаил Сурков

Место проведения — Пермь, Дом актера

Архив Семена Соснина

щей над радиолой. На соседней картине запечатлена девушка с телефоном — и два телефонных аппарата прикреплены к стене рядом с полотном».³⁴

Художественное оформление выставки также впечатляло: «Стены помещения украшены слабо шевелящимися лентами бракованной киноплёнки [по воспоминаниям Сергея Стаканова, она появилась благодаря Павлу Печенкину]».³⁵ По фотографиям из частного архива мы можем восстановить события и обозначить посетителей этой выставки.³⁶ Это представители пермского культурного сообщества: режиссер Павел Печенкин, художники Вячеслав Смирнов и Вячеслав Остапенко, искусствовед Александра Пестова, краевед Виктор Семяников, поэт Вячеслав Дрожачих. Там же, в экспозиции выставки, состоялся концерт группы «Фокс-Бэнд», в которую входили Сергей Стаканов и пермский поэт Антон Колбянин.

«Ты видел эти игры?»

Процессуальные практики «Нехудожников» стали одним из самых важных для генезиса «пермского актуального» феноменов искусства начала 1990-х. История, с трудом извлекаемая из частных архивов, сохранила только несколько акций 1991-1993 годов: «История художественных войн», «Открытие галереи Казимира Малевича», «Вызов духов картин», «Искусство как преступление».

Акционизм «Нехудожников» слабо конституировался как художественный жест даже внутри самого узкого художественного сообщества, несмотря на четкое наличие всех признаков: сценария, распределения ролей, генерирования идеи, документирования. «Если бы я умел делать концептуальные жесты, то заработал бы много денег,³⁷ — так в 1991 году писал Дмитрий Долматов. — Профанируя

³⁴ Страхов Л. Искусство как преступление. [В пермском Доме актера центр «Арт-Практика» открыл выставку «Искусство как преступление»]. — Местное время. — 1993. — 2 сент.

³⁵ Там же.

³⁶ Архив Семена Соснина.

³⁷ Здесь Д. Долматов косвенно упоминает концептуалистского толка работу М. Суркова.

авангард, работая на нарочитой цитатности, ребята делают себе имя и имидж. С другой стороны, «Нехудожники» строят иллюзию активной художественной жизни города, действительно являясь закономерным продуктом культуры Перми. [...] За «тотальным стебом» они не скрывают, но афишируют идею игры в искусство, игры, за которую платят деньги. Это хорошо, по-деловому модно, и ребята, чувствуя конъюнктуру творческого рынка, удовлетворяют спрос пермской публики на «новое». Люди любят обманываться, даже когда руководитель группы Михаил Сурков объясняет, что «Нехудожники» действительно таковыми являются, поэтому делают не Искусство, — даже тогда разбирающийся в таких тонкостях человек предпочтет видеть в этом только красивый ход [...]».³⁸

«Тотальный стеб», о котором пишет Дмитрий Долматов, не был фигурой речи. «Нехудожники», действительно, как будто бы хотели переиграть самих себя. Так, в 1991 году в «Молодой гвардии» появляется материал, в котором отражены как бы два мнения — апологета традиции — Влады Крейцман (согласно свидетельству Михаила Суркова, это вымышленный персонаж, а текст «Продажная стоимость искусства» был написан им самим) и сторонником актуального искусства — Дмитрием Долматовым.

Летом 1991 года состоялись две документированные акции «Нехудожников»: «История художественных войн» — «где Миша и Слава, развесив по набережной щиты с картами боевых действий, устроили перестрелку красками»³⁹ и «Открытие галереи Казимира Малевича» на берегу Камы (акция, по всей видимости, была приуро-

чена к вернисажу выставки «Футуристы в Перми» в ПГХГ) — на задней стене пермского зоопарка, выходящей на набережную Камы, было нарисовано 39 «копий» «Черного квадрата» Малевича.⁴⁰

Долматов так конституирует акционистские практики «Нехудожников»: «В двух словах не объяснить, чем занимаются лидеры группы Миша Сурков и Слава Глушенко. На мой взгляд, они пытаются на практике конспектировать современные философские теории, визуализировать их, да и просто повеселиться. По количеству проведенных выставок она давно оставила позади многих маститых художников».⁴¹

Как вспоминает один из активных участников процесса Михаил Сурков: «Одна из акций, которую художники устроили в этом выставочном пространстве, называлась «Вызов духов картин». После импровизированного «спиритического сеанса» в экспозиции возникли некие объекты. Они, по мысли устроителей, и были духами картин участников проекта. В зале один из авторов сидел с обнаженной моделью на коленях, крутился по кругу игрушечный паровозик и т.п. «Дух» картины Сергея Стаканова «Приезжай скорее» (1992) «возник» с соседней с выставочным залом комнате, служившей кухней. Дух «Приезжай скорее» представлял собой девушку Полину Балуюеву на велотренажере. Полина усердно крутила педали все время проведения акции. Организаторы про это напроць забыли и только после завершения акции, когда группа художников-организаторов собралась в зале обсуждать проект, открылась дверь и вышедшая из «кухни» Полина обиженно заявила: «А ко мне никто не зашел».

«Портрет, пейзаж в произведениях для иностранцев»

На рубеже 1980-х — 1990-х после оглушительного успеха московского Sotheby's 1988 года «круто авангардистское» искусство мыслилось сферой коммерчески востребованной. В 1991 году также начинаются попытки коммерциализации деятельности группы.

Зимой 1991 года вновь в Доме журналиста (Карла Маркса, 8) проходит выставка «Холст-Масло», организованная «объединением друзей постмодернизма» и центром «Досуг». Выставка шла 10 дней, авторами картин и объектов были Михаил Сурков, Вячеслав Глушенко, Алексей Поломских.

Из интервью с «художественным руководителем объединения» Сурковым явственен новый для «Нехудожников» коммерческий дискурс: «Выставка — это вторая часть большого проекта, ныне осуществляемого, название которого «Портрет, пейзаж в произведениях для иностранцев». Проект посвящен всем репрезентативным художникам (то есть художникам, продающим свои картины за границу — Ю. В.)».⁴²

Интенции времени — ориентация на «ушедшее наследие» — появилась в высказываниях «пермских постмодернистов»: «Одна из самых характерных картин для данной выставки — работа под названием «Старое всегда лучше нового» (автор Алексей Поломских), представляющая почти монохромную живопись черно-коричневых оттенков, навеянную книжкой «Энциклопедия промышленных знаний» (издание 1903 года)».⁴³

В 1991 году в Перми была заявлена «Новая галерея», позиционировавшаяся как га-

лерей современного искусства. «Заместитель директора по выставочной деятельности» Михаил Сурков так обозначал цели: галерея нужна «для создания нормальной художественной ситуации: галерея — художник — критик, когда не художники занимаются поисками галереи, а, наоборот, галерея занимается поиском художников, анализирует их творчество с помощью критиков и представляет художника с целью включить его в культурную ситуацию, в том числе — интернациональную».⁴⁴

Сегодня можно смело констатировать: стихией рынка и неприятием внутренней культурной политики «Нехудожники» оказались исключены из контекста истории художественной жизни Перми этого времени. Проект коммерциализации искусства «Нехудожников» оказался неосуществим по разным причинам. Прибегая к устоявшемуся на Западе языку искусства и методам его продвижения, они оставили «растерянность и смятение в умах пермской интеллигенции».

Кто же они — «Нехудожники» — друзья постмодернизма» в контексте художественной жизни Перми? Ситуация перестроечного времени взывала: «Мы ждем перемен!», пермское художественное сообщество пыталось ответить на этот призыв средствами профессионального искусства 1970-х. Ответ не находился, новое не могло быть сгенерировано внутри Союза художников, коэффициент нового оказался равен числу молодых в составе Союза — «двойному нулю». Молодые художники-поэты-музыканты, смутно и фрагментарно представляющие себе приемы и методы contemporary art, идут по пути, с одной стороны, заимствования этих «актуальных обрывков», с другой, с бешеной активностью изобретают новое, Пермью не виданное.

³⁸ Долматов Д. Идут: [кто такие «нехудожники»? (г. Пермь)]. — Мол. Гвардия. — 1991. — 18 февр.

³⁹ Долматов Д. А почему бы и нет? [Ст. о молодых пермских художниках М. Суркове и С. Глушенко, лидерах группы «нехудожники». Две точки зрения]. — Мол. Гвардия. — 1991. — 22 июля

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Вязовский Ю. Экспозиция постмодернистов [выставка «Холст - Масло» прошла в Доме журналиста]. — Веч. Пермь. — 1991. — 23 янв.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Вязовский Ю. Новая галерея [современного искусства создана в Перми]. — Веч. Пермь. — 1991. — 4 марта

Ольга Роленгоф

Массовая поэтическая культура

Поэтическая программа «Живой Перми» в этом году была разделена на несколько традиционных направлений, которые можно условно обозначить географически: пермские авторы, пермяки, живущие в Москве и литераторы, к Перми не имеющие прямого отношения.

Глядя на фестиваль, у неискушенного зрителя может сложиться впечатление, что пермские поэты — это сплошная молодежь: Андрей Мансветов, Андрей Лапицкий, Иван Козлов, Вячеслав Шевченко и др. Старшее поколение пермских авторов — представителей творческих союзов — куратор Алексей Евстратов на фестиваль не пригласил.

Пермяки в Москве — это те, кто ощутил перемены в стилистике и темах, но остался верен основному направлению (Андрей Пермяков и «Сибирский тракт», Алексей Кудрин, Всеволод Константинов).

«Западный десант» — это то, что в рамки обывательского представления о литературе не вписывается и шокирует (ярким примером в этом году был «Пермский цирк», Александр Дельфинов, Александр Гальпер, Виктор Хоффман). Особняком стоит Александр Корамыслов — поэт из Воткинска, пишущий в жанре сверхкраткого стиха — танкетки.

Но в сухом остатке — малое количество зрителей, в частности, на встречу с Кибировым было человек 50, в основном поэты и сами участники. Ситуация как «здесь ни один человек, если он не член Всероссийского союза писателей, не пойдет летом на литературный диспут» (Осип Мандельштам «Литературная Москва»).

Что это? Отсутствие рекламы, изобилие событий, отследить которые полноценно невозможно? Или отсутствие интереса к конкретным персоналиям? Или отсутствие и крупных персоналий, и крупного восприятия?

Возможно, что все в совокупности, но более всего последнее. Так, наверное, чувствовал себя Артюр Рембо в Париже — среди расцвета парнасцев так легко поддаться на актуальность и позабыть, что до и кроме версификаторов всех мастей есть еще и Поэзия. Рембо мог спастись, потому что уже был поэт, а вот нынешним молодым спасения нет. Они ведь только что из школы, где при них была расчленена литература.

Впрочем, не все так мрачно. Создание механизмов общения и среды, в которой не была бы маргинализирована литература, все-таки происходит. Если посмотреть на «Живую Пермь-2010», когда были впервые опробованы такие формы, как слэм (ведущим которого был и остается Андрей Родионов), «Пермские полюса» (чтения-сопоставления поэтов), мастер-классы актеров по выразительному чтению для поэтов, этот опыт был использован и в нынешнем году.

Впрочем, некоторые начинания, направленные на развитие фестиваля, не получили поддержки со стороны кураторов. Зато в программу под тэгом «Литература» попала и военная журналистика, представленная теми же именами, что и в прошлом году, и концерт авторской песни, и студенческий спектакль по стихам Бродского, которого уже признала массовая культура.

Остались без существенных изменений организационные недостатки — маленькие залы, холодные помещения для выступлений. Если в прошлом году поэты мокли под дождем у памятника Пушкину, обеспеченные только микрофоном, то в этом мерзли на встрече с Тимуром Кибировым и на слэме на втором этаже Речного вокзала.

Тем не менее, два важных события, не ограниченные рамками актуальности, в литературной части «Живой Перми» состоялись. 9 июня в книжном магазине «Пиотровский» в рамках мастер-классов журнала «Вещь» слушателям предстала поэт, прозаик, редактор издательства ArsisBooks Анна Бердичевская.

В прошлый свой приезд в Пермь она презентовала поэтическую книгу «Тихий ангел» и мемуарную прозу «Чемодан Якубовой», а теперь — книгу под загадочным для русского уха названием «Масхара». Три года ждала она выхода в свет с подзаголовком «Частные грузинские хроники». Тираж еще не весь отпечатан, можно сказать, долгожданная и свежее испеченная у пришедших на руках оказалась книга, как и «Тихий ангел», оформленная рисунками режиссера и художника Резо Габриадзе.

Кроме собственного содержания, она еще и ликвидировала пробел, оставленный организаторами «Белых ночей в Перми». В программе «Большой Кавказ» внезапно не оказалось Дней Грузии — художникам и актерам не дали российских виз. Большая часть вечера Анны Бердичевской как раз и была посвящена рассказу о пребывании в Грузии с 1984, когда она туда добровольно приехала, по трагический 1990 год, когда ей вынужденно пришлось страну покинуть.

«Я сама себя не называю поэтом, пусть называют другие. В Грузии я впервые почувствовала, что такое быть поэтом и как это почетно. Меня там представляли при знакомстве не журналистом, как обычно я представляюсь, а именно поэтом. И постоянно звали выступать. После такого приема было сложно привыкать к иному отношению, но такова реальность в Москве», — рассказала Анна Бердичевская

Анна Львовна прочла рассказ «Русский доктор» из новой книги (кстати, ее название переводится как «шут») и несколько стихотворений из цикла «Грузинский альбом».

В свою бытность в Перми Анна Бердичевская работала журналистом и фотокорреспондентом, единственная «пермская» публикация в коллективном «женском» сборнике «Княженика» (1968) тему публикаций тут же и закрыла, подвергнувшись критике со стороны газеты «Звезда» в рамках кампании по закручиванию гаек. Оказавшись в Москве в 1991 году, Бердичевская продолжила «пермское» крыло литературы, издав поэтов Бориса Гашева и Павла Чететкина, а также уехавшего в Москву прозаика Анатолия Королева.

В музее PERMM Тимур Кибиров, лауреат премии «Поэт», читал стихи, в основном из книг «Кара-Барас» и «Шалтай-Болтай», а также последней стихотворной книги «Греко- и римско-кафолические песни и потешки».

Впоследствии оказалось, что, не желая озадачивать публику нецензурной лексикой, Тимур Юрьевич выбрал тексты, которые бы оправдывали ожидания. Подборка оказалась широкой — от стихов про детские годы, проведенные в Перми (здесь Кибиров, тогда еще Юра Заповев, ходил в начальную школу, номера которой не помнит, зато помнит долгие поездки до нее на трамвае) до реминисценций на тему «Блудного сына».

Публика хорошо принимала автора, воодушевленно аплодировала и после выступления отправилась покупать книги, вслед за тем выстроившись в очередь за автографами мэтра.

После выступления Кибиров поделился некоторыми мыслями о поэзии: «Мое отношение к русской классической традиции — такая же почтительная любовь и всемерное желание ее продолжить, как-то оживить. Условно говоря, заставить моих читателей читать не только меня, но и Пушкина. Державина — нет, это уже тяжело даже средне образованному молодому человеку».

Дарья Тамирова

Сядь на пенек, прочти «пирожок»

новая поэтическая миниатюра

В русской языковой реальности у малых и «сверхмалых» поэтических форм судьба своеобразная, достойная отдельного ретроспективного рассмотрения: от карамзинского «Покойся, милый прах, до радостного утра» и пушкинских эпиграмм до, например, «Нигде кроме/как в Моссельпроме» Маяковского и классического лукомниковского «Все это было, было, было/Сказала сивая кобыла».

Однако с тех пор, как виртуозы рифмы оттачивают свое мастерство на просторах Рунета, для поэтической миниатюры наступило по-настоящему золотое время. Без преувеличения можно сказать, что в малых формах сегодня так или иначе был замечен практически каждый значимый современный автор из числа публикующих свои творения в Сети. И что тем более отрадно, на просторном поле новой русской словесности постоянно вырастают все новые полезные культуры.

Описывать их все — задача настолько же увлекательная, насколько и трудоемкая, и мы ее перед собой сегодня не ставим. Отметим лишь, что весьма большой популярностью пользуются, например, танкетки, изобретенные, по слухам, Алексеем Верницким, автором замечательного:

*Любо
Но дорого*

А еще так называемые «пирожки», об изобретателе которых Сеть почему-то умалчивает.

Поэтическая миниатюра вообще — одна из самых древних форм бытования стихосложения, а для многих национальных культур — и самая традиционная. Краткость, которая в рассматриваемом нами случае таланту сестра родная, а не сводная, с незапамятных дней обеспечивала стихотворному тексту долгую и счастливую жизнь (как шутил по сходному поводу Михаил Зощенко: «Фраза у меня короткая. Доступная бедным»).

Вероятно, не в последнюю очередь по причине этой своей «общедоступности» короткие стихи так охотно всегда вмещали в себя жизнеутверждающее смеховое начало: тут тебе, при всем возможном несходстве, и английский лимерик, и русская «нескладушка», объединенные замечательной способностью парадоксально сращивать совершенно разноприродные смыслы и порождать улыбку.

Живой язык современной русской поэзии без миниатюр, подобных танкетке и «пирожку», просто немислим. Ухватить стремительную, парадоксальную, ускользающую реальность за хвост сегодня удобнее всего оказывается именно с помощью такого стиха. И что еще более важно — танкеткой и «пирожком» приятно и удобно делиться с другими людьми, они предполагают совершенно бесппроблемную трансляцию (SMS, реплика в ICQ, формат башорговской цитаты, сообщения в Twitter или статуса «ВКонтакте»). В общем, сама эта форма подразумевает, что рекомендованное Германом Лукомниковым

*Балалайка,
Камыши,
Пузыречек рому.
Прочитай,
Перепиши,
Передай другому*

— будет непременно соблюдено, в этом смысле «пирожки» и танкетки продолжают на современный лад традицию альбомных миниатюр с той принципиальной разницей, что достоинством широкой общественности они становятся гораздо быстрее.

Мне в большей степени импонирует «пирожок», у которого, как и у танкетки, есть жесткая форма, но который все-таки подразумевает больше вариаций (в русском языке полно прекрасных слов, которым по количеству слогов в танкетку (2 строки — 6 слогов) просто никогда не попасть). Кроме того, мне кажется, что самой малой формой, приятной и непротиворечивой для русского уха и глаза, поэтическим «атомом» все-таки скорее можно назвать четверостишие, каковое «пирожок» собой, собственно, и являет. Описывать этот свежий жанр детально литературоведам еще предстоит, но позволим себе обозначить общие контуры.

Итак, что же он такое — «пирожок» и с чем, собственно, его едят?

Формально «пирожок» — это законченное четверостишие без рифмы и знаков препинания, написанное четырехстопным ямбом со строгим соблюдением количества слогов (9-8-9-8) в строках. А неформально — альбомный стишок, зарисовка, анекдот, экспромт, мгновенный снимок, запечатлевающий некий фрагмент внутренней или внешней (по настроению автора) действительности — с пылу, с жару, — пирожок, короче говоря.

Так же, как танкетка, изначально жанр этот обитал в Интернете, но за последние годы испытал и несколько бумажных воплощений — издавались «пирожки» коллективными сборниками, выходили и книги отдельных авторов (например, Маргариты Архиповой).

Многообразии «начинок» поражает воображение, однако ирония остается свойственной «пирожку» всегда и везде. При этом в известном смысле любой «пирожкописатель» — тонкий лирик. Своего времени. Когда любое «шепот, робкое дыханье», даже совершенно безупречное по исполнению, восприниматься серьезно просто не может. Задушевная дружеская беседа, признание в любви, да почти любое неформальное искреннее общение сейчас происходит, условно говоря, на языке «пирожка».

Если вдумчиво покопаться, например, в жж-сообществе *pirozhi_best*, становится понятно, что гениев этого жанра интересуют те же общечеловеческие вопросы, что и прочих остальных (читай: нормальных) русских поэтов (хотя первый «пирожковый» сборник и назывался «Непоэзия»). А именно: вопросы жизни и смерти — например, с таких буддийских позиций:

*в последний раз олег олегом
глядит в оконное стекло
стук рам два шага грохот вопли
и вот оксана два семьсот*

или даже таких:

*когда земную жизнь окончу
попробую еще разок
но уровень возьму сложнее
камбоджа семьдесят шестой*

Есть здесь и классический для русского поэта поиск истинного смысла:

*я перепрыгнул через лужу
но подскользнулся и упал
и вдруг подумал боже боже
на что я трачу жизнь свою*

Затронута и проблема уязвимости человеческой души в сложном, жестоком, да еще к тому же непрестанно меняющемся мире:

*во мне сейчас темно и тихо
как будто выключили свет
и только кто то наверху шепчет
тихонько прошептал уй бя*

или даже

*зачем нужны мне десять пальцев
когда раскинуть негде их
и даже одинокий средний
слабо на людях показать*

В некоторых «пирожках» можно усмотреть переключку с так называемыми «страшными стихами», прекрасно известными любому носителю русского языка с нежного возраста, все эти:

*Маленький мальчик в ванне купался,
Маленький мальчик с водичкой игрался,
Мама подкралась, халатом шурша,
Шварк табуреткой — и нет малыша*

так созвучны, например, пирожкам навроде:

*побудь со мною перед смертью
оксану просит алексей
я не могу я записалась
на шесть часов на маникюр*

Не забыты и другие «приветы из детства». Например,

*седая тая тихо плачет
на том же берегу реки*

*ведь жизнь прошла а что в ней было
четыре строчки у барто*

Или же (как тут не вспомнишь уже не Барто, а скорее «Денискины рассказы» в комплекте с «Вредными советами» Остера):

*марина думает что любит
сергея он что он ее
и только павел точно любит
котлеты курицу и чай*

Любовь «пирожковая» вообще — особая статья. Есть «пирожки» созерцательные, констатирующие, есть «пирожки» политические, в отдельный поджанр можно выделить «пирожки-триллеры», но шансов на вечную жизнь, как мне кажется, у «пирожков» любовных значительно больше. Здесь кипят африканские страсти:

*олег хватается за слово
иван хватается за нож
зухра хватается за сердце
интрига занавес антракт*

Некоторые зарисовки способны выжать из читателя больше слез, чем французское короткометражное кино:

*не провожай меня любимый
я имени не назову
лишь обернусь и ты увидишь
не прислоняться на стекле*

Здесь конфузы случаются с поправкой на эпоху, а не только по сценарию «из командировки внезапно вернулся муж»:

*кладу ладонь тебе на мышку
слегка колесико кручу
и вот ты шепчешь энтер энтер
эскейп эскейп не в то окно*

И вообще, отрядным образом здесь демонстрируют могучий любовный темперамент даже самые, казалось бы, не приспособленные для этого предметы:

*когда закроется магдональц
и разойдутся повара
картошку фри в свою коробку
бикмак зачемто позовет*

Кстати, «пирожковый» ямб уже сам по себе — повод задуматься. «Мой дядя самых честных правил» еще Ильфа с Петровым в свое время вдохновил на «Гаврила был примерным мужем». Самый любимый размер воинствующего графомана любого времени, а почему? А потому что ритмически воспринимается как нечто совершенно естественное,

годное для построения любого поэтического высказывания. Отказ от рифмы при такой «сжатости» формы — тоже не случаен, поскольку дает автору дополнительное пространство для маневра.

Кажущаяся небрежность оформления — тоже прием смысловой, хотя для современной русской поэзии, конечно, и не новый. Интернет-сленг с его «аффттарской» орфографией и пунктуацией давно перестал быть средством общения узкой группы избранных, на нем в той или иной степени сегодня разговаривают почти все.

Главное, что сближает «пирожки» с фольклором — незначительная роль отдельного творца. Это не делает жанр полностью анонимным, но, с одной стороны, отсылает к традиционной народной культуре, которая испокон веков подбирает оброненное кем угодно меткое слово, превращая его в коллективное достояние, и, с другой стороны, роднит его с постмодернистским принципом диалогической «игры», в которой соавтором становится воспринимающий. Многие «пирожки» конструируются по принципу игры в буриме — когда на некоторый заданный «каркас» предлагается нанизать свои собственные строки.

Тем не менее, мне представляется, что узко для «пирожка» обидное слово «сетература», которым исследователи при случае склонны обозначать все вызывающие у них сомнения жанры, основной средой обитания которых является Интернет. В бумажной версии, равно как и воспринимаемый «с голоса» — и в этом главная его прелесть — «пирожок» почти ничего не теряет.

Если поискать аналоги в других видах искусства, на ум обязательно придет гениальный куваевский «мульти» — короткая флэш-анимация, завоевавшая в свое время бешеную популярность именно благодаря тому, что на сто процентов соответствовала духу стремительно ускоряющегося времени.

Двоюродный брат частушки, но и племянник губермановского «гарика», и рубинштейновским-приговским «стихам на карточках» близкий друг, «пирожок» свое название вполне оправдывает, поскольку, действительно, — быстро и вкусно. Он мог бы стать фастфудом, поскольку обманчиво обещает каждому «и ты так сможешь», а на самом-то деле — поди смоги, русский стих и в новой реальности, оказывается, — «жив курилка»...

«Жизнь продиктована любовью...»

Роман Тягунов. Библиотека имени меня. Екатеринбург: Издательский дом «Автограф», 2011

«Библиотека имени меня» — второе и наиболее полное издание поэтических сочинений Романа Тягунова, первая книга вышла в 2001-м году — сразу после трагического ухода поэта из жизни. Издателями книги выступили друзья Романа Тягунова Евгений Ройзман, Константин Патрушев и Евгений Касимов, осуществившие кропотливую и вдумчивую работу с архивами поэта.

Книга очень интересно построена — в нее органично включены автографы поэта, его рукописные и машинописные самиздатовские сборники, бытовавшие в свердловском поэтическом андеграунде 80-90-х, а также фотографии. Эти рукописи составляют значительную часть книги и добавляют ей теплоты и душевности. Энер-

гетикой тепла пропитаны и сами стихи.

Одним из стержневых мотивов книги является отстаивание права поэта на уединение и свободу:

*Будь счастлив,
что живешь в глуши!
Пиши кому и что попало,
Но так, чтоб письма
не пропали,*

*Чтоб из таежного подвала
Дошли до глубины души.*

Свобода — главное условие существования поэта:

*Не верь. Не бойся. Не проси.
Паси овец, волков паси,
Пренебрегая пастухами...
Живи стихами в небеси.*

В стихотворении, давшем название сборнику (пожалуй, лучше в его творчестве Тягунова) поэт утверждает особую, гениальную ненормальность поэта, адресующегося к «сумасшедшим», к со-творцам, но не к обывателям:

*В библиотеку имени меня
Записывают только
сумасшедших.*

*Они горды своим
несовершенством:*

*Читая снизу вверх
и против шерсти,
Жгут мои книги,
греясь у огня
Библиотеки имени меня.*

Поэт живет в вечности — «Прошлого уже не существует/Будущего не было еще». Он «речью воздух начиняет», находясь у всех на виду, подставленный вселенскому обзору («Все смотрят на меня/На одного меня»), и «укрыться нечем». Но горечь в стихах Тягунова умело оттенена естественной, лишенной всякого пафоса иронической интонацией. Этим стихам — веришь:

*Я умираю каждый день:
Задень меня, и я умру.
На всякий случай, поутру
Меня не тормозите. Вдруг
Мне просто
просыпаться лень*

Уязвимость поэта максимальна («Я любви прошу у Бога/Да заплакать не могу»). Но она же определяет и высоту его миссии:

*Жить бесполо
мир начал задолго
До того как из чувства
и долга*

*В ледяные ладони Мадонны
Я вложил свои голоса и слух.*

Если поэту «голос дан, все остальное — взято» — писала Марина Цветаева. Однако стихи несут не только страдание, но и спасение:

*Боль утихает,
Если начать
Только стихами
Ей отвечать*

В непосредственных лирических зарисовках души изящество исполнения совмещается у Тягунова с глубиной содержания. Эта гармония являет себя даже в коротеньких двустишиях: «Как это больно и легко — Быть облаком под каблу-

ком». А временами тягуновская ирония вызывает просто озноб-катарсис:

*Когда-нибудь, когда-нибудь
я заработаю все деньги
И как-нибудь тебя одену
В последний путь,
В последний путь...*

Лирика Тягунова пластична, в ней «все — зеркало, все — свет, все — отражение», все «настойка из сна и тумана», если воспользоваться строчкой из посвящения Бориса Рыжего, открывающего книгу. Не случаен в сборнике лейтмотивный образ шапки-невидимки. Главное здесь не дано на блюдечке, его нужно уловить за мимолет-

ными штрихами и полунамеками.

Лирическая достоверность стихов Тягунова, оплаченная и опосредованная трагедией, не может не вызвать ответной реакции.

*Стихи, написанные кровью,
Передают из уст в уста.
Разгадка этого проста:
Жизнь продиктована
любовью.
И — на кресте.
И — без креста.*

С любовью к Роману Тягунову сделана его друзьями эта книга. Уверен, самому поэту она бы понравилась.

Константин Комаров

Аэды наших дней

Нина Горланова, Вячеслав Букур. Тургенев, сын Ахматовой. М: Рипол Классик, 2011

Читать новую книгу Нины Горлановой и Вячесла-

ва Букура — то же самое, что побывать в описываемом авторами мире, в их Перми, так похожей на настоящую, иногда даже больше, чем оригинал. Их город — безусловно любимый и влюбляющий в себя читающего, влюбляющий не вдруг и сразу, а исподволь и навсегда, несмотря на множество черных и белых пятен или нечетких, нелюбимых, но неизбежных, особенностей.

Какие бы уровни бытия не освещались авторами — божеские, стихийные, топографические, временные, бытовые или психологические — в этом мире мерилom всего выступает человек. При этом в их прозе гармонично сочетается вечное и сиюминутное, архаичное и модное, внешнее и внутреннее. Это возможно передать только через участие самой живой реальности. Частные впечатления, личные наблюдения авторов, окружающая

их действительность становятся достоянием всех, конвертируется в востребованный текст — художественную и универсальную правду жизни.

В структуре прозы авторов можно увидеть элементы «реальности» и эффект скрытой камеры, уравновешенный четкими, хотя и обыденными сценами взаимодействия между персонажами и окружающим миром. При этом авторы используют древнюю как мир формулу подачи материала: эпический рассказчик, дневниковые записки, история в истории — то есть методы передачи текучей и утекающей, как молоко на плите, жизни.

В прозе со своими персонажами-людьми Нина Горланова и Вячеслав Букур поступают почти по-гомеровски: с жестокостью и любовью, уважением, но нейтралитетом литературного отстранения. Вот, например, рассказ «Постсоветский детектив»: «Однажды в святки Никита явился к нам в виде крутого: майку надел черную, на которой белыми буквами было написано «Блэк болз», очки тоже черные — казалось, будто он весь за очками спрятался. Не узнали мы его — даже голос стал хриплым: «Ну, можно тут у вас оттянуться?!» Он слышал, конечно, снизу, что топот, гости у нас. «Западная цивилизация чем плоха: там уважают, но не любят, — говорил он в этот вечер. — А у нас любят, любя-ат!

Но опять же — не уважают. Но ведь что важнее: любят!», — и он с пророческим видом почему-то тыкал пальцем в сторону холодильника. Кто-то из гостей ему сказал, из наших: мол, сейчас заявлю тебе, что люблю тебя, и в морду дам. Понравится? Никита скривился и ушел».

Универсальное «мы», от коего ведется повествование, выступает неотъемлемым участником рассказа. Человеческие слабости описываются хладнокровно, а порой проявляется исповедальность. Эпическое начало иногда становится библейским, но описывая людей не от мира сего, авторы не теряют здравого смысла и чувства юмора (например, Лев из рассказа «Пока дождик без гвоздей» или Филаретка из рассказа «Мальчик из тумбочки»). При этом «радиационный фон» упоминаемых культурных величин разнообразен и ненавязчив: продвинутый читатель получит огромное поле для рефлексии, а неискушенный в изящной словесности нисколько не удручится.

Ирония, сарказм и остроты соседствуют с нежным, почти документальным описанием повседневности, первой любви, смерти или болезни. Так, например, умирающая от рака вздорная поэтесса «передразнивала апостола Павла, наклеив бороду из бумаги и натянув фальшивую лысину» («Девятины»). И все это без морализаторства, злобы

или доверительного пафоса.

Некоторая интимность сплетни отчасти присутствует, но растворяется в повествовании. Например, заглавная повесть с абсурдным названием «Тургенев, сын Ахматовой» — настоящая энциклопедия своего времени, последнего десятилетия прошлого века. Здесь присутствуют олигарх и челнок, ветераны войны в Чечне и беспризорники. Через жизнь-бытие одного семейства, словно через увеличительное стекло, показано все общество, через становление одной девочки явлена трансформация России.

В этой прозе нет поэмы, нет героев или чудовищ, все — равноправные части жизни. Но при этом несправедливо было бы предположить, что все просто списано с повседневности. Авторы — мастера своего дела: при кажущейся спонтанности текста ритм прозы порой просто виртуозен и почти всегда ненавязчив, стилизации (например, ветхозаветные в рассказе «Помолвка») гармоничны, а детали продуманы. Нет случайных вещей в прозе авторов — все они смыслообразующие части образов, характеризующие внутреннюю суть персонажей. Иногда это подано юмористически («Да, мы забыли упомянуть, что Яна, между прочим, очень яркая особь. Всегда так сильно раскрашена, что словно краска отдельно, а Яна — отдельно. Сначала из-за угла покажется раскраска, а по-

том — сама Яна»), иногда поэтически («Нюся увидела облако с человеческим лицом: медленно открылся рот, глаз поплыл на затылок, а клочки седины с головы стали течь в сторону Камы»).

Наиболее пронзительна атмосфера повествования

там, где речь идет о детях и животных. Некто великий писал, что, мол, недостойно настоящего писателя описывать страдания детей и животных. Но пермские авторы опровергают аксиому, делая эти описания более чем достойно — без истерической

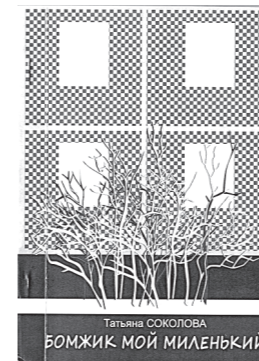
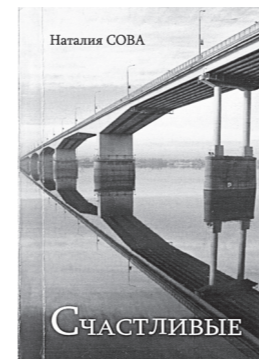
чернухи и сусальной сентиментальности. Погружаясь в мир Нины Горлановой и Вячеслава Букура, особо не обхохочешься и слезами не обольешься. Но станешь мудрее и уравновешеннее.

Светлана Ворошилова

Простые вещи

Наталия Сова. *Счастливые*. Пермь: Дар, 2009

Татьяна Соколова. *Бомжик мой миленький*. Пермь: Дар, 2009

На обложке книги Наталии Сова — Камский мост, о котором пермский поэт Владимир Радкевич написал:

*В человеческой давней
склонности
К городскому скопленью
звезд,
И в стремительной
окрыленности
Начинается Камский
мост...*

Героюм Наталии Сова эта самая «стремительная окрыленность» очень даже свойственна. Ирине, героине рассказа «Прошлый день рождения» она дает возможность постигать магическую сущность вещей. Ведь самые простые из них таят в себе «обыденную магию мира», поэтому Ирина обнаруживает исключительные возможности у массы предметов. Сначала — собственный телефон, способный мгновенно изменить реальность, превратив будни в праздник встречи старых друзей. Потом черный обсидиановый шар, по-

даренный однокласснику, проживающему в Америке и заглянувшему ненадолго в Пермь, оказывается «квинтэссенцией уральской ночи». И наш Камский мост оказывается полон волшебства! На нем не только герои поют песни, он и сам может звучать «глубоким полным тоном», держа «надежную басовую ноту в музыке города».

Список волшебных предметов включает в себя и пермские дома, являющиеся «одушевленными созданиями, в которые герои просто врастают корнями». И чашку саксонского фарфора, «источающую нежное, неуловимое сознанием волшебство», превращающую чаепитие в ритуал, в котором герои чувствуют себя вернувшимися домой. Последним магическим предметом оказывается радио в машине, объяснившее героине,

расставшейся с героем, словами Бориса Гребенщикова суть их отношений:

*Но если ты хочешь
слушать,
то я хочу петь для тебя
И если ты хочешь пить,
я стану водой для тебя.*

Рассказ «Счастливые», открывающий сборник, тоже показывает читателю магическую сущность. Уже человека. Мальчика Даньки, способного управлять погодой. Живущего с мамой, которая его способностей не может, да и не хочет разглядеть: «лицом к лицу лица не увидеть». Ведь ей с ним просто хорошо, и они, как герои «Вина из одуванчиков» Рея Бредбери, стараются поймать мгновения жизни: вот оно, вот сейчас... Данька направляет луч солнца, заставляя его прорывать снеговые тучи и освещать мамино лицо, чтобы его мама «была самой красивой на свете». И прекращает, как только мама может заметить этот единственный луч, падающий только на нее.

Нужны ли им счастливые билеты, полученные в трамвае? Они просто подтверждают: героиня с сыном счастливы вместе. Он — зная о своем умении управлять солнечным лучиком, она — в неведении относительно его исключительных возможностей. Мама просто получает огромное удовольствие от общения с сыном, обнаруживающим интересную информацию повсюду

и свободно ее интерпретирующим: «Дантисты — это фанаты поэта Данте, один из них даже застрелил поэта Пушкина».

Иногда кажется, что автор сознательно уплотняет язык своих рассказов, например, с помощью реминисценций. Так герой рассказа «Прошлый день рождения» сознательно оговаривается, называя героиню вместо Ирины Ариадной. Расстались они давно, еще в юности: напоминает отголосок мифа о Тесее и Ариадне брошенной... Да и название рассказа «Прошлый день рождения» не что иное, как реминисценция знакомой с детства сказки Дональда Биссета «Забытый день рождения».

Про Татьяну Соколову многие пермяки тоже могут сказать: этот автор мне знаком. Например, вспомнив ее книгу «Другой трамвай». Говоря словами Юрия Беликова, писательница является представительницей пермского литературного «андеграунда наших дней», выращенного классической русской и советской литературной школой.

Удивил автор предисловия, назвавший рассказы Татьяны Соколовой «пролетарскими сказками». Героями двух рассказов книги являются вовсе не «жители рабочих окраин», а существа вовсе без определенного места жительства. Так что сказки, скорее, люмпен-пролетариата.

Первый рассказ «Бомжик мой миленький» — ис-

тория жизни простой женщины Марии, рассказанная ею самой в порыве, в стремлении выговориться, перескакивая через время, события, людей. История, как из девушки Стрекозы прошлого получилась в настоящем бомжиха Маня, преданная родными и поддерживающая иссякающие жизненные силы с помощью «фунфырика».

Спонтанная речь героини фиксирует самые важные для нее этапы жизни. Которыми оказываются встречи и не встречи с любимым ею домом, церковью, людьми. Героиня ждет, когда ее дочь выйдет погулять с внуком, чтоб просто увидеть их, не дав увидеть себя. Во время ожидания она любит себя, радуясь каждой кафельной плиточке. Маня готова даже все квадратики пересчитать — ведь в доме живут ее «кровиночки»: дочь и внук.

Семья от бомжихи Мани отвернулась, умер любимый сын Витя. Кто же держит ее, не давая опуститься на дно жизни, окончательно потеряв в себе все человеческое? Люди. Вокруг нее в самые тяжелые минуты находятся те, кто просто не может пройти мимо, для кого важно оказать ей помощь. Это и домоуправ Галина Ивановна, показывающая бесприютной бомжихе заброшенный дом, где можно ночевать в подвале, и богомольная старушка Валентина Семеновна, приносящая хорошие теплые сапоги, и безымянный батюшка, спа-

сающий героиню в финале, заносающий ее в храм.

Среди протянувших руку Мане и пенсионерка Верушка, которую Маня называет ангелом. Подарившая Мане и возможность отдохнуть в своем доме, поесть и помыться. И оставившая Мане после своей смерти возможность облегчить душевные муки, забыться с помощью пузырька с лекарством. Еще Верушка помогает Мане словами участия: «Сказал апостол Павел, что не войдут пьяницы в царствие небесное, так то пьяницы, а вы, бомжихи, — совсем другое <...> мученики вы». Автора, как и его героиню Маню, переполняет надежда: в нашем обществе еще живы, находятся люди, способные думать не только о собс-

твенных интересах. Люди, протягивающие руку падающему, не толкающие его.

Рассказ «И собака ушла» о собаке Дружке, «всем собакам собаке», обычной беспородной дворняжке, прибывшей охранять дом бабки Лиды, который навещали ее внуки, сын и новая невестка. Глазами собаки дом, в котором она поселилась, выглядит «чужим, спустившимся с небес»; добросовестная животинка ночами не спит, охраняя дом, огород и двор, даже пытается подкармливать бабку Лиду, принося ей с помойки кости и сухари. Любящие друг друга сын бабки Лиды и новая невестка привносят в мир собаки настоящую гармонию: появились они, и «все по-настоящему ожило, задышало, заволновалось, и стало

одним, потому что стало любить друг друга».

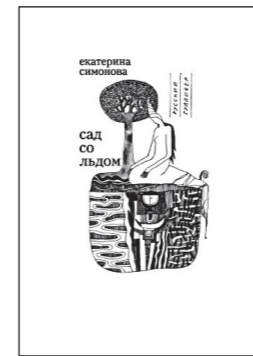
Жизнь семьи выглядит гармоничной до поры до времени. Возвращается к сыну первая жена, бросившая его и своего ребенка, бабка Лида принимает ее сторону, и гармония отношений утрачивается. Черное облако раздоров нависает над домом: собаке даже трудно его охранять по-прежнему.

Собачий мир умирает: ведь «можно прожить всю жизнь в нелюбви, но однажды узнав любовь, трудно, почти невозможно жить без нее, когда потеряешь». Поэтому она, увязавшись за сыном, уезжает, нечаянно запрыгнув в автобус. Так семья бабки Лиды теряет свою Дружку.

Татьяна Наумова

Жизнь сворачивается в сад

Екатерина Симонова. Сад со льдом. М.: Русский Гулливер, Центр современной литературы, 2011

Стихи Екатерины Симоновой правильны, ремесленно, по-

женски, аккуратны, выверены по форме и непросто по содержанию. Сборник сразу же отталкивает избытком образов, сплетенностью и вплетенностью одного в другое. Здесь требуется совершенно другое чтение: внимательное и заботливое. «Сад со льдом» будет сложно проглотить, не подавившись. Однако распробовав, вступишь во вкус и получаешь ред-

кое интеллектуальное удовольствие от разгадывания загадок, предложенных Симоновой.

Сборник объединяет три композиционные части: «Аркадия», «О! фе-лия» и «Ночные письма». Сборник не выстроен, он сплетен, словно гобелен. Гобеленам в первой части посвящен триптих, подзаголовок которого «Сон, смерть и пробуждение»

(в книге то и дело встречается магическая тройка: три композиционные части, три гобелена, три загадочных Е. С.). Обратившись к триптиху «Гобелены» предположу: прекрасная «Аркадия» является сном, «Офелия» символизирует собой смерть, а «Ночные письма» — пробуждение лирической героини в реальном мире.

Загадок в сборнике много. Образ сада — ключевой в цикле. Висячие сады Семирамиды, Гефсиманский сад, Эдемский сад и сад Улина. Образ почти архетипический как для западной, так и для восточной культуры. На ум приходит диковинный сад Гессе в «Игре в бисер», «Сад расходящихся тропок» Борхеса.

Сад — идеальное место, потаенное и защищенное. Образ сада — символ свободы духа, мистического опыта, творчества. У финикийского Адониса был сад, куда, по представлениям древних, удалялась сама божественная жизнь, чтобы среди гранатовых деревьев обрести силу и искупаться в ручье с живой водой. Сад — место, из которого происходит жизнь, в котором и из которого разворачивается время-пространство. В случае Симоновой, жизнь сворачивается в сад, в нем же все времена и пространства. Нужно заранее понимать, в какой сад вы входите сейчас. Сад этот «брошенный», «израненный», «потайной»,

«тревожный», «ночью растворенный», «небесный», «промерзнувший до треска». Этот Сад — хранилище нажитого.

Лирическая героиня гостеприимно встречает нас в Саду, выступая проводником по временам и пространствам памяти. Попадая в Сад, читатель чувствует легкий озноб — повсюду лед. Женская прозорливость: положить в лед, чтобы не прокисло, не испортилось. В лед спрятаны воспоминания, к слову, очень вещественные: гобелены, утварь, бусы, занавески, плед, платя, нитки. Но любая конкретная вещь под толстым слоем льда становится полупрозрачной и призрачной.

Книга рассказана Екатериной Симоновой на одном дыхании: «вдох — выдох», — таково внешнее обрамление представленных стихов. Но их внутреннее содержание, как и внутренняя жизнь лирической героини, глубже, богаче, дольше. Время внешнее и внутреннее течет по разным законам.

Книге присуща личная интонация, а посвящение «Трем Е. С.» вводит в заблуждение — посвящение книги себе (Е. С. — Екатерина Симонова)? Нет сомнений, что лирическая героиня — alter ego самого автора, у них общие «задушенные» любимые, общие воспоминания, общий сад. Но рано или поздно приходит иное сомне-

ние: кто кого прячет в лед, кто чье воспоминание, кто кому второе «я». Шутка, сыгранная литературой с каждым небесталанным художником.

*Я автор ты придумана
экскюз ми
Как девушка молчи как миф
но я все жду
Твой этот взгляд горгоны
и медузы
Твой этот сад со (ль) дом
где я пльву во льду*

Одна из сквозных тем сборника — тема памяти. Память «жадная как густое вино», беззащитная перед ходом времени. Но время здесь не однонаправленный вектор, оно сложнее и объемнее, почти живое существо.

*Время закутывает дом
в шаль,
Ложкой позванивает
в стакане, целует в лоб,
Складывает простыни,
дни в расписной ларь,
Вздыхает, как спящий кот.*

Мотив прошлого сплетается с темой вечного поиска, времена глаголов смешиваются, но героиня по-прежнему задает вопросы, что же дальше. Обрести покой для нее невозможно, так как она знает, что время неизбежно настигнет ее.

*маленькая гавань,
прозрачное море.
призрачны берега,
потому что неездешни.*

*прибрежные камни пахнут
ветром, то есть
надеждой,
сухую мятой, ушедшим
горем.
ты говоришь мне:
кажется, мы приплыли,
пора доставать узлы,
сушить весла,
улыбаться глазами,
греть старые кости,
на арфу натягивать
оленьи жилы.
ты говоришь, говоришь,
я же*

*вжимаюсь спиной
в щербатое дерево борта,
не слушая ничего,
только бьющие в борт
гигантские воды:
если это предел покоя,
то что же — дальше?*

Время «течет сквозь», «скользит», «настигает». Время опасно, нужно как-то уберечь от него крупницы воспоминаний, уберечь самое прекрасное: «кувшинки, скрип лодки, течение дня за днем».

*...время сотрет не тебя —
только твои черты, как
ласточку на лету.*

Спасаясь, бежать от времени не имеет смысла — догонит. И потому героиня принимает время, окунаясь в безвременье.

*...и кости оголив
ты принимаешь время*

*безвременье вобрав в себя
как взгляд и семя
...и, разомкнув ладонь,
наконец отпускаешь себя,
время скользит сквозь
в серебряной чешуе,
шевелит ленивым хвостом,
будто бы говоря —
все хорошо, и дальше живет
во сне.*

Нарушенная граница между действительным и ирреальным — свойство стихов Екатерины Симоновой. Сборник стихотворений Симоновой не затягивает, но вязко опутывает воспоминаниями, которые, словно проявляясь вокруг, становятся частью вполне настоящего мира. В Саду бытует реальность сна, часто сама лирическая героиня не улавливает смысл сочетаний вещей, всплывающих в памяти, но:

*...у всего есть
оборотная сторона
падать легко
только если полет
не длинней листа
она не удивляется тому
что не удивлена
отсутствием смысла
и есть смысл
точнее реальность сна.*

Примечательно, что большинство стихотворений в сборнике написаны при почти полном отсутствии в них знаков

препинания. Это настраивает на понимание, приводит к тому самому внимательному и заботливому отношению к каждому стихотворению.

В сборнике не все стихи — загадки, встречаются и прозрачные высказывания, но они ввиду своей простоты особенно прекрасны.

*Простые вещи
привязывают нас прочнее.
Когда находишь
для вещи имя —
теряешь ей цену.
Простые вещи —
это твоя любовь,
к примеру.
Простые вещи: вдвоем
засыпать теплее,
На двоих заваривать чай,
лечить простуду,
Просто вдвоем молчать,
носами друг другу
уткнувшись в шею.
Простые вещи всегда
называют чудом.*

Нельзя сказать, что «Сад со льдом» — простая вещь, однако есть в нем что-то от чудесного, колдовского, древнего, начального. И прежде чем возделывать сад самим, загляните в сад Екатерины Симоновой, у нее припасено немало женских уловок и хитростей в этом деле.

Арина Маслакова

«Здравствуй, горло расстояний»

Елена Сунцова. *Голоса на воде*. М.: Время, 2010

Вода-отражение-зеркало-яты — это я. Это вечное повторение, вечное сближение себя с самим же собой и вечное отторжение — в невозможности полного слияния. Миф о Нарциссе и Эхо. История о несбывшейся любви и в то же время — история о самой идеальной любви, потому что каждый из нас пытается разглядеть в возлюбленном свое отражение, то есть — свою же, родную душу.

Само название книги Елены Сунцовой — «Голоса на воде» — есть не что иное, по своей сути, как метафора эха, отзвука. Вода, ее движение — образ рождения жизни. В некотором смысле все мы из воды вышли и в воду вернемся. В свое время. Сама же жизнь — только звук над водной поверхностью, уловляемый не столько воздухом, сколько светом, путь от горечи вод истока в итоговый оке-

ан покоя, «опрокинет в ночь и в рай — эхо, берег, волны, слышишь».

Мерцание смыслов почти неуловимо, точнее, не схватываемо грубым человеческим глазом, как трепет крыльев бабочки, «звук коснется и замрет, отвердеет, станет лед», льдинки слов вновь растают: вечный круговорот воды в природе, неудержимая смена времен года, но неизменна — верность любви, присутствие которой постоянно ощущается в стихах, не прямо в кадре, а чуть за его кромкой: только тень мелькнет, только ветер сорвет шляпу, прокатив ее перед зрителями, унося на другой край земли:

*Здравствуй,
горло расстояний.
Празднуй, музыка и дух
Одного из двух слияний.
Поглоти одно из двух.*

Образ слияния-отторжения, подобного взгляду на себя в зеркало, проследживается в самой композиции книги: «Где Америка» и «Где бег» (с подзаголовком «Стихи, написанные в России»). Настоящее и прошлое сменяют друг друга, в каком-то смысле соперничая, отзываясь одно в другом неожиданными стру-

нами, и связь их настолько тонка и сильна одновременно, что остается неясным, настоящее ли является эхом прошлого или наоборот. Этакий эффект зеркального коридора, цирковой трюк, иллюзия не повторения, но единого пути, детская — на первый взгляд — загадка, кажущаяся простой, но так и остающаяся неразгаданной, как все настоящие чудеса.

Но обе эти части объединяет поэма, не зря размещенная автором в конце книги — играющая роль общей пуповины для настоящего и прошлого: одновременно и исток, и устье большой воды, истинная душа, а значит, отражение без прикрас, ибо даже отражение может нас обмануть. Вода холодна, ветер уносит лицо смотрящего в воду, но — хотя бы на одно-единственное мгновение — вода ухватывает выражение глаз, и этого становится достаточно для любви и понимания.

Не зря в самом названии поэмы просматриваются, как мне кажется, все те же мотивы повторения и вечно-го движения: «Стороны света, тень». Стороны света — в понимании как 4 сторон света, так и света — небесного, живого, являющего на-

показ все, что было до этого скрыто, а потом вновь уводящего в тень, потому что без тени не может быть света, без боли не может быть любви, без прошлого нет будущего. География движения сменяется логично и естественно движением света небесного, внутреннего: брошенный компас, сломанная астрология, не открытые еще карты Нового — другого — света, солнце, пронзающее невозмутимую тишину идиллической листвы безвременья:

*Край света,
окоем свеченья —
уже без снега,*

*но до листьев
весна, качаясь и вращаясь,
как маятник, недостижима,
как сон, где ты
меня коснешься.*

В итоге человек всегда оказывается на своеобразном перепутье, которого, однако, ему никогда не покинуть: смотря вперед, в будущее, понимаешь, что «люди со спины выглядят счастливей», как река, несущая воды свои вперед, в океан, туман, и границ воды не различить за этим туманом, оборачиваясь назад, в сторону тех, кто остался в прошлом, к тем, кого ты видишь со спины, опять

понимаешь, что счастье — было, выпитая вода, высохшая река.

И этот момент истины — момент настоящей трагедии и — красоты. Потому что нет красоты без боли, а великая боль рождает настоящему прекрасные вещи. И все, что остается: мгновение над сияющим ледяным течением, цветок над ручьем, еще не сломанный, но готовый сломаться, не как метафора поражения смерти, но как метафора нового рождения — свершенного мифа и слияния с собственной судьбой.

Екатерина Симонова

Реконструкция мифа

Борис Эренбург. *Цивилизация Хранителей*. Пермь: Сенатор, 2011

Пермский звериный стиль — важная составляющая культурного облика региона. Поэтому гости города стараются приобрести сувениры

с изображениями, когда-то свойственными бронзовым фигуркам, найденным археологами на нашей земле. Весьма древними фигурками, которые датируются VII в. до н. э. — XII в. н. э.

Сами же пермские жители не очень любят отвечать на вопрос: что на этих фигурках изображено? Отдельваются туманными высказываниями в духе: «картина мира древних народов Прикамья».

Автор книги «Цивилизация Хранителей» дает свои ответы на этот вопрос. Ис-

торик Борис Эренбург заинтересовался пермским звериным стилем, делая фотографии Чердынского и Пермского музеев, коллекций ПГУ, сравнивая эти изображения с находящимися в государственном историческом музее и Эрмитаже. Количество изображений, предложенных вниманию читателя в книге, впечатляет. Книга представляет собой развернутую интерпретацию оных изображений — элементов пермского звериного стиля с использованием мифов уральских и сибирских

народов: хантов, манси, вогулов, славян, угро-финнов от мордвы до коми-пермяков.

Так создается авторская версия картины мира древней цивилизации пермской земли, а точнее, трех миров: Верхнего, Среднего и Нижнего. Цивилизации, именуемой автором книги Хранителями. Почему так? Потому что они «сберегали для будущих поколений воплощения своих духов». Будущими поколениями оказались пришедшие на эту землю коми-пермяки, сохранившие легенды о вытесненных Хранителях. Легенды о «чуди белоглазой», ушедшей под землю. Высоком красивом народе, не знающем корысти, равнодушном к золоту, ушедшем от соблазнов внешнего мира.

Объясняя разные элементы звериного стиля, автор пытается рассказать

об особенностях времени, когда звериный стиль создавался, каких именно богов воспроизводили бляхи, украшения, пронизки, шумящие подвески... В каких отношениях эти боги находились, как они приходили на помощь людям. Читатель может получить представление о пантеоне Хранителей, изображаемых в бронзовой пластике: человеколосьях, медведях, столетней щуке, верховных богах Сол-Туре, Ками-Эве, светлом мальчике Альви и многих других.

Жизнь племени пермских Хранителей автором тоже воспроизводится детально, в подробностях. Можно узнать о том, как были устроены их города, как велась торговля, какие проводились обряды в этом племени: женские, мужские, детские, чем занимались их сказите-

ли и шаманы. Автор использует и труды исследователей мифов народов, населяющих эти земли, пытается «прочитать» смысл древних изображений, «оперируя категориями вероятного». Разглядывая многочисленные рисунки в книге, читатель может сопоставлять собственные мысли и объяснения автора. Например, автор делает вывод: пермские Хранители не были воинственным народом. Читатель тоже не может обнаружить в изображениях пермского звериного стиля никакого оружия!

Историки могут счесть «Цивилизацию Хранителей» дилетантской книгой. Но это чуть ли не первая попытка внятно объяснить широкой публике смысл изображений загадочного пермского звериного стиля.

Татьяна Наумова

Авторы номера

Гульнара Ахметзянова родилась в городе Гремячинске, в Пермском крае. Училась в театральном институте г. Екатеринбург, мастерская В.Н. Коляды (2002-2007). Участвовала в Форуме молодых писателей в Липках (2009) и фестивале «Любимовка» (2004). Автор пьес: «Любовь как доза кокаина» (2010), «Прекрасное далеко» (2007), «Что наша жизнь? Игра!» (2007). Пьесы были переведены на английский язык. Публиковалась в сборниках уральских драматургов «Нулевой километр» (2004), «Все будет хорошо» (2006) «За линией» (2008) и журнале «Театр».

Анна Бердичевская родилась в Соликамске в одном из лагерей ГУЛАГа. Закончила мехмат Пермского университета. Печатала стихи и прозу в журналах «Литературная Грузия», «Континент», «Юность», «Новый мир», «Знамя», «Урал». Автор книг: «Тихий ангел», «Странствие», «Отзвук», «Чемодан Якубовой», «Масхара. Частные грузинские хроники». Член «Пен-клуба». Живет и работает в Москве.

Арсений Бессонов (1981-2005). Родился в городе Березники, с 1986 года жил в Перми. Окончил исторический факультет Пермского государственного университета. Поступил в аспирантуру кафедры философии Пермского государственного педагогического университета. Лауреат литературной премии «Илья-Премия» (2001). Стихи публиковались в сборниках «Пробивается первая зелень» (серия «Илья-Премия»), «Приют неизвестных поэтов. Дикороссы», альманахе «Илья» и др.

Семен Ваксман родился в 1936 году в Ставропольском крае. Окончил Московский институт нефтехимической и газовой промышленности (1959). Автор книг «Лик земли» (Пермь, 1967). «Златые горы», (Пермь, 1989), «Условный знак» (Пермь, 1991), «Дым» (Пермь, 1999), «Я стол накрыл на шестерых: роман» (Пермь, 1999), «Путеводитель по Юрятину» (Пермь, 2005). Публиковался в журналах «Вопросы литературы», «Уральская новь», альманахе «Третья Пермь» и др.

Анатолий Королев родился в Свердловске в 1946 году. Детство и юность провел в Перми, где окончил филологический факультет ПГУ. Работал в пермской прессе и на ТВ. В 1980 году переехал в Москву. Автор книг: «Страж западни», «Ожог линзы», «Блюстители неба», «Охота на ясновидца», «Эрон», «Человек-язык», «Голова Гоголя», «Змея в зеркале», «Быть Босхом», «Stop, коса!» и др. Лауреат итальянской премии Пенне, премии Академии российской современной словесности и др. Произведения переведены и изданы во Франции, Италии, Германии, Китае и др. Профессор литературного института, где ведет мастер-класс прозы.

Александр Д. Медведев родился в 1945 году в Сибири. В 50-70-х г.г жил в Пермском крае. Работал на березниковских предприятиях, на шахте в Гремячинске. Член Союза писателей с 1976 г. Печтается во многих российских журналах, а также в Германии, США. Автор восьми книг прозы и лирики, а также романа в стихах «Нулевые годы». Лауреат Пермской премии им. Решетова. Живет в Москве.

Андрей Пермяков родился в 1972 году в г. Кунгуре. Закончил Пермскую государственную медицинскую академию. Кандидат медицинских наук, живет и работает в Подмоскovie с 2008 г. Печатал стихи, прозу, критику в журналах и альманахах «Абзац», «Алконост», «Арион», «Воздух», «Волга», «День и Ночь», «Дети Ра», «Знамя», «Урал».

Ольга Роленгоф родилась в Перми в 1979 году. Закончила истфак ПГУ. Состоит в литературно-философском обществе «Арт Модерн». Автор идеи конкурса «Узнай поэта!». Публиковалась в журналах «Урал», «Дети Ра», «Литературная Пермь», «Интерпоэзия» сборниках «Стерн» (СПб), «@нтология» (Москва) и др. Автор книги стихов «Зерние» (2007).

Анна Суворова — преподаватель кафедры культурологии ПГИИК, кандидат искусствоведения. Куратор и со-куратор более 50 выставочных проектов, реализованных в государственной Третьяковской галерее, Пермской государственной художественной галерее, Центральном выставочном зале Перми и др. Автор ряда научных статей и публикаций, посвященных проблемам развития отечественного искусства.

Дарья Тамирова родилась в г. Мантурово Костромской области. В 2004 году закончила факультет современных иностранных языков ПГУ. Работала переводчиком, преподавателем немецкого языка, журналистом. Публиковалась в журнале «Дети Ра», альманахе «Время перемен». Участвовала в фестивалях «Камский анлим», «СловоNova». Автор книги стихов «Тише воды» (М., 2007).

Поддержка проекта была осуществлена Министерством культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края

Вещь: Литературный журнал. — Пермь: Издательство «Сенатор», 2011. — 132 стр.

Редактор:
Павел Чечеткин

Выпускающий редактор:
Юрий Куроптев

Издатель:
Борис Эренбург

Дизайн обложки:
Иван Моисеенко

Верстка, дизайн:
Владимир Татарский

Корректор:
Анна Лукьянова

Фото:
Борис Эренбург (стр. 85, 110)
Из архива С. Соснина (стр. 99, 101, 103, 105, 107)
Из архива Н. Гашевой (стр. 90, 92, 94)

Рукописи для публикации принимаются по электронному адресу: senator@permplanet.ru

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вещь» обязательна.

Адрес редакции:
614000, г. Пермь, ул. Луначарского, 21
Тел. (342) 212-32-17
e-mail: senator@permplanet.ru

© «Вещь», 2011

© Авторы, 2011

© Издательство «Сенатор», 2011

Облако темное изнутри **слушайте** если хотите **за**
тьмой за **бездной** страшной **город** и река **любовь**

как доза **кокаина** вторая **смерть** **лазаря** чем проще тем
больней кому и зачем нужна пермская **литература**

первочитатель **художники** и нехудожники **массовая** поэтическая
культура сядь на пенек **почти** пирожок **аэды** наших
дней жизнь **продиктована** любовью простые вещи

жизнь сворачивается **в сад** здравствуй горло **расстояний**
реконструкция мифа